

Ф. ИЛЬЮТКО

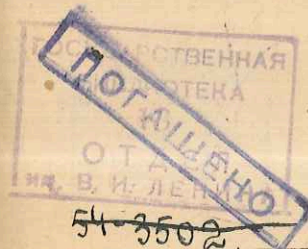
454 U 77
457

БАСМАЧЕСТВО В ЛОКАЕ

396
399

С 4 СХЕМАМИ

29-37100

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Ильютко Ф. — „Басмачество в Локае“. — Работа охватывает историю военной и политико-экономической борьбы с басмачеством Локая, одной из отдаленнейших и глухих Среднеазиатских окраин Советского Союза. Значительное внимание уделено военно-географическому описанию Локая и освещению сложных племенных отношений и бытовых особенностей туземного населения. В основу работы легли личные воспоминания и записи автора — непосредственного участника борьбы с локайским басмачеством. Начальствующий состав РККА и запаса найдет в книге т. Ильютко ценный материал для изучения опыта и ошибок длительной борьбы с басмачами, изучения, имеющего огромное значение в нашей революционной политике на Востоке. Книгу можно рекомендовать и для гражданского читателя, желающего ознакомиться с историей басмаческого движения.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	5
Военно-географическое описание	7
Население	27
Экономическое состояние Локая	39
Басмачество до революции	45 ✓
Бухарская революция 1920 г. и Локай	48
Советизация Бухары и начало массового басмаческого движения	52 ✓
Авантюра Энвер-паши	56
Локай в центре басмаческого движения	62 ✓
Советизация Локая	69
Первый всеплеменный локайский курултай (съезд)	73
Сентябрьские бои с басмачами	78
Реорганизация ревкомов	89
Зимняя кампания 1923/24 г.	94 ✓
Политическая работа среди населения. Курултай и совещания влиятельных лиц и духовенства	98 ✓
Семельная реформа в Локае. Посевная кампания	113
Встановка к летней кампании 1924 г.	118
Борьба с голодом	123
Новое в советском строительстве летом 1924 г.	128
Борка хлеба и налоговая кампания	131
Действия сторон за летний период и до конца 1924 г.	135
Разгром басмаческого движения	151

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Советские республики Средней Азии продолжительное время были ареной ожесточенной борьбы басмачей против советской власти. Под знаменами басмаческого движения объединились полуфеодалы-баи, чиновники и реакционное духовенство.

Борьба закончилась решительным разгромом басмачества. Часть басмачей, обманно вовлеченных в движение, маскировавшее свою контрреволюционную сущность религиозными и панисламистскими лозунгами, добровольно сложила оружие, часть—наиболее непримиримая—эмигрировала в Афганистан.

В течение нескольких лет белобасмаческая эмиграция почти не проявляла признаков активной антисоветской деятельности. Этому мешала, главным образом, политика падишаха Афганистана Амануллы-хана, решительно пресекавшего всякую агрессивность басмачей по отношению к Советскому Союзу.

Но афганские события последнего времени в известной степени развязали руки басмаческой эмиграции. В мае 1929 года мы имели налет на нашу территорию нескольких сот басмачей во главе с Файзулой Махсумом, бывшим чиновником эмира Бухарского. Пограничные отряды Красной армии нанесли басмачам жестокий удар, в результате которого сам Файзула едва спасся.

Это выступление является, повидимому, началом новых авантур белобасмаческого эмиграционного лагеря, который держится английской ориентации.

В свете указанных событий предлагаемая вниманию читателя работа т. Ильютко приобретает для настоящего времени особый, не только чисто исторический

интерес. Она призвана, в известной степени, заполнить существенный пробел в нашей крайне скудной литературе по басмаческому движению.

Тов. Илютко, освещая причины басмаческого движения, рисует формы и методы военно-политической борьбы с ним, давая подробный анализ сложного переплетения социальных отношений и бытовых особенностей Локая.

Локай—отдаленная окраина, входит в состав Таджикской советской республики,—района, в свое время наиболее зараженного басмаческим влиянием. Достаточно указать, что с басмачеством в Таджикистане было вполне покончено лишь после 1926 г. Это обстоятельство еще более повышает интерес настоящей книги.

Издательство, выпуская работу т. Илютко, выражает уверенность в том, что знакомство с ней окажет большую пользу не только начальствующему составу Красной армии, но и каждому советскому работнику национальных советских республик.

Редакция.

ВОЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ.

Локай прозван почему-то «Локайской долиной», в действительности он является районом горным, и некоторые из его перевалов достигают высоты 1500 метров над уровнем моря. Даже так называемый «Бальджуанский Локай» нельзя назвать долиной, ибо и тут высота некоторых гор достигает 900 метров. «Локай коренной», или первый Локай, находится между реками Вахш и Кафирниган.

Второй—Бальджуанский—Локай, нынешний Бальджуанский тумен (округ, уезд) Кулябского вилайета (области), образовался в довоенный период. В указанные время в Бальджуанском Локае поселялись туземцы, скрывавшиеся от кровной мести соплеменников. Находящиеся в Бальджуанском тумене горы Сарсарьяк, доступ к которым прикрыт со стороны Локая рекой Вахш, служили беглецам надежным убежищем.

В своей работе я Бальджуанского Локая касаться не буду, так как он в жизни Локая существенной роли не играл.

Кроме того, ко времени басмаческого движения у Локая коренного с Локаем Бальджуанским родственной связи уже не существовало.

Границы Локая. В настоящее время Локай входит под названием Яванского тумена в состав Дюшамбинского вилайета Таджикской автономной социалистической советской республики. С севера и северо-востока Локай граничит с Янгибазарским и Файзабадским туменами, также входящими в состав Дюшамбинского вилайета; с востока—с Бальджуанским туменом Кулябского вилайета; с юга—с Кургантюбинским и Каба-

дианским туменами Кургантюбинского вилайета; с запада—с Гиссарским туменом Дюшамбинского вилайета.

Северной и северо-восточной границей с Янгибазарским и Файзабадским тумсанами служат: перевал Зардолу, северные склоны гор Ходжи-Абдул-хан и Ранган-тау. Северная пограничная линия проходит через северный склон перевала Зардолу, северный склон гор Ходжи-Абдул-хан и через кишлаки: Кызыл-булак, Шур-дагана, Календаробад, Лойка и Кунобай. *Южную границу* Локая с Кургантюбинским и Кабадианским туменами образуют остров Арал-Тугай и далее линия, проходящая по южным склонам гор Арык-тау и Ак-тау, причем указанные горы и остров Арал-Тугай целиком принадлежат Локаю. Восточной границей Локая с Бальджуанским туменом является река Вахш. Западную границу Локая с Гиссарским туменом составляет река Кафирниган в своем течении до урочища Джигида-Баг.

До революции южную границу Локая с Кургантюбинским гузарством (уездом) составляло южное течение реки Вахш вплоть до ее впадения в реку Амударья. Кабадиан входил в состав Локая. Из этого видно, что после революции значительная часть территории Локая отошли к Кургантюбинскому вилайету (области).

Пространство и устройство поверхности (см. в приложении карту Локая). Локай занимает пространство в 10 615 кв. км, имея протяжение с севера на юг 197 километров и с востока на запад 95 километров.

По устройству своей поверхности Локай является гористым районом, и, как уже мною указывалось, данное Локаю название «Локайская долина» не отвечает действительности. Локайские горы являются частью самой высокой горной системы Тянь-шань. Что же касается долин, то их в Локае три: Яванская, Ляурская и Аулкинская.

Все три долины занимают площадь в 1 196 кв. км, т. е. немного больше одной десятой всей территории Локая.

Яванская долина, занимая пространство в 860 кв. км, является самой значительной из локайских долин. Тя-

нется она в южном направлении от гор Ходжи-Абдул-хан между горами: с востока Кара-тау и с запада Джитым-тау, и урочищем Донгузадыр, оканчиваясь у острова Арал-Тугай. Название свое долина получила от протекающей по ней реки Яван-су. Яванская долина чрезвычайно богата оврагами, из коих наиболее значительны: Дагана-су, Нарын-су, Мерксе-су, Кайнар-булак, Ишма-сай, Ламка-сай, Шурча-сай. Все эти овраги впадают в реку Яван-су и расположены по правому ее берегу. Овраги по левому берегу незначительны и названий не имеют. Почва Яванской долины плодородная, но запахивают ее только в северной части, так как она служит для локайцев зимним пастбищем. Летом овец пасти нельзя, потому что в долине растет особой породы бурьян. Когда он отцветает, колючки цветов, обиваемые ветром или самими овцами, попадают овцам в уши и вызывают падеж скота.

Ляурская долина (на карте названия нет) начинается у стыка гор Ранган-тау и Газималек и тянется на север между гор: с востока Ранган-тау и с запада Карши-тау, оканчиваясь в районе Кок-таш и соединяясь в этом месте с Янгибазарской долиной. Название свое долина получила от расположенных на ней двух кишлаков Ляур. По ней протекает не имеющая названия (на карте) речка, впадающая в реку Кафирниган. Жители называют эту речку Сасы-су, что значит—вонючая вода. Действительно, в летнее время вода в ней для питья совершенно непригодна, и жители подвозят воду из реки Кафирниган. Зимой же, когда идут непрерывные дожди, вонь пропадает.

Ляурская долина занимает пространство в 192 квадратных километра. Почва—плодородная, но используют ее жители только для пастбища. Благодаря своей узости она служит как бы выгоном прилегающих к ней кишлаков (ширина ее 8 километров).

Долина Аулкин на карте 2-верстке названа урочищем Дашти-киик. Начинается она у южного склона гор Ранган-тау и тянется на юг между горами Газималек и урочищем Донгуз-адыр, оканчиваясь у острова

Арал-Тугай. Долина занимает пространство в 144 кв. км. Почва ее плодородна и засеивается главным образом хлопком, так как долина имеет богатые водой овраги—Дагана-су, Кур-оглы и речку Ак-су.

Горы. На территории Локая имеются следующие горы: Кара-тау, Ходжи-Абдул-хан, Нарын-тау (на карте Норы-тау), Джитым-тау, Ранган-тау, Карши-тау, Гази-малек, Арык-тау и Ак-тау.

Локайские горы расположены следующим образом:

1. Восточную и своим северным отрогом северо-восточную часть Локая занимают горы Кара-тау. Начинаются они в северной своей части у кишлака Гумбулак и тянутся на юг вдоль реки Вахш, образуя своим восточным склоном ее правый берег. Оканчиваются горы Кара-тау у поворота реки Вахш с востока на юг. На северо-востоке Кара-тау отделяются от гор Мир-биби речкой (без названия), берущей свое начало в горах Мир-биби и впадающей в Вахш, и соединяются с ними лишь восточным отрогом перевала Зардолю. С севера Кара-тау отделены от гор Оби-Гарма рекой Ильяк. С северо-запада от гор Ходжи-Абдул-хан Кара-тау отделяются рекой Яван-су, соединяясь с ними западным отрогом перевала Зардолю в районе кишлаков Кизылбулак и Чепсоле. Таким образом перевал Зардолю, являющийся составной частью гор Кара-тау, связывает между собой три указанные горы. С запада Кара-тау от остальных гор отделяется Яванской долиной. Высота гор Кара-тау на линии г. Яван—800 м и в окончании у развалин Джалтыр-кала—500 м. Высота перевала Зардолю около 1 500 м. Восточный склон Кара-тау очень крут, скалист и доступен только в районах кишлаков Чар-гут, Вафля-абад и Санг-туда. Северный, западный и южный склоны почти везде доступны. Гребень гор широкий.

2. Горы Ходжи-Абдул-хан, расположенные в северной части Локая, начинаются у Янгибазарской долины и оканчиваются на юге у Яванской долины. (На их наибольшей высоте находится могила мусульманского святого, по имени которого горы и носят название.) Они

вклинились между гор Кара-тау, Ранган-тау и Норы-тау, отделяясь от Кара-тау рекой Яван-су, от Ранган-тау—проходимым оврагом Шур-дагана и от Норы-тау—Султанрабатской щелью. Высота гор Ходжи-Абдул-хан—от 1 200 м до 1 800 м. Склоны гор Ходжи-Абдул-хан везде доступны, за исключением части выходящего к Султанрабатской щели западного склона, который в этом месте исключительно скалист и крут. Гребень гор довольно узок, но доступен для действий в конном строю.

3. Западную часть Локая занимают горы Карши-тау, которые тянутся с севера от кишлака Ходжи-Имат в южном направлении вдоль реки Кафирниган, образуя своим западным склоном левый ее берег. Оканчиваются горы Карши-тау у кишлака Шуриан. От гор Ранган-тау они отделяются Ляурской долиной до кишлака Гамды (на карте нет) и от гор Гази-малек проходимым оврагом. Высота гор Карши-тау достигает в северной части 700 м и в южной—550 м. Западный берег изрезан оврагами, большинство которых доступны. Непроходимы лишь овраги, находящиеся в районе кишлака Ляйля-хана. Восточный склон доступен на всем протяжении гор. Гребень широк, допускает даже движение на колесах.

4. Южную часть Локая занимают горы: Гази-малек, Арык-тау и Ак-тау. Горы Гази-малек начинаются у ю.-з. части Ляурской долины, сливаясь в этом месте с юго-западным отрогом гор Ранган-тау. Затем они тянутся в южном направлении между гор: с востока до кишлака Дагана—Ранган-тау и с запада до кишлака Шуриан—Карши-тау, отделяясь от последних проходимым оврагом, не имеющим названия. От гор Ранган-тау горы Гази-малек отделяются оврагом Шур-об и далее ложбиной, выходящей на дорогу Дагана—Ходжи-Имат; границу с горой Ат-Джулы составляет ущелье Ак-су до кишлака Киик.

В южной своей части горы Гази-малек, начиная от линии перевалов—Якба-ябу, Ходжа-белес и развалины Ходжа-Бех-об и далее на юг, проходят узким клином

между горами: с востока Арык-тау и с запада Ак-тау, отделяясь от обеих проходимыми оврагами. Оканчиваются горы Гази-малек на линии урочища Джигида-Баг.

Высота гор Гази-малек—от 700 м до 2 200 м. Северная часть от начала гор до линии кишлака Гази-малек—самая недоступная. В этом месте Гази-малек пересекают две тропинки: первая—из кишлака Гази-малек на кишлак Ходжа-абад, и вторая севернее, идущая из Дагана-киик по оврагу Шур-об и пересекающая гребень Гази-малек у развалины Гирсар (на 10-верстке нет).

Недоступность этой части гор Гази-малек состоит в том, что как восточный, так и особенно западный склоны очень круты и скалисты, а гребень гор представляет собой настоящее острие.

В остальном протяжении гор восточный склон не скалист и, хотя гораздо круче западного, все же для действий в пешем строю везде доступен, а перевал Якба-Ябу доступен и в конном строю. Западный же склон на всем своем протяжении скалист, и потому подъем на него затруднен даже при действиях в пешем строю; в конном же строю можно подниматься только из кишлака Шуриан через перевал Ходжа-белес. Южный склон гор доступен. Гребень гор широк, но сильно пересечен впадинами и котловинами. Однако действия, как в пешем, так и в конном строю, возможны. Гази-малек имеют лесную растительность, чего нет на остальных горах Локая. Растет на них главным образом карагач (горная сосна) и фисташковое дерево.

Почва гор Гази-малек плодородна, благодаря чему горы в своей северной части, за исключением скалистого отрога, и в центральной густо заселены.

Горы Арык-тау начинаются своей северной частью у перевала Якба-Ябу и тянутся на юг между гор Ак-тау и рекой Вахш, заканчиваясь на линии начала надписи—урочище Гараут-Дашти. Горы Арык-тау отличаются от гор Гази-малек тем, что они на всем своем протяжении, несмотря на овражность, доступны и не скалисты. Высота гор Арык-тау от 550 м до 1 500 м.

Горы Ак-тау, не отличаясь скалистостью, чрезвычайно богаты непроходимыми оврагами, в особенности их западный склон, и вследствие этого малодоступны. Начинаются они на линии урочища Джигида-Баг и тянутся на север до развалины Ходжа-Бех-об, соединяясь в этом месте с горами Гази-малек. Высота их от 400 м до 1 100 м. Почва гор Ак-тау—каменисто-песчаная, неплодородная и бедная водой: имеется всего лишь пять родников и четыре колодца. Вследствие этого горы Ак-тау почти не заселены, лишь над самым берегом реки Кафирниган живут в своих кочевках отдельные жители племени Кунграт.

5. Центральную часть Локая занимают горы: Ранган-тау¹, Джитым-тау и Норы-тау².

Горы Ранган-тау берут свое начало у кишлаков Аулкик и Дагана-киик и тянутся в северо-восточном направлении, образуя полудугу с горбиной на запад, начинающейся от оврага Шур-об и оканчивающейся на линии кишлака Кок-таш. Оканчиваются горы Ранган-тау у кишлака Шур-Дагана. Своей полудугой Ранган-тау охватывает западные и северо-западные склоны гор: Джитым-тау, Норы-тау, и частично Ходжи-Абдул-хан, отделяясь от этих гор ущельями: Бишбулакским (на карте ущелье Шаршар), Нарынским и оврагом Шур-Дагана. С запада Ранган-тау отделяется от гор Карши-тау Ляуреккой долиной, а с юга и юго-запада от Гази-малек—ущельем Дагана-киик и оврагом Шур-об. Высота гор Ранган-тау—от 800 м до 1 500 м.

Западный склон Ранган-тау от кишлака Ингичка до Кок-таш крут и изрезан глубокими оврагами, но доступен. Со стороны оврага Шур-об доступен только действиям в пешем строю. Во всех остальных местах западный склон доступен конному строю. Северный и северо-восточный склоны на всем своем протяжении доступны и в пешем и в конном строю.

Восточный склон доступен везде, за исключением го-

¹ Жители называют их Ренген-тау.

² Жители называют их Нарын-тау.

ры Ак-булак, восточный склон которой скалист и очень крут. Южный склон со стороны кишлака Дагана доступен только в пешем строю, но со стороны кишлака Аул-киик доступен и в конном строю. В районе кишлака Буры-булак горы Ранган-тау изрезаны проходимыми оврагами. Гребень гор широк, но края его гораздо выше середины, вследствие чего сама середина гребня является вогнутой. На гребне гор имеется три площадки: одна в районе кишлака Султан-рабат, вторая—в районе кишлаков Пак-рабат, Кара Мынды и третья—в 12 километрах северо-восточнее Пак-рабат. Лесной растительности горы не имеют и скалистостью не отличаются. Почва плодородна, благодаря чему горы густо заселены. Воды также достаточно.

Горы Норы-тау начинаются у кишлака Норы и тянутся в северо-восточном направлении, оканчиваясь у кишлака Дагана. Высота гор Норы-тау достигает 1 200 м. Южный склон гор Норы-тау, являющийся левой стеной Нарынского ущелья, крут, скалист и поэтому недоступен. То же самое следует отметить и в отношении северо-восточного склона, являющегося правой стеной Даганинского ущелья. Северо-западный и юго-восточный склоны везде доступны как в пешем, так и в конном строю. От гор Джитым-тау горы Норы-тау отделяются Нарынским ущельем, а от гор Ходжи-Абдулхан—Даганинским ущельем. Северо-западным склоном горы Норы-тау соединяются с горами Ранган-тау.

Горы Джитым-тау представляют собой соединение семи гор («Джитым-тау» в переводе означает семь гор). В Джитым-тау входят: сама гора Джитым-тау, гора Ходжаи-Зарын¹ и пять гор, имеющих общее название «Урочища Донгуз-адыр». Эти пять гор в южной части разьединены и присоединяются к Джитым-тау северной частью в районе кишлаков Шар-шар. Гора Джитым-тау и гора Ходжаи-Зарын между собой соединены.

Начинаются горы Джитым-тау своим урочищем Донгуз-адыр у острова Арал-Тугай и тянутся в север-

ном направлении до Нарынского ущелья, образуя северным скалистым и недоступным склоном правую стенку последнего; ущелье отделяет горы Джитым-тау от гор Норы-тау.

С восточной стороны горы Джитым-тау отделяются от гор Кара-тау Яванской долиной, а с запада от гор Ранган-тау и Гази-малек Бишбулакским (на карте Шар-шар) ущельем и Аулкииикской долиной. Высота гор Джитым-тау достигает: в урочище Донгуз-адыр до 1 000 м, в остальном протяжении до 1 400 м.

Восточный и западный склоны гор Джитым-тау, а также все склоны урочища Донгуз-адыр везде доступны как пешему, так и конному строю. Почва гор—плодородная.

Ущелья и щели. Из ущелий, имеющих тактическое значение, заслуживают внимания только пять: Бишбулакское (на карте 10-верстке ущелье Шар-шар), Даганакииикское (на карте 10-верстке ущелье Киик), Нарынское, Даганинское и Ак-су.

Бишбулакское ущелье на карте 10-верстке обозначено ущельем Шар-шар». Этого названия жители не знают, называют его Бишбулак. Название это дано жителями потому, что в ущелье выходят из гор Ранган-тау и Джитым-тау пять родников. Слово «биш» в переводе на русский язык значит—пять, а слово «булак»—родник. Таким образом, наши карты названия обозначают совсем верно.

Бишбулакское ущелье начинается у кишлака Кара-агач, что в 5 км западнее кишлака Норы (кишлак Кара-агач и начало ущелья на 10-верстке не обозначены). Является ущелье на юг между горами Джитым-тау и Ранган-тау и выходит на Аулкииикскую долину, где образует у кишлака Шимаболе овраг Шима-сай, впадающий в реку Яван-су. Бишбулакское ущелье везде проходимо, богато водой и густо заселено.

Даганакииикское ущелье (на карте 10-верстке—ущелье Киик) начинается в горах Ранган-тау у кишлака Аула-Джитар и тянется в южном направлении между гор Ранган-тау и Гази-малек, выходя в Аулкииикскую

¹ Гора Ходжаи-Зарын на карте обозначена отдельной горой.

долину, в которой образует овраг Дагана-су, к коему у кишлака Аул-киик примыкает овраг Кара-Мынды. Овраг Дагана-су тянется далее на юг и у кишлака Ачи-чучук впадает в речку Ак-су, а последняя в реку Вахш через ее правый рукав, окаймляющий остров Арал-Тугай. Даганакиикское ущелье проходимо везде.

Нарынское ущелье (на карте не обозначено) начинается тремя разветвлениями: левое разветвление начинается между гор Ранган-тау и Норы-тау в районе кишлака Чучи (на карте не назван), среднее и правое ответвления начинаются в горах Ранган-тау и в 3 километрах севернее кишлака Карагач (на карте 10-верст его нет), причем правое ответвление проходит до слияния всех ответвлений между горами Ранган-тау и Джитым-тау. Соединяются правое и среднее ответвления северо-западного угла северного склона гор Джитым-тау и далее тянутся в восточном направлении. Левое ответвление присоединяется к ним в районе юго-западного угла южного склона гор Норы-тау и центра северного склона гор Джитым-тау и таким образом образуется единое Нарынское ущелье. Оно тянется в том же направлении и, выходя на Яванскую долину в районе кишлака Норы, образует в долине овраг Нарын-су. По ущелью протекает ручей, который в летние месяцы в своем течении по оврагу Нарын-су пересыхает. Нарынское ущелье в его протяжении между северным склоном гор Джитым-тау и южным Норы-тау вследствие узости и каменистости дна непроходимо. Поэтому горная дорога здесь проходит по северному склону Джитым-тау.

Даганинское ущелье (на карте не названо) начинается двумя ответвлениями: левое в горах Ходжи-Абдул-хан на линии кишлака Чар-рога, а правое — между гор Ранган-тау и Ходжа-Абдул-хан в районе кишлака Голуба (на карте нет). Оба ответвления тянутся в южном направлении и соединяются у кишлака Шур-булак в 6 км севернее города Яван (на карте нет) и затем образуют единое, Даганинское ущелье, по которому протекает ручей. У кишлака Дагана ущелье выходит

Яванскую долину, образуя в ней овраг Дагана-су, впадающий в реку Яван-су. Даганинское ущелье всюду проходимо.

Ущелье Ак-су (на карте не обозначено) начинается у кишлака Дагана-киик и тянется между гор Газималек и Ат-джулы с севера на юг. У кишлака Киик ущелье выходит в Аулкиикскую долину в районе урочища Киик, образуя речку Ак-су, протекающую в южном направлении и впадающую в реку Вахш. Ущелье Ак-су везде проходимо.

Пакрабадская щель (на карте не названа) проходит в горах Ранган-тау и начало свое берет в урочище Бадек (на карте 10-верстке). От названного урочища щель тянется в юго-западном направлении, выходя на Пакрабадскую площадку, где соединяется с оврагом Кара-Мынды. Овраг Кара-Мынды тянется в горах Ранган-тау в южном направлении и у кишлака Кураз присоединяет к себе овраг Буры-булак (на карте не назван). В одном километре южнее кишлака Шар-шар овраг Кара-Мынды соединяется с Бишбулакским ущельем. Пакрабадская щель на всем своем протяжении богата водой, вполне годной для питья. Вода используется также для работы водяных мельниц.

Реки. Река Вахш протекает между горами Сарсарьяк и Кара-тау. Свое начало она берет в горах Заалайского хребта и впадает в Аму-дарью.

Из всех горных рек Восточной Бухары река Вахш самая быстрая и шумная. Быстрота течения, к сожалению, не исследована, но течение настолько сильно, что вода ворочает камни весом до 8 тонн.

Оба берега Вахш очень круты, неровны, скалисты и малодоступны. Лишь при выходе ее из гор Кара-тау и Сарсарьяк при повороте на юго-запад от переправы Санг-туда берега становятся более доступными вплоть до впадения реки в Аму-дарью у развалины Карыш-хан (43 километра южнее Кабадиана). Вброд река Вахш почти круглый год непроходима. Переправа вплавь возможна лишь к концу года в районе переправы Кызылкала.

В мае, в июне и первой половине июля Вахш совершенно непроходима вследствие сильного таяния снегов Заравшанского и Заалайского хребтов и прилегающих к ним гор. В это время течение Вахш особенно шумное и зловеще бурливое. Рев ее слышен километров за 6. При выходе Вахш из гор Сарсарьяк и Кара-тау, в особенности от переправы Кызыл-кала и до самого устья, течение более ровное, и дно реки менее каменистое.

После таяния снегов, с октября или даже с конца сентября до марта, возможна переправа на каюках¹, но в горном течении она опасна и применяется очень редко. Во время гражданской войны каючную переправу в горном течении производили только басмачи, и то лишь в хорошо известных им местах. На локайской территории через реку Вахш имеются следующие каючные переправы: Чартут, Вафля-абат, Джам-кала, Санг-туда и Кызыл-кала. По доступности берегов и по ровности течения наиболее удобны переправы Санг-туда и особенно Кызыл-кала. В указанных пунктах басмачи переправлялись иногда даже вплавь, привязывая по две бурдюка (надутая воздухом кожа) к седлу и по одному к себе. Такой способ требует особо тщательного знания места переправы.

При выходе Вахш из гор на юг Локая от нее отделяется, образуя остров Арал-Тугай, рукав, охватывающий большую часть урочища Арал (урочище Арал составляет южную часть Яванской долины). Вода в реке Вахш пресная, но от быстрого течения, чересчур мутная и бывает годна для питья только тогда, когда отстоится.

Сообщение правобережной части с левобережьем происходит главным образом через единственный на Вахше Пульсангинский мост в районе Нурек. Постройка моста возможна еще в районе Санг-туда, что чрезвычайно облегчило бы сообщение с левобережьем.

В этом районе возможна также постройка мощной

гидроэлектростанции, которая осветила бы по крайней мере половину Таджикистана.

Протяжение реки Вахш—425 км.

Кафирниган-дарья начало свое берет у перевала Зах-об, на стыке Гиссарского и Заравшанского хребтов и впадает в Аму-дарью у кишлака Айвадж в 40 км южнее города Кабадиан. В районе кишлака Чим-теле в Кафирниган-дарью впадает горная река Дюшамбинка, берущая свое начало в Гиссарском хребте у перевала Агба-куль. Протяжение реки Кафирниган—385 километров.

Берега Кафирниган-дарьи доступны везде, за исключением северной части ее течения в районе гор Гиссарского хребта. Течение Кафирниган в сравнении с Вахш более мирное, в особенности ниже Янги-базара. Переправы вброд существуют со второй половины июля до конца первой половины апреля. Каючные переправы возможны везде в продолжение всего года.

Для переправы вброд наиболее удобны следующие места: Бальдарган-абад, Гульбута, Саркишты, Кунобай, Ляйля-хана, Лятабан, Чинара-сохта, Яр-тепа, Акмечеть, Ходжи-буль-булан, Ишкобат, Баш-чукрак, Кабадиан и Чаршамбе. В настоящее время на реке Кафирниган частями Красной армии построено два моста: один в районе кишлака Истен, что в 12 километрах севернее Янги-базара, и второй—в Янги-базаре. Постройка Янгибазарского моста избавила жителей Локая и Файзабадского тумана в месяцы разлива от 25-километрового круга в сообщении с Дюшамбе.

Вода реки Кафирниган замечательно вкусная и благодаря более тихому течению—светлая, без всякой мути. Кафирниганская вода жителями Янгибазарской и восточной части Гиссарской долины используется для орошения полей в средней и южной части течения в Кабадианском тумане. В горном течении вода употребляется жителями только для питья.

Медленность течения реки Кафирниган, а также чистота воды объясняются тем, что Гиссарский хребет ниже Заравшанского и, следовательно, беднее снегом.

¹ Каюк—плот из надутых воздухом кож животных.

Река Яван-су протекает по Яванской долине и начало свое берет в северной части Локая у перевала Зардолю. Впадает она в реку Вахш в районе острова Арал-Тугай. Протяжение Яван-су равно 51 км. Большую часть года, примерно с апреля до второй половины декабря, т. е. до начала дождливого времени, вследствие сильной жары Яван-су высыхает, несмотря на то, что в северной ее части в нее впадает несколько оврагов, обладающих водой.

Отсутствие воды в реке Яван-су объясняется еще и тем, что в горах, в которых она берет свое начало, снег выпадает зимой в ничтожном количестве. Кроме того в северной части ее течения вся вода берется на орошение.

Вода в Яван-су, вследствие обилия в почве, как в горах, так и в долине, солей, горько-соленая. Берега реки Яван-су не везде доступны из-за крутизны. Дно ее усыпано мелкими камнями. В общем Яван-су ничего ценного не представляет за исключением того, что может быть приспособлена в оросительный канал при использовании воды реки Вахш для орошения Яванской долины.

Озера и болота. В Локае имеется несколько озер на острове Арал-Тугай; самое большое из них озеро Кара-куль. Вода в большинстве озер соленая и для питья непригодна. Кроме того в Локае есть еще одно очень небольшое воючее и грязное озерцо Куль в Ляурской долине. Это озерцо, а также и остров Арал-Тугай являются источниками малярии. Сам остров — болотистый, но проходимый. Других болот в Локае нет.

Леса. Горы Локая лесной растительностью чрезвычайно бедны. Лишь в горах Гази-малек и в южной части гор Кара-тау есть маленькие рощицы фисташковых деревьев и карагача (карагач — горная сосна с иглами, похожими на можжевельник). В горных кишлаках растут тополи, тутовое дерево; в долинных кишлаках: чинары, урюк, персиковые деревья, груши, яблоки, но все это насажено искусственно. Самый богатый лесом (главным образом, топодем) это — район урочища

Кокташ, но этот лес можно сравнить с хорошим садом среднего имения дореволюционной России. Вследствие недостатка леса каждое дерево в Локае ценится на вес золота.

Климат. Климат в Локае, как и во всей Средней Азии, жаркий. Жара в горах в полдень июля и начала августа достигает 40—45 градусов по Цельсию, а в долине Яванской иногда (в полдень) и 50—60. Ночи холодные. В течение всего лета дожди совершенно не выпадают, зато в январе, феврале и первой половине марта дождь льет непрерывно. Снег в зимние месяцы выпадает очень редко. В долинах он задерживается на два-три часа, в горах — на одну-две недели и лишь на самых высоких вершинах Гази-малек держится иногда до второй половины марта.

Пути сообщения. В Локае, как и вообще в горных районах, путями сообщения служат горные тропинки.

Кенты (волости) Локая сообщаются с Дюшамбе — центром Таджикистана — следующим образом.

*Даганакишкский кент*¹. От кишлака Дагана-киик тропинка, проходя по горам Ранган-тау через кишлаки Чумбулак, Кара-Мынды, Пак-рабат и через высоту 590, выходит у кишлака Ляур в Ляурскую долину и далее идет через урочище Кокташ по Янгибазарской долине до кишлака Янги-базар на мост, соединяющий с военной дорогой. В те месяцы, когда р. Кафирниган допускает переправу вброд, дорога поворачивает у урочища Кокташ в северо-западном направлении на кишлак Бальдарган-абад и идет через реку прямо на Дюшамбе.

Шурианский район. Тропинка лежит по складкам западного склона гор Гази-малек и по восточному склону гор Карши-тау. Проходя кишлаки Шарманку, Акбулак, Минг-ачар, Гамда и Джалтыр-тепе, она выходит в Ляурскую долину, откуда сообщение с Дюшамбе происходит уже по указанной выше дороге.

¹ Кент — волость.

Яванский кент и восточная и северная часть Султанрабатского кента. Яванский кент сообщается с Дюшамбе горной тропинкой, идущей по Даганинскому ущелью через кишлаки Гор-булак, Султан-рабат и затем по оврагу Шур-Дагана. Через Янгибазарский мост тропинка выходит на военную дорогу, ведущую в Дюшамбе. При наличии брода через Кафирниган дорога идет из Султан-абада через высоту 535,5 на кишлак Бальдарган-абад. Эта же дорога связывает центр Султанрабатского кента—кишлак Султан-абад—с городом Яваном, являющимся центром Локая.

Дорога, соединяющая Яван с кишлаком Даган-киик—центром Даганакиикского кента, проходит на запад по Яванской долине через кишлаки Гора и Нарын. Из Нарына она круто поворачивает на юг через кишлак Кайнар вдоль гор Джитым-тау. Из Кайнара дорога меняет направление на юго-запад через Донгуз-адыр—южную часть гор Джитым-тау.

Выходя в северную часть Аулкиикской долины, она затем ведет по Даганакиикской щели прямо в кишлак Дагана-киик.

Из Дагана-киик в Шуриан-баш идут две дороги. Одна лежит через кишлаки Шур-об, Карачаг, развалины Гирсар, откуда круто поворачивает на юг и идет через кишлаки Багак, Касса-Булак, Ходжи-абад в Шуриан-баш. Из Шуриан-баш дорога проходит по высокому берегу Кафирниган-дарьи через кишлаки Акмечеть, Ишкобат в Кабадиан. Вторая дорога Дагана-киик—Шуриан-баш проходит через горы Гази-малек по ущелью Ак-су до кишлака Ябу, откуда поворачивает на запад через кишлак Кош-булак, перевал Ходжа-Бех-об и доходит до Шуриан-баш. Имеется еще третья дорога на кишлаки: Гази-малек, Ходжи-абад и Шуриан.

Из Явана на север проходят следующие две дороги: одна по перевалу Зардоллю на Файзабад, и другая—на Нурек к Пульсангинскому мосту на реке Вахш.

Султан-рабат связан с Дагана-киик тремя дорогами: первая идет через Пакрабат и Кара-Мынды по высо-

там гор Ранган-тау, вторая—по Пакрабадской щели, и третья—по Бишбулакскому ущелью.

Из Явана идет поперечная дорога, которая соединяет все тропинки кроме дорог, лежащих в горах Гази-малек. Эта поперечная дорога идет с востока на запад через Яванскую долину до кишлака Нарын, далее проходит по Нарынскому ущелью и пересекает через кишлак Карагач Бишбулакское ущелье. Затем она поднимается у могилы Ходжа-Зарин-тау на горы Ранган-тау и уже по этим горам выходит через кишлаки Пакрабат и Ганда на Шурианскую дорогу.

Многую перечислены главнейшие дороги, кроме которых есть еще много горных тропинок, не имеющих важного значения. Все указанные выше дороги за исключением дорог Ляурской и Яванской долин для колесного движения непригодны. Движение по ним возможно лишь верхом, а перевозка грузов—исключительно вьючным способом. Ширина этих тропинок незначительна, а потому большинство из них допускает движение только по одному.

В Яванской и Ляурской долинах движение колесного обоза возможно, но требует наведения мостов через овраги. По вершинам гор Кара-тау, Джитым-тау, Нарын-тау и Карши-тау имеются тропинки, очень удобные для движения.

Реки Локая—Вахш и Кафирниган—не судоходны и поэтому не могут служить путями сообщения. Однако они пригодны как водные пути для сплава грузов на каюках. Реку Вахш как каючный водный путь можно использовать от переправы Кызыл-Кала до впадения в Аму-дарью, что, по сведениям жителей, и было до басмаческого движения. Река Кафирниган может быть использована для сплава грузов от кишлака Кунобай до впадения в Аму-дарью, причем груз каюка не должен быть очень тяжелым, так как Кафирниган довольно сильно мелеет.

Считаю необходимым сказать несколько слов о возможности создания в Локае колесных путей сообщения. Колесными путями можно связать военную дорогу Кар-

ши—Дюшамбе с городом Яваном и Кургантюбинским вилайетом следующим образом. От Янгибазарского моста через реку Кафирниган можно проложить дорогу по Янгибазарской долине, на которой должны быть построены через арыки мосты. Долина эта имеет протяжение от Янги-базара до гор. Ранган-тау около 12 км. От долины дорога должна пройти по оврагу Шур и выйти на Султанабадскую площадку. Отсюда дорогу можно проложить по Даганинскому ущелью, осушив его прорытием параллельно дороге арыка для отвода воды. Далее дорога пойдет по Яванской долине до переправы Санг-туда, где имеется возможность построить мост через р. Вахш и таким образом связаться с Кургантюбинским вилайетом. От Курган-тюбе дорога легко может быть проведена до Термеза—крупного торгового центра на границе с Афганистаном.

Этот путь местного значения иметь не будет, так как большинство населения Локая живет в горах и в колесных путях не нуждается. Но общегосударственное значение создания этой дороги вне сомнения. Она облегчила бы переброску необходимых промышленных изделий в Локай, кроме того мы имели бы возможность продолжить нашу военную дорогу Карши—Дюшамбе до самой границы.

Второй колесный путь можно проложить от Янгибазара на Курган-тюбе, соединив его также с военной дорогой Карши—Дюшамбе. Прокладка этой дороги возможна по следующему маршруту: от Янги-базара до кишлака Ляур она пройдет по Янгибазарской и Ляурской долинам, а от кишлака Ляур—по сопкам гор Ранган-тау. В районе кишлака Ингичка дорога выйдет на Пакрабатскую площадку до Кара-Мынды и отсюда пойдет через высоту 480, ложбины которой достаточно удобны для разработки дороги. От высоты 480 дорога все время будет идти по весьма удобной ложбине до кишлака Дагана-киик, от которого по Даганакиикскому ущелью она выйдет на Аулкикскую долину к переправе Кызыл-кала по восточным склонам гор Арык-тау.

Правда, эта дорога существенного значения не имеет,

но будет весьма полезна в случае расположения на ее линии наших частей. В 1924 году наш колесный обоз доходил до самого Ляура.

Общая оценка местности. Локай, хотя и гористый район, но вполне доступен для действий как в пешем, так и в конном строю, и позволяет использовать не только конно-горную артиллерию, но и полевую, причем последнюю лучше было бы приспособить для передвижения не на колесах, а на местных саних, на которых туземцы свозят летом свой хлеб. Трава благодаря жаркому климату большую часть года сухая, и по ней можно ездить на саних, как по льду. Правда, этот способ для передвижения артиллерии еще не испытан, но, на мой взгляд, он вполне пригоден.

Что особенно важно в горах,—воды в Локае вполне достаточное количество, за исключением гор Ак-тау, которые к тому же и в тактическом отношении ценности не представляют вследствие обилия непроходимых оврагов.

Река Вахш является весьма ценным рубежом, прикрывающим Локай с востока. Ее малодоступные и скалистые берега, а также быстрота и сила течения позволяют переправляться на каючных плотах и поплаватках Полянского только в местах переправ, указанных мною в описании реки.

Пульсангинский мост на реке Вахш имеет огромное и тактическое и стратегическое значение. Командующее положение правого берега над левым еще больше увеличивает тактическое значение Вахш, как прикрытия Локая с востока.

Река Кафирниган является преградой, прикрывающей Локай с запада только с мая по август, во время самого сильного таяния снегов Гиссарского и Заравшанского хребтов. Однако от кишлака Лятабан и далее вниз по течению даже в эти месяцы возможны переправы на каюках и на поплаватках Полянского. В остальное время Кафирниган почти везде проходима в конный и пеший брод, за исключением ее течения от кишлака Янги-базар и выше.

Каковы условия обороны Локай против регулярных войск?

Если противник наступает с востока и юго-востока, то Локай в реке Вахш имеет определенную ценность, но требует обеспечения своего правого фланга, так как река Кафирниган не может служить значительной преградой. Необходимо также обеспечение тыла, иначе при проникновении противника в тыл Локай может быть отрезан от военной дороги, и тогда единственным выходом явится отступление на север; отход сопряжен с постоянной огневой угрозой флангам, вплоть до выхода на линию Гарм. При наступлении противника с запада, оборону можно организовать внутри Локай, причем в данном случае левый фланг прикрывается рекой Вахш в ее восточном и южном течении, а правый — командующей ролью Локайских гор в данном направлении. Тыл в этом случае обеспечивается рекой Вахш, но на случай отхода необходимо иметь достаточное количество переправочных средств, производя переправу под прикрытием гор Кара-тау, которые весьма затрудняют для наступающего прохождение Яванской долины. Для противника, наступающего с запада, не менее затруднены перевал через горы Карши-тау и переход через Ляурскую долину, так как указанные места находятся под непрерывной угрозой гор Ранган-тау и Гази-малек.

Отсюда видно, что, при организации обороны против наступающего противника с запада, придется базироваться, главным образом, на горах Ранган-тау, Гази-малек, Хаджи-Абдул-хан и Кара-тау. При наступлении противника как с севера, так и с юга, оборону организовать нетрудно, так как в этих направлениях Локай господствует над прилегающей к нему, местностью и подступы к нему затруднены.

Об условиях наступления в обстановке Локай распространяться считаю излишним, так как из изложенного, на мой взгляд, ясно, что на Локай наступать гораздо труднее, чем оборонять его.

НАСЕЛЕНИЕ.

Национальный и численный состав. Локай населяют три национальности: узбеки, таджики и туркмены. В условиях Локай статистическая работа по учету населения чрезвычайно затруднена. Фанатичные жители отказываются давать о себе сведения, заявляя, что «Аллах знает, сколько людей на земле, а человеку знать — грешно».

Попытка советских органов провести учет населения в 1924 году из-за графы «женщин» чуть было не осложнила ход борьбы с басмачеством. Ибрагим-бек, руководитель басмаческого движения, использовал эту графу для злостной агитации среди населения. Он распространял ложные слухи о том, что «джадиды» (большевики) хотят переписать население и молодых мужчин отправить в Россию, а женщин отдать кизыл-аскерам (красноармейцам). В связи с этим от нормальных форм учета пришлось отказаться и довольствоваться составлением примерных данных о численности населения.

По данным Центрального статистического управления Узбекской АССР («Список населенных мест, выпуск I, Таджикская АССР», изд. 1925 г.), численный состав всего населения Локай определяется в 29 238 человек; из них: узбеков — 15 977 чел., таджиков — 13 102 чел. и туркмен — 159 чел. По тем же данным, в Локае определено 300 населенных пунктов с общим количеством дворов в 5 533.

В своем предисловии ЦСУ заявляет, что список населенных пунктов кентов Дагана-киик и Султан-рабат составлен исключительно по материалам военного ведомства за 1905 год.

Конечно ожидать точности от этих данных не приходится. Более достоверные сведения дают налоговые списки. По подсчетам из налоговых списков ¹ за 1923—1924 г.: в Локае всего населения ² — 32 441 чел.; из них:

¹ Цифры приведены по сохранившимся у автора личным заметкам.

² Сюда вошли пропущенные ЦСУ кашлаки, большая часть которых падает на кент Яван.

узбеков—17 618 чел., таджиков—14 664 чел., туркмен—159 человек. Разница с данными ЦСУ на 3 203 человека. Количество населенных пунктов—323, разница с данными ЦСУ на 23. Количество дворов—6 266, разница на 733 двора. Эти сведения, хотя и не совсем точные, но наиболее близкие к действительности.

Племенной состав Локая. Если таджики внутри себя не имеют племенных и родовых делений, то узбеки Локая как-раз представляют собой племенную и родовую пестроту со всеми вытекающими отсюда проявлениями племенной и родовой вражды. Локайские узбеки признают себя узбеками только по языку, по происхождению же они считают и называют себя—локай, т. е. локайцами. Так же называют их и таджики.

Писаной истории Локая не имеет. Старые локайцы¹ утверждают, что локайские узбеки когда-то составляли единое племя, которое произошло от одного чингисханского вождя по имени Локай, оставшегося со своими войсками между реками Вахш и Кафирниган. О достоверности этих сведений судить трудно, но любопытно отметить, что из всех узбеков Средней Азии локайцы наиболее сохранили монгольские черты лица, свою воинственность, стремление к господству и независимости. Только племя Карлюк утеряло монгольские черты лица благодаря тому, что давно мешало свою кровь с таджиками. Остальные локайские племена еще до сих пор считают унизительным жениться на таджичке или выдать дочь замуж за таджика, несмотря на то, что таджики очень красивый народ.

В настоящее время единого племени *Локай* нет. Из него образовались новые самостоятельные племена, имеющие внутри себя следующие родовые деления:

1. Племя <i>Исан-ходжа</i> .	
Наименование родов	Численность
1. Туяча	1 278
2. Малыш	1 577
3. Утарча	1 459

¹ Так как узбеки Локая называют себя локайцами, то этим названием я буду пользоваться до конца работы.

Наименование родов	Численность
4. Куль-бача	1 271
5. Кунту	974
6. Як-сары	833
7. Мирза-гул	746
8. Узген	614
Итого	8 752

2. Племя *Бадра-олы*.

1. Кизыл-бай	2 938
2. Парча	2 115
3. Мерген	1 121
Итого	6 174

3. Племя *Карлюк*.

1. Карши	1 040
2. Халфа-бай	424
Итого	1 464

4. Племя <i>Дурмен</i> общей численностью	873 чел.
5. Племя <i>Кунграт</i>	355 чел.

Примечание. Сведения о родовом делении мною добыты путем расспросов местных работников. О родовом делении племен *Дурмен* и *Кунграт* сведений добыть не удалось.

Шестое локайское племя—Марка (примерная численность—3 981 чел.)—в 1923 году отошло в Янгибазарский тумен (уезд), почему в численность населения Локая не вошло.

Национальные и племенные отношения. Эмир бухарский—по национальности узбек. Узбеки в пределах всей Бухары являлись господствующей нацией, что конечно способствовало укреплению господства локайцев над таджиками. По данным истории Туркестана, таджики в Восточной Бухаре являлись коренными жителями, а локайцы пришли в Восточную Бухару, в частности в Локай, как победители. Сумев основательно закрепить завоевательные результаты, локайцы захватили в свои руки наиболее плодородную, лучшую землю. При таком положении вещей между тад-

жиками и локайцами существовала сильная национальная рознь, сохранившаяся в известной степени до настоящего времени. До революции локайцы зачастую по самому ничтожному поводу нападали на таджиков. Эти нападения настолько запугали таджикское население, что даже и сейчас в Локае чувствуется боязнь таджика перед локайцем.

Помимо вражды национальной, среди локайцев существовала и не изгладилась еще до сих пор племенная вражда. До революции споры между племенами разрешались нередко вооруженными столкновениями. Хитрые вожди племен умело использовали наличие племенной розни, привлекая более сильное племя из враждующих на свою сторону установлением родственных связей через женитьбу и замужество.

Господствующее положение в Локае занимало самое многочисленное племя Исан-ходжа, имевшее к тому же большие родственные связи со вторым по численности племенем Бадра-оглы. При своем нападении на таджиков все главари локайских племен подчинились главарю племени Исан-ходжа. Благодаря таким дружным выступлениям, локайцы держали в страхе не только таджиков Локая, но и все население Восточной Бухары.

В настоящее время советской власти удалось изжить много ненормальностей в национальных отношениях в Локае, но, чтобы установить вполне здоровые отношения—как национальные, так и племенные, еще требуется упорная и продолжительная работа.

Районы, занимаемые племенами. Локайская территория заселена следующим образом. *Таджики* занимают горы Ходжа-Абдул-хан, Кара-тау, Гази-малек и незначительную часть гор Карши-тау.

Племя *Исан-ходжа* населяет горы: Норы-тау, северную и центральную часть гор Ранган-тау, Джитым-тау и Карши-тау, северную часть Ляурской долины и всю западную часть Яванской долины до урочища Ай-камар.

Племя *Бадра-оглы* занимает южную и юго-западную часть гор Ранган-тау, южную часть гор Джитым-тау,

южную часть Ляурской долины, Аулкинскую долину, остров Арал-Тугай, урочище Донгуз-одыр, горы Арык-тау и частично южную часть западного склона гор Кара-тау.

Племя *Марка*, отошедшее в Янгибазарский тумен, расположено по берегам реки Кафирниган.

Племя *Карлюк* населяет восточную часть Яванской долины у подножья западного склона гор Кара-тау.

Племя *Дурмен* расположилось в южной части гор Карши-тау и по западному склону перевала Ходжа-Бек-об гор Гази-малак.

Племя *Кунграт* живет в горах Ак-тау и по левому берегу реки Кафирниган, в районе ее течения у гор Ак-тау.

Классовый состав. Классовое расслоение населения Локая окончательно еще не выявилось, что не позволяет дать вполне оформленное определение тем слоям населения Локая, которые могли бы по экономическим признакам полностью подходить к классовым определениям, уместным для центральных районов нашего Союза. Можно дать определение лишь одному слою—это безземельным, которые могут быть отнесены к батракам.

До революции эмиру принадлежало две трети всей земли, которая арендовалась населением; большая часть остальной земли принадлежала главным образом церкви и затем бекам. Крупнейшими арендаторами являлись баи.

По тем далеко не точным данным, которые удалось собрать к февралю 1924 года, состав локайского населения представляется в следующем виде: безземельных, т. е. батраков,—30%, мелких и беднейших арендаторов земель эмира и церковных земель—55%, баев—10%, ремесленников—1/2%, торговцев—1/2%, чиновников—1—1/2%, духовенства и мирза (писарь)—2 1/2%.

Партийность. Создание партийных и комсомольских организаций в Локае до 1926 г. не представлялось возможным в силу многих причин. Сведений о более позднем времени автор не имеет.

Положение женщин. В Фергане и в других областях бывшего Туркестана, а также и в Западной Бухаре, женское движение хотя и в скромных размерах, но все же началось. В Локае же положение женщины до сих пор остается очень тяжелым. Жена является для своего мужа в буквальном смысле безмолвной рабыней. Локайская женщина выходит замуж за того, кому продал ее отец.

Если у вдовы есть сын, она не имеет права выйти замуж до тех пор, пока сын не продаст ее. В 1924 г. мне пришлось в г. Яване быть свидетелем продажи 14-летним мальчиком Хайрулой своей матери.

Отец смотрит на дочерей как на одну из самых доходных статей в своем хозяйстве. Один из жителей на вопрос: есть ли у него дети?—ответил: «Вот жена Зайпая скоро родит. Много я бил ее, чтобы родила дочь. Часто бил. За дочь я калым получу.—богатый буду».

Зачастую отец ради щедрого калыма продает свою 12—16-летнюю дочь старику. Неповиновение со стороны дочери рассматривается как преступление перед законами шариата.

Дом каждого мусульманина разделяется на две половины: мужскую и женскую. Кроме мужа и отца ни один мужчина не имеет права заходить на женскую половину. Даже 12—14-летнего сына отец не допускает туда, боясь измены со стороны той или иной своей жены.

По шариату первая жена является в доме старшей, и остальные обязаны беспрекословно подчиняться ей в области внутреннего распорядка. Шариат обязывает мужа одинаково относиться ко всем своим женам.

Питание жен—отвратительно. Находясь в гостях у одного из локайских работников, мне пришлось видеть, как оставшиеся от гостей объедки он передавал за перегородку юрты своим женам, которые с жадностью набрасывались на еду.

Доступ в мечеть, не говоря уже о собраниях, женщинам воспрещен. Если женщина идет куда-нибудь в гости, она обязана брать с собой дочь или сына не

старше десяти лет. В крайнем случае ее сопровождает старуха.

Несмотря на все строгости и содержание взаперти, женщины, правда очень редко, ухитряются изменять своим мужьям.

До 1924 года возраст для замужества установлен не был. Поэтому выдача замуж несовершеннолетних практиковалась очень часто. В городе Яван в начале 1924 г. одно из влиятельных карлукских лиц женилось на восьмилетней девочке.

Правительство советской Бухары издало в середине 1924 года закон, запрещающий жениться на несовершеннолетних. Нарушители этого закона караются двухлетним заключением под стражу. Работа по разъяснению этого закона дала положительные результаты.

Калым. Калым (выкуп за женщину) является крайне тяжелым бременем для бедноты. В дореволюционное время жених должен был уплатить за невесту не менее семи пар быков, семи баранов, семи лошадей и дать разных подарков отцу невесты рублей на пятьдесят.

В революцию, когда басмаческое движение в корне подорвало экономическое состояние страны, калым сам по себе сократился, и в этот период отец брал с жениха примерно 3—4 лошади, две пары быков, пару коров, десяток баранов, мануфактуру и несколько пудов пшеницы. Это—«такса» за богатую невесту, за дочь бедняка плата была немного дешевле. Вдову можно было купить за одну лошадь и пару быков.

Конечно, при таком положении батрак или бедняк не могли жениться, так как первый совсем не имел средств для калыма, а второй, уплатив калым, превращался сам в нищего или вынужден был идти на всю жизнь в работники к баю.

Имея перед собой непреодолимые экономические препятствия к женитьбе, с одной стороны, и настойчивые требования природы—с другой, беднота вынуждена была прибегать к скотоложству и педерастии.

Педерастия сильно распространена и среди баев, занимающихся ею из-за необузданной похотливости и раз-

вращенности. Вот почему на востоке культивируется так называемая мужская проституция, вербуемая из мальчиков (бачей).

Религиозность. В Локае, как и в других районах среднеазиатских республик, чрезвычайно сильны религиозные предрассудки. Религия липкой паутиной опутала сознание темного и фанатичного декханина (крестьянина). Он шагу не может ступить без опасения, как бы не сделать греха. Знатоки шариата и корана—муллы, имамы и казии (судьи)—умело развивали и укрепляли этот фанатизм, наживая на нем состояния.

Фанатичностью и суеверием особенно отличаются таджики. На халате, рубахе, тюбетейке таджика вы увидите пришитые талисманы. Он вплетает их также в хвост и гриву своей лошади.

Религиозный фанатизм, феодально-патриархальные отношения, вечные трения и войны между племенами, неграмотность, деспотизм беков, ханов и эмиров, вечная зависимость от бая и муллы—все это вырабатывало у локайцев в буквальном смысле рабскую психологию, сохранившуюся в значительной степени и до настоящего времени.

В Локае огромную роль играет личный авторитет, который до революции создавался богатством и числом жен. Крепок также и авторитет стариков. Нередко можно видеть туземца, целующего стремя или пол халата ишана (святого) или влиятельного богача.

Бедняк до сих пор еще боится открыто и независимо от бая высказывать свое мнение. Однако и в этой области сдвиг за время революции несомненно наметился; случаи выступлений бедноты получают все большее распространение.

Бытовые особенности локайцев. Среди локайских племен есть свои бытовые особенности, отличающие локайца не только от таджика, но и от узбеков других районов Узбекистана.

Локайцы прежде всего отличаются своим гостеприимством. Отказ от приглашения в гости локаец расценивает как самое тяжкое оскорбление. С локайцем, к ко-

торому приглашаемый отказался притти в гости, не будут разговаривать не только его соплеменники, но даже и близкие родственники, считая, что если от него отказался гость, то он является плохим человеком. Отказом наносится обида всему роду, и за эту обиду локаец постарается непременно отомстить.

Если же у локайца побывал в гостях мало-мальски важный человек (начальник), то этим будет гордиться весь его род. В свою очередь и локаец очень ценит внимательное и гостеприимное отношение к себе.

Среди локайцев сильно распространено взаимное предположение друг другу подарков (силяв). Во времена эмиров под силяв прикрывалось нередко самое бесстыдное взяточничество и вымогательство. Под видом силяв и сейчас имеют место взятки и вымогательства, с чем советская власть ведет беспощадную борьбу. Взяточничество под видом силяв особенно развито у таджиков.

Локайцы, сохранив свою воинственность, сохранили и страстную любовь к оружию и к коню. Для локайца хороший конь и оружие—дороже всего на свете. По обычаю локаец при женитьбе дарит, помимо калыма, своему тестю пашку или ружье. Приношение в подарок оружия наблюдалось еще и в 1924 году.

Локайцы—самые лучшие всадники в Восточной Бухаре. Каждый локаец с детства начинает вырабатывать из себя лихого наездника. На крутизнах, где мы спускаемся в поводу, локаец идет карьером.

Самым любимым видом конного спорта является улак (козлодранье). В козлодраньи состязаются молодежь и старики, племя с племенем, род с родом. Ни один праздник, ни одна свадьба не обходятся без козлодранья.

Локаец крайне разборчив в выборе друзей, но в дружбе чрезвычайно откровенен и предан. Вместе с тем любит твердость власти и твердость слова. Обещал что-то сделать—сделай, иначе ты потеряешь в глазах локайца всякое доверие. В своих обещаниях локаец на редкость исполнителен.

Грамотность. Совершенно неграмотного населения в Локае 99%. При наличии двух процентов мулл и процента касты мирза я как будто бы процент совершенно неграмотных преувеличиваю. На самом же деле преувеличения нет, так как большинство мулл и дулла (архиереев) умеют только читать; лишь не более полпроцента умеют и читать и писать.

Из духовенства обязана уметь читать и писать лишь каста казиев (судей), но и она не всегда была полностью грамотной.

Всей письменной мудростью ведает каста мирза, которая по отношению ко всему населению составляет всего лишь 0,5%.

До революции дело просвещения находилось в руках духовенства. Мулла при мечети открывал школу, в которой обучались сыновья духовенства и крупных баев. До-муллы, имеющиеся в каждом племени, открывали у себя высшие духовные школы. Плата за учение устлавлялась по усмотрению самого муллы и была доступна лишь богатым.

Преподавались в школах только шарият и корани для чтения и понимания которых требовалось 10—12 лет учения. Обучение письму требовало еще около десятка лет. Метод преподавания в мулловских школах чрезвычайно примитивный. Учеников заставляют хором повторять за научившимся уже читать. Невнимательных учеников учитель награждает ударом палки по голове. Старая мусульманская азбука настолько трудна, что значительная часть учеников, проучившихся 8—10, выходили из школы не умеющими читать.

В период гражданской войны в Локае мулловские школы развалились, и лишь в зиму 1923—1924 годов вновь открылись три школы с очень небольшим количеством учащихся.

Открытие советских школ в разгар борьбы с басмачеством по целому ряду причин не представлялось возможным. Главное препятствие—отсутствие учителей.

Грамотных женщин в Локае совершенно нет.

Здравоохранение. Бытовые условия (скудное

питание населения) способствуют распространению различных заболеваний. Из заразных болезней наиболее развита чесотка, которой болеет почти все население. В значительных размерах развита также «пендинка»¹, особенно в районе Яванского кента. Микробы пендинки находятся исключительно в воде, через которую жители и заражаются. Венерические заболевания в Локае единичны. От брюшного и сыпного тифа смертность незначительна благодаря чистому горному воздуху и крепкому организму локайцев. Малярия большого распространения не имеет, так как большинство населения живет в горах. Заболевания малярией наблюдаются лишь в районе острова Арал-Тугай и урочища Кокташ. Ни больниц, ни амбулаторий в Локае не было, да сейчас их нет ввиду недостатка медперсонала. Все «врачебное» дело находилось в руках мулл, которые лечили большого чтением Корана и святой водой из Мекки. Раны лечились и лечатся жженой кошмой и жидким табачным дымом.

Жилища. Жилища локайцев, как и всех туземцев Средней Азии, построены из глины и окон не имеют. Чтобы выделить свое жилище по наружному виду из жилищ таджиков, локаец строит отвесную крышу и покрывает ее камышом. В таджикской кибитке имеются ковер, коврик и сандал. Сандал—это ямка в полу с горящим углем, над которым ставится низкая табуретка, накрытая одеялами. Под этими одеялами таджик и греется. В локайской же кибитке костер горит прямо на полу.

Одежда. Одежда локайца не отличается от одежды всего туземного населения Средней Азии. Те же из рубой маты цветные ватные халаты, которых он надевает штук пять—зимой от холода, а летом—от жары; широкие штаны, широкая рубаха и головной убор—снизу тюбетейка и сверху чалма. В Западной Туркестанской республике

¹ Пендинка—язвы, похожие на сифилитические; через три-четыре года они заживают, оставляя на своем месте темное пятно.

носят исключительно белые чалмы; синие носят те мусульмане, которые три раза побывали в Мекке. В Локае же чалмы самых разнообразных цветов; чалмы белого цвета имеют лишь наиболее влиятельные лица. Сапоги—из кожи местной кустарной выработки, легко промокаемые. Летом—ичиги (вроде кавказских сапог), с калошами, в большинстве—кожаные.

Женская одежда та же, что и у мужчин, но штаны длиною до пят и более узкие. Рубаха—длиною до колен, причем рукава ее закрывают всю кисть руки так как Коран запрещает женщине открывать какую-либо часть тела. Головной убор—большой платок, служащий одновременно и покрывалом для лица. Женскую обувь как зимой, так и летом составляют ичиги с кожаными калошами.

Пища. В Локае вместо хлеба пекут лепешки. Печкой служит небольшая ямка, в которой разводится огонь. На ямку положен камень. После накаливания камня на нем пекут лепешки. Самое любимое кушанье локайца—плов (рис с бараниной). Плов—в гостях плов—на свадьбе, плов—при рождении, плов—на похоронах и плов—во все торжественные дни. Кроме плова, ежедневно готовится из мяса и воды шурпа (суп), а иногда также ковардак (жареное мясо без овощей). Локайцы—большие любители зеленого чая. У каждого жителя в кисете на завязке платка замотан чай. Все присутствующие в порядке старшинства пьют чай из одной пиалы.

Летом локайцы пьют кумыс, чего у таджиков нет, так как они коневодством не занимаются.

Музыка и песни. У локайцев очень развито чувство музыкальности. Инструмент у них только один—домра с жильными струнами (похожа на европейскую, но имеет очень маленький кузов и длинный гриф). Песни и музыкальные мотивы представляют собой импровизацию. Для того чтобы звук был сильнее, певец держит перед ртом медный поднос.

Лучшим качеством певца считается умение продолжить и непрерывно петь.

Локаец поет о походах своих предков с Чингис-ханом. Певец-бедняк поет о прекрасной стране, где есть красивые и дешевые девушки.

В смысле музыкальной техники песни крайне примитивны, но в них много правды о жизни Востока. Их никто не записывает, и даже сам певец завтра не повторит слова своей песни.

Развиты в Локае и пляски, но они также однообразны и близки только локайцу.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЛОКАЯ.

Дать точные сведения об экономическом состоянии Локая как до гражданской войны, так и в настоящее время не представляется возможным ввиду отсутствия статистических данных. Сведения об экономике Локая, предлагаемые вниманию читателя, автору удалось добыть путем дружеских бесед с местными жителями. В своих цифровых выкладках автор исходил из того расчета, что при эмирах налог равнялся одной десятой облагаемого хозяйства. Остальные бесчисленные налоги и поборы, производившиеся чиновниками, автором не приняты во внимание, так как их чрезвычайно трудно учесть. Естественно поэтому, что в распоряжении автора имеются лишь крайне скудные и далеко не точные фактические данные. Тем не менее приводимые ниже цифры позволяют все же внести некоторую ясность в картину разорения Локая басмачеством.

Земледелие и способы обработки. Обработка земли производится самым примитивным способом. Орудием для пахоты служит омач, в который запряжена пара быков. Омач представляет заостренное бревно, к которому пристроено дышло, а в задней части—небольшая рукоятка. Железных сошников у большинства омачей нет, так как из-за адски тяжелой отливки сошник очень дорог. Омач неизмеримо хуже нашей убогой русской сохи. Омачом пласта земли не перевернешь, только взроешь. От этого и труд пахаря неимоверно тяжел.

Пахота и посев производятся в зимние дождливые

в 13 389 350 рублей. В действительности же цены на лошадь значительно выше. Все жеребцы лучших пород были угнаны и обменены басмачами на ружья и патроны. Овцы—в Локае исключительно курдючные.

Рабочие лошади кормятся ячменем и саманом (мелкой соломой). Лошади табунов и коровы питаются круглый год только подножным кормом. Бараны на лето угоняются на пастбища Кара-тегина и Гарма. Перемена пастбищ производится потому, что в Локае гораздо жарче, чем в вышеуказанных районах, и трава быстрее высыхает. Кроме того среди трав локайских долин есть какие-то колючки, которые попадают баранам в уши и вызывают падеж скота.

Заразные болезни распространены сильно, особенно среди лошадей, страдающих часто африканским сапом. Нередки также случаи настоящего сапа. Среди рогатого скота наиболее распространен ящур. Ветеринарных работников в Локае совершенно нет. Болезни животных лечатся кровопусканием. Заготовка сена, несмотря на обилие прекрасной по качеству травы, в Локае не производится.

Садоводство. Садоводством в Локае занимаются исключительно таджики северной части Яванского кента и западного склона гор Гази-малек. Сады—преимущественно местного значения. Большая часть фруктов на базарах Локая ввозится, главным образом, из Янги-базарского тумена. Из фруктовых деревьев в садах Локая разводятся яблони, груши, урюк (абрикос), персики и виноград.

Ирригация. Оросительная сеть в Локае развита очень слабо, несмотря на наличие таких источников водоснабжения, как реки Вахш и Кафирниган.

В местах разведения хлопка—в северной части Яванской долины, в районе острова Арал-Тугай и в Аулкийской долине—в небольших размерах создана арычная сеть. Кроме того арыки имеются в рисовом участке около кишлака Шуриан-баш.

С расширением арычной сети все долины Локая можно было превратить в прекрасные хлопковые плантации.

Кустарное производство. О состоянии кустарного производства в Локае собрать сведения не удалось, поэтому придется ограничиться лишь перечислением производств.

Из кустарных производств имеются кожевенное, сапожное, войлочное, кузнечное, ткацкоокрасильное, седельное—весьма слабое и ювелирное, вырабатывающее из серебра и камней женские украшения. Ковровое производство, несмотря на все предпосылки, в Локае отсутствует.

Мелкие промышленные предприятия. Из промышленных предприятий в Локае имеются только 87 мелких водяных мельниц, с ежедневным средним размолом в 800 килограмм муки каждая и 1 490 конных маслобоек для выработки растительного масла из льняного семени с ежедневной переработкой до 48 килограмм каждая. Большинство этих предприятий обслуживается семьей владельца. Других предприятий нет.

Торговля. Торговлей в Локае занимались исключительно таджики: локаец к торговле относится безразлично. Точных данных о состоянии торговли в дореволюционное время не имеется.

Главные предметы торговли: вывоз хлеба в Афганистан и в Самаркандскую область, продажа лошадей и, главным образом, баранов. Вывоз шерсти, кож и других видов сырья не производился. До революции Локай вывозил ежегодно до 40 тысяч тонн хлеба и до 500 000 баранов. Из Афганистана и Самаркандской области ввозились: чай, скобяные товары, мануфактура и другие предметы первой необходимости.

Басмачество, разорившее локайское хозяйство, свело торговлю на-нет. Лишь в 1924 году начали восстанавливаться базары. Главную роль в торговле играют учреждения Госторга. Из-за недостатка денег еще до сих пор происходит натуральный товарообмен. В 1924 году в Локае базаров всего было три: Яван, Даган-киик и Султан-рабат. Главный торговый центр—город Яван.

Транспортные средства. Мною уже упоминалось об отсутствии в Локае колесных дорог. Все грузы

перевозятся на выюках; люди передвигаются главным образом на лошадях. Для поездок верхом ишаки в Локае привлекаются лишь в случае отсутствия лошади.

Вьючный транспорт состоит преимущественно из ишаков и затем быков. Верблюды в Локае имеются лишь у кочующего племени Кунграт, и численность их не превышает 100 голов.

Общее состояние транспортных средств представляется примерно в следующем виде: в 1920 году—волово под вьюки—10 000 голов, ишаков—25 000; в 1924 году—волово под вьюки—4 000 голов, ишаков—5 000.

Для сплава локайского хлеба по реке Вахш от переправы Кызыл-кала до Аму-дарьи существовал каючный транспорт до 200 с лишним каюков. Грузоподъемность каждого каюка в среднем $2\frac{1}{2}$ тонны. За время басмаческого движения весь каючный транспорт уничтожен.

Топливо и освещение. Так как Локай очень беден лесом, то главным источником топлива являются бурьян и колючки, похожие своими листьями на лебеду. Дров очень мало, причем заготовка их производится из сухих корней горной сосны и сухих фисташковых деревьев.

Освещается Локай льняным маслом, которое наливается в чиряк (небольшой продолговатый ковшик из глины). Фитиль сделан из ваты. От освещения чиряком в кибитке всегда стоит густая едкая копоть.

Источники водоснабжения. Кроме рек Вахш и Кафирниган-дарьи, источниками водоснабжения в Локае служат горные ручьи и родники, в большинстве вода которых горько-соленая. Поэтому локайцам приходится иногда ездить за водой за пять и более километров. Самая хорошая по качеству вода имеется, за исключением рек, в родниках у кишлаков: Мир-зай, Шуриан, Пакрабат, Кош-булак, Дагана-киик и Таш-мечеть.

Природные богатства и экономические перспективы. Природные богатства Локая никем и никогда не исследовались, между тем есть основания предполагать, что они весьма значительны.

Первый установленный жителями факт золотоносности реки Вахш говорит за необходимость производства в этом отношении разведок.

Эмир бухарский сколачивал свои золотые запасы в значительной степени путем конфискаций и налогов, взимаемых с населения, добывавшего золото в р. Вахш.

Наличие нефти в Локае показывает следующий факт. В 1924 году в южной части гор Кара-тау красноармейцами было обнаружено просачивание из земли черной жидкости с запахом нефти; при зажигании жидкость горела.

В общем Локай в области природных богатств безусловно заслуживает внимания и требует организации разведок в самое ближайшее время.

В перспективе Локай при государственной поддержке может стать богатым коневодческим и скотоводческим районом, поставляющим мясо, главным образом баранину, и снабжающим шерстью. Кроме того Локай сможет поставлять для конницы лошадей, вполне пригодных для несения кавалерийской службы даже на севере, так как по опыту известно, что они быстро привыкают к климату.

При надлежащей организации сельского хозяйства Локай сможет снабжать хлебом почти весь Таджикистан.

При расширении ирригационной сети он сможет частично удовлетворять хлопком текстильную промышленность.

БАСМАЧЕСТВО ДО РЕВОЛЮЦИИ.

Восточная Бухара была покорена Чингис-ханом в 1220 году. По мере распада Великой монгольской империи, а впоследствии династии Тимура, на ряду с образованием многочисленных самостоятельных бекств и ханств в Средней Азии, образовалось и самостоятельное локайское бекство. Локай управлялся беком из его самого сильного и старшего племени—Исан-ходжи, кроме того каждое племя имело своего начальника.

Как самостоятельное бекство Локай просуществовало

до 1873 г., т. е. до момента фантастического подчинения Бухары царской России. Для России необходимость захвата Бухары определялась стремлением продвинуться возможно ближе к богатейшей английской колонии — Индии; кроме того сама Бухара представляла лакомый кусок, как богатый рынок сбыта и источник сырья: хлопка, шерсти и в особенности каракуля. Англия, беспокоясь за свои владения в Индии, зорко следила за экспансией царской России в Средней Азии, вследствие чего откровенный вооруженный захват Бухары представлялся царскому правительству политически рискованным. Поэтому оно решило добиться лишь установления своего протектората над Бухарой, случай к чему скоро представился. Эмир бухарский вел в то время борьбу за подчинение себе восточно-бухарских бекств и испытывал большие затруднения, которыми и воспользовалось царское правительство. Под предлогом оказания помощи эмиру бухарскому царское правительство продвинуло свои войска в Восточную Бухару, главным образом по реке Аму-дарье, и в 1873 году установило протекторат над Бухарой.

В покоренные восточно-бухарские бекства, в том числе и Локай, эмир бухарский назначил беками членов своей фамилии. Но свободолюбивый Локай не мирился с утратой своей независимости. По рассказам 80-летнего старика Али-токсоба, в восьмидесятых годах прошлого столетия был убит первый назначенный эмиром в Локай бек Махометди. После этого эмир неоднократно назначал беков, но безуспешно. По рассказам того же Али-токсоба, приблизительно в 90-х годах, во время поголовного восстания Локая, был убит бек Саиди.

В связи с этим бухарскому эмиру пришлось изменить свою политику в отношении Локая и отказаться от назначения беков. Стремясь привлечь на свою сторону главарей локайских племен, эмир бухарский назначил главаря Исанходжинского племени правителем Локая, произведя его в генеральский чин бия. Главари племен были назначены правителями племен. Не ограничиваясь этими мерами, эмир, не доверяя Локаю, упразднил в

конце концов локайское бекство и подчинил его в качестве гузарства (уезда) гиссарскому бежу.

Для поддержки как правителя Локая, так и правителей племен эмир бухарский наводнил кишлаки армией чиновников, назначенных из влиятельных лиц и духовенства Локая. Для повседневного управления кишлаком был создан институт аксакалов и минг-башей¹.

Огромная чиновничья армия, не получая жалованья от эмира, содержалась за счет обременительных налогов, которых ежегодно собиралось около сорока. Основные налоги взимались: эмировский (общегосударственный) в размере одной шестой и церковный — в размере одной десятой урожая. Церковный налог взимался непосредственно муллами. Для сбора общегосударственного налога все гузарства (уезды) были разделены на амляки (налоговые участки).

С собранного налога амлякдарам причитался известный процент. Отсутствие статистики, учета и контроля позволяло амлякдарам обирать население самым бессовестным образом. Фактически они взимали налогов в два раза больше установленной нормы. Кроме того среди амлякдаров было чрезвычайно развито взяточничество. Амлякдар за взятки уменьшал баям размер налога и всю тяжесть налогового бремени перекладывал на плечи бедноты. Должности амлякдаров были настолько выгодны, что чиновники, стремясь получить назначение на должность амлякдара, разорялись на подарки бекам и правителю Локая.

Не меньший произвол царил при эмире и в судебном деле. Законов судопроизводства, как гражданских, так и уголовных, Бухара не имела. Суд производился по законам шариата — священной мусульманской книги. Казии (судьи) являлись духовными лицами, возглавляемыми кази-каляном, высшим духовным судебным лицом. Законы шариата допускали широкое и свободное толкование, благодаря чему богатч за хороший куш всегда

¹ Аксакал — староста кишлака; минг-баша — начальник над аксакалами родов в каждом племени.

оправдывался казем даже за самое тяжкое преступление. Понятно, что бедняк был лишен всякой возможности искать защиты у продажного суда и предпочитал за все обиды мстить кровью. Телесные наказания применялись эмировским судом вплоть до революции.

На тяжелую налоговую систему и произвол власти население отвечало восстаниями. Эти восстания жестоко подавлялись, но после них неизменно росли разбои и пайки. В последние годы перед революцией пайки существовали постоянно. В Локае они возглавлялись нынешним руководителем басмаческого движения Ибрагим-беком, бывшим эмировским офицером, бежавшим от смертного приговора, вынесенного ему эмиром за какое-то преступление.

Шайки были чисто уголовными, без всякой политической окраски. Басмачи грабили главным образом купечество, избегая затрогивать интересы правителей-беков баев.

Ибрагим-бек имел в кышлаках сообщников из богатых элементов, подкупая их подарками из награбленной добычи. Благодаря этому он имел возможность скрывать свои следы. Бывший правитель Локая Абдул-Рашид бий, подвыпивший как-то муссоласу (муссолас — не перебродившее еще виноградное вино), сам сознался, что до революции Ибрагим-бек нередко давал ему силы (подарок). Любопытно отметить, что басмачами были построены два кышлака — один в западной части г. Ранган-тау, а другой — в южной части Джитым-тау.

К 1920 году общая численность басмаческих шайк доходила до 50—70 человек. Таким образом, басмачество в Локае в своем уголовном содержании — факт действительный.

БУХАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1920 г. И ЛОКАЙ.

С превращением Бухары в колонию русский капитализм начал усиленно выкачивать оттуда хлопок, шерсть, каракуль и пр., в особенности из западной ее части (оазиса). Почти вся площадь Западной Бухары прев-

тилась в хлопковые и рисовые плантации и в пастбища для тонкорунных овец. Возделывание хлебов сошло в Бухаре на-нет, за исключением горных районов, т. е. Восточной Бухары. Не насаждая обрабатывающих промышленных предприятий, русский капитализм ограничился лишь созданием хлопкоочистительных заводов. Все бухарское сырье направлялось в промышленные районы России, откуда уже и ввозилось в Бухару готовыми фабрикатами по весьма дорогим ценам.

Эмир бухарский — собственник большей части земли, видя выгоду хлопководства и тонкорунного овцеводства, установил на землю очень высокую арендную плату и увеличил налоги. Его примеру последовало и духовенство. Естественно, что землю арендовало байство, и лишь мало пригодные земли арендовались в небольшой части остальным населением.

Продавая свое сырье, байство и духовенство вместе с тем скупало привозимые русскими капиталистами готовые фабрикаты. Сам эмир также занимался торговлей, главным образом каракулем и хлопком, конкурируя с остальной торговой буржуазией. Народившийся в Западной Бухаре торговый капитал не ограничился ее рамками. Ввозя в Восточную Бухару готовые фабрикаты, он вывозил оттуда хлеб и богатые запасы шерсти и кроме того успешно развивал торговлю с Афганистаном, скупая там хлеб и скот.

Русское царское правительство, насадив таможи не только на границе России и Бухары, но и непосредственно на восточной границе Бухары с Афганистаном, тем самым наложило свою хищную лапу и на торговлю Восточной Бухары, введя чрезвычайно высокие пошлины как на импортные, так и на экспортные товары. Несмотря на это, национальный бухарский капитализм хотя и медленно, но развивался. Так, в 1913 году из Бухары в Россию было вывезено 32 000 тонн хлопка и два миллиона шкурок каракуля. На сцене появились хлопковые тузы и каракулевые короли.

Торговля достигла значительных размеров и в Восточной Бухаре. Даже локайские племена, ненавидевшие

торговцев-таджиков, частично занялись торговлей. В 1913 году отец бывшего главаря басмаческой банды из Исан-ходжинского племени, Ассадулы, имел оборот около трех миллионов рублей.

Таким образом к началу империалистической войны Бухара имела налицо окрепшую торговую буржуазию, дальнейшему развитию которой уже мешали рамки феодализма. В ее среде росли стремления к уничтожению феодализма и одновременно к освобождению от ига русского капитала.

Недовольство росло и в безземельной декханской (крестьянской) массе, систематически голодавшей и бессовестно эксплуатируемой байством и духовенством.

Недовольство особенно усилилось с империалистической войной, весьма неблагоприятно отразившейся на хозяйстве Бухары: посевная площадь хлопка сократилась, торговля уменьшилась. Положение трудового крестьянства значительно ухудшилось.

Передовая часть буржуазной интеллигенции организовалась в младобухарскую партию, деятельность которой к 1917 году приняла опасные формы, угрожавшие эмиру.

Февральская русская революция встретила в населении Западной Бухары горячий отклик. Местная буржуазия рассчитывала с Февральской революцией избавиться от русского капитализма и укрепить свое господство. Трудовое декханство воодушевлялось надеждами на получение земли.

Окрыленная победой над русским самодержавием младобухарская партия вела усиленную подготовку, населения к свержению эмира.

С особым энтузиазмом трудовое декханство встретило вести об Октябрьской революции. Местная буржуазия заняла по отношению к Октябрю враждебную позицию, но мечтала использовать момент для свержения эмира и установления своего господства.

Что касается эмира, он обратился к духовенству и чиновникам с призывом бороться против джаидов (большевиков). Спровоцированная в 1918 году духовенством

и провокатором Колосовым попытка свержения эмира потерпела неудачу. После ликвидации этой попытки эмир начал бешено преследовать энергичную младобухарскую партию, в среде которой было немало истинных революционеров.

Но разъяренная реакция не могла приостановить деятельности молодой партии. Ее Центральный комитет эмигрировал в Туркестанскую советскую республику, откуда и повел руководство всей работой по подготовке вооруженного восстания. Туркестанская советская республика, хотя и отрезанная от остальной Советской России, оказывала непосредственное революционное воздействие на трудовые массы Бухары, чем значительно облегалась работа младобухарской партии.

Конец 1919 года дал возможность после разгрома Колчака на востоке соединиться революционными силами Советской России с красным Туркестаном и в 1920 году ликвидировать остатки отходящих через Семиречье колчаковских банд. В конце августа 1920 года трудовые массы Бухары, руководимые младобухарской партией, свергли эмира.

Создавшееся временное правительство, в лице Революционного комитета Бухары, заключило договор с Советской Россией об оказании Бухаре военной помощи для окончательного разгрома эмировских банд. Эмир бухарский, преследуемый частями Красной армии, бежал в Восточную Бухару, куда о происходивших событиях доходили лишь смутные сведения. Надежды эмира найти опору в населении Восточной Бухары не оправдались. Жители Восточной Бухары, стонавшие под гнетом феодального строя, встретили весть о свержении эмира с величайшей радостью и, несмотря на агитацию и угрозу чиновничьей челяди, всемерно помогали частям Красной армии. Лозунги революции о передаче земли трудовому декханству и о налоговых реформах приобрели необычайную популярность среди трудящихся масс Восточной Бухары.

Не найдя сочувствия в западных районах Гиссарского бекства, эмир бежал в Локай, но свободолюбивые локай-

цы встретили его далеко не дружелюбно. Один лишь Ибрагим-бек, решив использовать момент, передал себя и шайку человек в двадцать в распоряжение эмира. Расстроженный эмир простил прежние преступления Ибрагим-бека, даровал ему жизнь и произвел его в чин «токсаба» — полковника.

Обманувшись в расчетах на верноподданнические чувства локайских племен, эмир решил опереться на локайских таджиков. С этой целью он остановился на ночлег в таджикском кишлаке Шуриан-баш и женился на 12-летней дочери одного из шурианских мельников. В надежде, что таджики из-за родственных чувств выступят на его защиту. Но и здесь ставка эмира была битой. Население сообщило нашему командованию о местонахождении эмира, и части Красной армии настолько быстро подошли к Шуриан-башу, что эмир еле спасся, не успев закончить свадебную пирушку и захватить свою новую несовершеннолетнюю жену.

Из Локая эмир, преследуемый частями Красной армии, бежал в Афганистан.

СОВЕТИЗАЦИЯ БУХАРЫ И НАЧАЛО МАССОВОГО БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

Бухарская буржуазия, мечтавшая после свержения эмира установить свое господство в своих надеждах обманулась. Младобухарская партия образовала бухарскую коммунистическую партию, под руководством которой революционный народ Бухары на первом Всебухарском курултае (съезде народных представителей) 14 сентября 1920 года объявил Бухару народной советской республикой и создал законодательные и исполнительные органы: ЦИК и Совет народных назиров (Совет народных комиссаров). Малочисленная и молодая Бухарская коммунистическая партия в разрешении вопроса советизации встретила большие трудности. Недостаток партийных работников был настолько велик, что партия не в состоянии была даже во многих вилайетных (областных) ревкоммах иметь своих членов. Всего партий-

ного состава нехватало даже для обеспечения работниками центральных учреждений.

Локай не имел советской власти до 1923 года. В остальных районах были созданы только вилайетные ревкомы и лишь в некоторых местах туменные (уездные).

Понятно, что при огромной нужде в работниках, особенно на местах, в советские органы попадали эмировские чиновники, которые свое пребывание в советских органах стремились использовать для срыва революционных мероприятий и подготовки контрреволюции.

Всебухарский центральный исполнительный комитет и Совет народных назиров немедленно приступили к осуществлению лозунгов передачи земли трудовому декханству и проведению налоговой реформы; но чиновники, заседавшие в ревкомы на периферии, все распоряжения центра по этому вопросу прятали под спуд и умышленно не проводили их в жизнь. Примазавшиеся к советской власти контрреволюционеры производили сбор налогов прежними эмировскими способами и одновременно без зазрения совести занимались взяточничеством. Проследить за проведением в жизнь своих распоряжений центр не имел возможности вследствие невероятно плохой связи и скверных путей сообщения, а также из-за недостатка работников. Духовенство, пользуясь темнотой и религиозным фанатизмом трудовых масс декханства, повело бешеную агитацию против советской власти, распространяя ложные слухи о том, что советская власть хочет разрушить и уничтожить веру ислама и упразднить мечети. Темное население, не умевшее разбираться в причинах неполучения им земли, винило во всем советскую власть и легко поддавалось агитации духовенства.

В этой труднейшей обстановке малочисленность Красной армии, очищавшей от контрреволюционеров Восточную Бухару, не позволяла даже прикрыть афганскую границу, чтобы предотвратить организационную работу, которую эмир бухарский вел из-за рубежа при деятельной поддержке Англии. Кроме того Красная армия согласно договорам с бухарским советским правитель-

ством по окончательной ликвидации эмировщины должна была уйти из пределов Бухарской республики. Скоропалительный вывод частей Красной армии и отсутствие у бухарского правительства своей национальной Красной армии лишили возможности использовать военных работников для закрепления советизации районов, очищенных от эмировских банд.

Контрреволюция учла сложившуюся обстановку и энергично приступила к подготовке восстания. Эмир бухарский, находившийся в Афганистане, на вывезенное золото и на средства, собираемые крупными баями, чиновниками и духовенством, усиленно закупал у Англии оружие и боевые припасы. Засевшие в советских органах контрреволюционные элементы, игнорируя распоряжения центра, создавали среди трудовых масс недовольство против советской власти, а свое пребывание во главе формировавшейся бухарской милиции использовали для того, чтобы подобрать контрреволюционный элемент и таким путем создать основные кадры басмаческого движения.

Ибрагим-бек стал первой и главной опорой в проведении замыслов эмира. Проводив эмира до афганской границы, он остался в пограничной полосе с тем, чтобы принимать от эмира оружие и боеприпасы и собирать вокруг себя всех недовольных советской властью. За все это эмир обещал назначить честолюбивого Ибрагима бека главнокомандующим войсками ислама, а по уничтожении советской власти — гиссарским беком.

Контрреволюционеры решили начать восстание в момент ухода последних частей Красной армии из пределов Восточной Бухары.

Согласно договору, части Красной армии по распоряжению командования со второй половины 1921 года начали покидать пределы Восточной Бухары. К этому времени Ибрагим-беку удалось уже организовать на левобережье реки Вахш несколько шайк общей численностью до 1 000 человек под предводительством своего соплеменника, явного приверженца эмира, Тугай-Сарытоксоба. Как только значительные части Красной ар-

мии оставили пределы Восточной Бухары, басмаческие шайки открыли активные действия против оставшихся малочисленных гарнизонов.

Осенью того же года военный назир Шахриязбского вилайета поднял восстание в Средней Бухаре и привлек в ряды басмачества милицию и национальный отряд, личный состав которых был подобран из контрреволюционного элемента.

К декабрю 1921 года значительная часть Восточной Бухары уже была охвачена восстанием. В первых числах декабря басмачами был окружен оставленный в г. Дюшамбе, где была резиденция нашего полномочного представителя, гарнизон в два батальона, общей численностью около 300 штыков. Посланный из г. Старой Бухары с отрядом на выручку Дюшамбинского гарнизона начальник бухарской уголовной милиции Али-Ризо со всем своим отрядом перешел на сторону басмачей. На сторону басмачей перешел также и командир национального отряда Данияр. Из его отряда лишь пулеметчики-татары отказались воевать против советской власти и перешли на сторону частей Красной армии.

Данияр объявил себя командующим войсками и беком. Открыть сразу же военные действия против Дюшамбинского гарнизона он не решался и считал более удобным разоружить гарнизон провокационным путем. Для этой цели он совместно с Али-Ризо пригласил на банкет нашего полномочного представителя Нагорнова с женой, а также и начальника гарнизона. На банкете Данияр и Али-Ризо предъявили нашему представителю и начальнику гарнизона фальшивый приказ Бухарского центрального исполнительного комитета о том, чтобы гарнизон сдал свое оружие Данияру. Силой оружия Данияр заставил их отдать приказ о разоружении.

Один из батальонов, находившихся в центре города, частично сдал оружие, но батальон, расположенный на окраине города в европейских зданиях под командой т. Гольцева, сдать оружие отказался и открыл ружейный и пулеметный огонь по наступавшему отряду Данияра в 800 сабель. Отбив атаки Данияра, т. Гольцев

на второй день соединился с 3 батальоном, изнывающим без воды, так как басмачи предусмотрительно отвели воду от расположения батальона. Тов. Гольцеву удалось также отбить оружие, сданное третьим батальоном Данияру, и вернуть его обезоруженным бойцам.

На третий день осада усилилась; орда, руководимая Данияр-беком, увеличилась до трех тысяч. Но т. Гольцеву со своим батальоном удалось пробиться и освободить арестованных полномочного представителя и начальника гарнизона. Басмачи, после безуспешных атак, отошли в горы.

В декабре того же года бухарское правительство обратилось к правительству РСФСР с просьбой приостановить ввод частей Красной армии и начать военные действия по ликвидации басмаческого движения. В декабре частям 1-й Туркестанской кавалерийской бригады удалось освободить от осады Дюшамбинский гарнизон.

Таким образом декабрь 1921 года положил начало массовому, басмаческому движению в Восточной Бухаре. Движение возникло под лозунгом: «За веру ислама против неверных джадидов, за поправленные права народа». Под этим лозунгом в действительности скрывалось стремление восстановить власть эмира, о чем контрреволюция открыто объявить не решалась, ибо иначе народ отвернулся бы с самого начала от басмаческого движения.

АВАНТЮРА ЭНВЕР-ПАШИ.

С началом 1922 года басмаческое движение усилилось. Ибрагим-бек и остальные главари басмаческих паек всех племен энергично работали по вовлечению все больших и больших масс в басмаческие шайки. Баи силой заставляли бедняков и батраков идти в шайки, снабжая их лошадьми и частью оружием. Духовенство усилило свою агитацию, проповедуя бедноте, что всякий, кто погибнет в борьбе с неверными, получит на том свете от Аллаха в награду семь жен. Темный и фанатичный бедняк, не видевший просвета на земле, поддавался этой агитации и шел в басмаческие шайки.

Непокорных заставляли примыкать к басмаческому движению силой оружия.

В начале 1922 года все племена Восточной Бухары уже имели свои отряды, общая численность которых к 1 февраля достигла 10 000 сабель. Лишь один Локай все еще занимал выжидательную позицию в отношении участия в басмаческом движении. Руководитель басмачества Ибрагим-бек не решался заставить локайцев примкнуть к восстанию силой оружия и выжидал более подходящего момента. Одновременно он вел в районе Кубяка на левобережья Вахш активную борьбу с оставшимися частями Красной армии.

В начале того же года в Бухаре появился известный турецкий авантюрист Энвер-паша, предложивший правительству Бухары свои услуги в качестве инструктора по формированию национальной Красной армии.

Изучив обстановку, сложившуюся в Бухаре к этому времени, Энвер-паша под видом выезда на охоту бежал из Старой Бухары в Восточную Бухару к Данияр-беку. Отсюда он связался с бухарским эмиром и предложил ему свои услуги в качестве руководителя борьбы с советской властью. В своем письме Энвер-паша обещал эмиру в два месяца уничтожить советскую власть в пределах всей Бухары. Эмир, возлагая большие надежды на Энвер-пашу, назначил его верховным главнокомандующим. Приняв назначение, Энвер-паша, по обычаю мусульманских великих людей, заказал для себя огромную серебряную печать с надписью «Верховный главнокомандующий всеми войсками ислама, зять халифа и наместник Магомета».

Энвер-паша отлично понимал, что с неорганизованной массой басмачества рассчитывать на победу нельзя. Поэтому в первую очередь он наметил меры по созданию из разрозненных басмаческих отрядов организованной армии с централизованным управлением по образцу европейских армий и по рецептам германского генерального штаба, в академии которого он получил военное образование.

Этими организационными мероприятиями он предпо-

лагал охватить не только басмачество Восточной Бухары, но также Западную, Среднюю Бухару и Туркестан. Для этой цели Энвер-паша связался с главарями басмаческих отрядов: в Западной Бухаре—с Абдул-Кагаром, в Фергане—с Курширматом и в Самаркандской области—с Халбутой, а также с матчинским беком. В своем первом послании к ним он санкционировал их пребывание в должностях главнокомандующих и призывал к согласованным действиям под своим руководством.

Как видно из переписки, захваченной у убитого в сентябре 1922 года секретаря Курширмата, Энвер-паша с согласия Курширмата организовал из бывших пленников турецких офицеров реакционный союз борьбы за восстановление халифата в пределах Бухары и Туркестана. Этому союзу Энвер-паша и поручил организационно оформление басмаческого движения. Но, чтобы не вызвать недоверия басмачества и населения к турецким офицерам как к пришельцам, членам союза было приказано временно не вмешиваться непосредственно в командование, а действовать через главнокомандующих. Комитеты этого союза были учреждены в Кагане, Самарканде и Коканде.

Энвер-паша принял также меры к созданию командного состава из самих бухарцев и туркестанцев. Для этой цели он приказал всем главнокомандующим отправить по нескольку человек, наиболее преданных и развитых, в Афганистан, в офицерскую школу. Советник Курширмата, захваченный нами в плен, показал, что он лично сопровождал 17 человек в Афганистан и определил их в школу. Был ли выполнен приказ Энвер-паши остальными вожаками басмачей—неизвестно.

Сам Энвер-паша взял на себя работу по созданию армии в Восточной Бухаре. Чтобы обеспечить себя надежной охраной от всяких случайностей, он завербовал при помощи эмира до 500 всадников-добровольцев из реакционного элемента Афганистана. Он предполагал использовать эту «добровольческую» гвардию в критические моменты стычек с Красной армией; кроме того

она служила как бы образцом организации для басмачества.

На ряду с принятием мер по централизации управления басмачами Энвер-паша надеялся создать организованное снабжение басмачей оружием, боевыми припасами, обмундированием и продовольствием. Но ему удалось создать только одну снабженческую базу, которая впоследствии была нами отбита. В ней было захвачено около 20 ящиков винтовок, много патронов, чая, сахара и т. д.

В осуществление своих военных планов Энвер-паша приказал всем басмаческим отрядам сосредоточиться в северной части Сурханской долины. Оттуда он предполагал двинуться против Красной армии на Байсун и, очистив Среднюю Бухару, соединиться с басмачами Западной Бухары.

Надеясь укрепить свое положение в Бухаре, Энвер-паша рассчитывал установить затем непосредственную связь с басмачеством в Самаркандской области и двинуться против Советского Туркестана, одновременно взяв под свое руководство басмаческое движение Ферганы. В случае успеха, Энвер-паша намеревался создать из Бухары и Туркестана новое монархическое государство и объявить себя султаном. Опираясь в дальнейшем на организованное и послушное басмаческое войско, Энвер-паше, как представлялось ему, нетрудно было бы устранить эмира бухарского от каких бы то ни было посягательств на власть¹.

Так или иначе, но временно он вынужден был действовать по мандату и от имени эмира.

В своих грандиозных замыслах Энвер-паша не учел ряда существенных моментов. Прежде всего, уже в то время 80% населения Бухары и Туркестана вело преимущественно оседлую жизнь, и Энвер-паша не мог

¹ Существование этих авантюрных намерений подтверждается ролью Энвер-паши в истории турецкого султана Гуссейна, а также его письмами к эмиру, далекими от верноподданнического тона (некоторые письма Энвер-паши к эмиру напечатаны в книге т. Соловейчик «Басмачество в Бухаре»).

свободно и широко маневрировать, так как басмаческие отряды крепко держались насиженных мест. Кроме того население совершенно не имело понятия о современной армии с централизованным управлением.

Следует отметить также резко враждебное отношение локайских племен к Энвер-паше, как к чужестранцу.

Тем не менее в первое время Энвер-паша достиг некоторых успехов. Он занял почти всю территорию Восточной Бухары, воспользовавшись отсутствием там частей Красной армии. Продвинувшись почти к границе Средней Бухары и захватив Байсундский вилайет, Энвер-паша в ликующих письмах к эмиру выражал уверенность в скором взятии столицы Бухары.

Но в действительности получилось иначе. Части Красной армии, закончив сосредоточение, энергично приступили к ликвидации энверовской авантюры. Энвер быстро откатился назад, терпя поражение за поражением.

Тем временем не дремал и его соперник—Ибрагим-бек, рассчитывавший на пост главнокомандующего. Он и прежде старался мешать Энверу, интригуя против него эмира и разжигая всячески недовольство среди жителей левобережья Вахш. Но, считаясь с тем, что эмир бухарский продолжал еще доверять Энвер-паше, Ибрагим-бек занял выжидательную позицию. Не подчиняясь приказам Энвера, он вместе с тем вел усиленную подготовку восстания Локая против него.

К середине июля 1922 года от энверовских банд были совершенно очищены вилайеты Байсундский, Юргинский и Каратагский. Местные шайки, распыляясь, откололись от Энвер-паши и занялись разбоем в горах своего района. Жители очищенных вилайетов начали возвращаться в свои кишлаки.

Недостаток кавалерийских частей не позволил нам заняться на ряду с преследованием главных сил Энвера ликвидацией откальзывавшихся от него шаяк. Это дало впоследствии возможность Ибрагим-беку развернуть басмаческую деятельность в районах, уже освобожденных от энверовщины.

Энвер-паша, выйдя в Гиссарский вилайет в район

гор Бабатаг, вынужден был отходить в двух направлениях: левая его колонна отходила от Кабадиан в Бальджуанский район, а правая на Файзабад—Кулисафон—Куляб. В этот момент Энвер-паше был нанесен удар в спину: по левой его колонне—отрядами Тугай-Сары, а по правой—восставшим против него Локаем под предводительством Ибрагим-бека.

Это облегчило боевую задачу нашим частям.

Для преследования Энвер-паши командование бухарской группы Красной армии также создало две колонны, причем нашими частями Локай был обойден. Ибрагим-бек, воспользовавшись этим, приступил к усиленной подготовке Локая к дальнейшему участию в общем басмаческом движении.

Наши части продолжали преследовать Энвера. Захват 2 кавалерийским полком в кишлаке Кафириган основной энверовской базы снабжения в конце подорвал питание боевыми припасами басмаческих отрядов.

4 августа 1922 года Энвер-паша во время стычки с 8 кавалерийской бригадой был убит. Все документы, находившиеся при нем, были захвачены нашими частями.

Командование отрядами Энвер-паши принял известный уже нам Данияр-бек, которого в скором времени постигла та же участь, что и Энвер-пашу. Смерть Данияр-бека явилась окончательной ликвидацией энверовской авантюры.

Перед Диктаторской комиссией, созданной Всебухарским центральным комитетом еще в начале кампании по ликвидации энверовщины, встали труднейшие задачи советизации районов, очищенных от энверовских банд, и проведения в жизнь всех мероприятий, диктуемых местной обстановкой.

Из-за недостатка работников, а также и войсковых частей, необходимых для насаждения гарнизонов в вилайетных и туменных (уездных) центрах, пришлось в первое время ограничиться организацией ревкомов (революционных комитетов) лишь в вилайетах. К концу 1922 года ревкомы были созданы: в Байсунском, Сары-

ассийском, Каратагском, Дюшамбинском и Кулябском вилайетах. Ревкомы создавались гораздо прочнее, чем в 1920 году. Однако полностью закрепить очищаемые районы не представлялось возможным ввиду недостатка стрелковых частей и отсутствия сносных путей сообщения. Наши части в это время добывали остатки энверовских отрядов на левобережье Вахш.

Ибрагим-бек учел сложившуюся обстановку и, пользуясь активной поддержкой бийства и духовенства, усилил агитацию, распуская ложные слухи о том, что Красная армия уничтожает якобы целые кишлаки. Население Локая, не знавшее действительного положения вещей, поддавалось провокационной агитации.

К началу 1923 года Локай превратился в сплошной басмаческий лагерь. Ибрагим был назначен эмиром на пост главнокомандующего войсками ислама.

ЛОКАЙ В ЦЕНТРЕ БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

С первых же шагов массового басмаческого движения в Локае, обнаружилась резкая племенная рознь между отдельными локайскими племенами. Так, племя Карлюк примкнуло к басмачеству лишь под угрозой жесточайшей расправы со стороны Ибрагим-бека. Любопытно отметить, что агитацию среди племени Карлюк против участия в басмаческом движении вел до-мулла (главный мулла племени). Он послал даже своих соплеменников Карши-аксакала и Шарифа для оказания содействия частям Красной армии в борьбе с басмачеством. За активное сопротивление Ибрагим-беку до-мулла был расстрелян. Таджики и племена Дурмен и Кунграт вступили в ряды басмачества также из-за боязни перед локайцами.

Кроме того следует отметить, что в среде локайцев имелись уже люди, беззаветно преданные советской власти: Абдул-Газис—представитель племени Бадроглы, указанные выше Карши-аксакал и Шариф—племени Карлюк и Даны-аксакал—племени Марка.

Эти товарищи оказали нашим частям незаменимую по-

мощь своими знаниями местной обстановки, обычаев и языка.

Наиболее крепкую и надежную опору Ибрагим-бек составляли самые многочисленные племена: Исан-ходжи и Бадроглы. Это вполне понятно, так как указанные племена занимали при эмире господствующее положение в Локае. Главарь Исан-ходжи—Абдул-Рашид-бий—был при эмире правителем Локая. В расчете вернуть свое прежнее положение он стал во главе одного из басмаческих отрядов. Отрядом племени Бадроглы командовал главарь племени—70-летний старик Али-токсоба.

Приведя в порядок свои шайки, Ибрагим-бек начал активные действия в районах, очищенных от энверовщины: Дюшамбинском, Гиссарском, Каратагском и гор Бабатаг.

Красное командование не имело возможности приступить к немедленной ликвидации локайского басмачества, так как январь, февраль и первая половина марта являются в Восточной Бухаре временем непрерывных дождей. Кроме того малочисленность кавалерийских частей не позволяла нам перебросить силы с левобережья Вахш. Поэтому в феврале командование XIII корпуса (группа была упразднена, и сформирован корпус) бросило в Локай свободную бригаду: 2 Туркестанский кавалерийский полк и 10 Усманский—с целью сковать басмачество внутри Локая, а затем, с прекращением дождей, переброской в Восточную Бухару новых кавалерийских частей, приступить к решительным операциям.

С Ибрагим-беком, проявлявшим исключительную активность, приходилось ежедневно вести бой. Фураж, добытый в горах, добывался с боями. Агитация Ибрагим-бека и духовенства о вымышленных зверствах и насилиях, якобы творимых Красной армией, была развита настолько сильно, что при занятии нашими частями какого-либо кишлака население поголовно скрывалось в горах.

Красноармейцы питались вместо печеного хлеба жареной пшеницей.

Численность шаек к весне 1923 года в Локае достигла до 15 тысяч.

К этому времени осложнилось положение на левом берегу Вахш в связи с появлением нового турецкого авантюриста—Селим-паши, взявшего под свое командование уцелевшие остатки энверовских банд. Угрожающий размах басмаческого движения вплотную поставил перед красным командованием задачу немедленного разгрома локайского басмачества.

С прибытием новых кавалерийских частей командование корпусом сосредоточило в Локае всю 1 Туркестанскую кавалерийскую отдельную бригаду, имевшую большой опыт борьбы с басмачеством. Бригада начала наносить Ибрагим-беку поражение за поражением. Все его попытки добиться хотя бы частичного успеха в борьбе с бригадой терпели неудачу. Ибрагим-бек нес большие потери.

Неудачи поставили басмачество перед серьезной угрозой раскола. Поэтому Ибрагим-бек принял все меры к вывозу семей населения из локайских пределов, чтобы тем самым заставить население драться против Красной армии за освобождение Локая. В этих целях он усиливает агитацию о вымышленных зверствах Красной армии, подкрепив ее рядом провокационных насилий. Духовенство усиленно распространяло слухи о том, что Красная армия пришла в Локай с целью увезти в Россию все молодых женщин. Эта агитация имела громадный успех, так как женщина для туземца—самый большой вопрос. Часть населения начала отправлять свои семьи в Балх, Жуанский район, а кто побогаче—в Афганистан. Таким образом помимо военного разгрома басмачества пер частями Красной армии встала задача предотвращения ухода населения из Локая.

В выполнении этой труднейшей задачи огромную помощь нашим частям оказали уже известные нам тт. Абдул-Газис, Карши-аксакал и Даны-аксакал. Они немедленно и успешно повели среди своих соплеменников усиленную агитацию против ухода населения из Локая, разъясняя значение прихода Красной армии в Локай

и разоблачая всю лживость агитации Ибрагим-бека. Племена Карлюк, Марка и Бадра-оглы начали возвращаться в кишлаки, воочию убеждаясь в том, что Красная армия не только не творит никаких насилий, а помогает населению и относится с уважением к местным правилам, обычаям и религиозным чувствам. Весть об этом быстро распространилась среди населения, и в кишлаки с каждым днем прибывало все больше и больше жителей. С этого момента басмачество в Локае перешло от состояния массового движения к существованию в виде постоянных шаек.

Ко второй половине мая создалось такое положение. На левобережье реки Вахш наши части проводили энергичную работу по ликвидации шаек Селим-паши, которые несли крупные поражения и распылялись.

Не лучше обстояло дело и в отрядах Ибрагим-бека. Следует отметить, что между Селим-пашой и Ибрагим-беком шла ожесточенная борьба из-за поста главного командующего. Ибрагим-бек враждовал также с бывшим правителем Локая—Абдул-Рашид-бием. Ко всему этому начиналось время уборки. По опыту борьбы с Энвер-пашой было установлено, что во время уборки хлебов басмачество быстро идет на убыль, так как значительная часть басмачей распускалась главарями на полевые работы.

Сильный нажим наших частей и сложившаяся внутри басмачества обстановка настойчиво требовали от Ибрагим-бека объединения басмаческих отрядов. С этой целью он приказал Селим-паше и курбашам Бабатагского, Файзабадского и Ханакинского районов прибыть в Локай. В свою очередь Селим-паша приказал Ибрагим-беку немедленно прибыть на левобережье Вахш. Как тот, так и другой приказания друг друга не выполнили.

В 20-х числах мая Селим-паша отправился с 2½-тысячным отрядом в Локай с намерением подчинить Ибрагим-бека силой оружия. Селим-паша прибыл в Локай как раз в тот момент, когда Ибрагим-беку удалось окружить в кишлаке Аул-киик наш 2 Туркестанский кавалерийский полк.

Селим-паша занял своими отрядами единственный выход для полка—урочище Донгуз-адыр—и приказал Ибрагим-беку войти немедленно в свое подчинение, угрожая, что иначе он уйдет обратно на левый берег Вахш. В ответ на это Ибрагим-бек потребовал от Селим-паши начинать атаку полка, угрожая в случае неисполнения оружием. Командир полка т. Панкеев воспользовался не решительностью басмачей и перешел в атаку, на Ибрагим-бека, а прибывший в кишлак Дагана-киик 1-й кавалерийский полк под командой т. Мельникова ударил ему в тыл. Селим-паша снялся и ушел в Арал к переправе Кызыл-кала. Под ударами 1-го кавалерийского полка он форсировал реку Вахш, потеряв до 300 человек убитыми и утонувшими. Наши части левобережья приняли его под свои удары.

Резко враждебное отношение местного населения к Селим-паше и непрерывное преследование его нашими частями заставили Селим-пашу бежать в июне в Афганистан.

Ибрагим-бек, преследуемый т. Панкеевым, потерял 500 человек убитыми. Под усиленным нажимом 1-й Туркестанской кавалерийской бригады он переправился с 120 всадниками на левобережье Вахш, оставив в Локае небольшие шайки под общим командованием Ассадуллы. С начала басмаческого движения Ибрагим-бек потерял убитыми 1 300 человек.

Сокрушительные удары Красной армии подрывали веру населения в силу басмаческого оружия. Значительное сокращение активности басмачества вызвала также подоспевшая уборка хлебов.

По этим причинам к 15 июня число басмачей Локая, находившихся в шайках, уменьшилось с 15 000 до 350 человек, включая сюда и басмачей, ушедших с Ибрагим-беком на левобережье Вахш.

Казалось бы, что такой солидный скачок означал полнейший разгром и ликвидацию басмачества. В действительности же это было не так.

Невозможность действий большой массой заставила Ибрагим-бека расплыться на мелкие шайки и принять

метод уклонения от боев с нашими частями. Ибрагим-бек не чинил препятствий населению, уходившему на полевые работы, рассчитывая снова начать активные действия по окончании уборки хлеба. Но, чтобы не потерять своего влияния в населении, он перед уходом на левобережье Вахш оставил в Локае в качестве постоянного надзора отряды Асадулы и Иган-берды—курбашей племени Исан-ходжа, Сафар-токсоба—племени Карлюк, Ильбаша—племени Бадра-оглы и отряды таджикских курбашей—Бабаджана и Мулла-Джабара. Ибрагим-бек поручил этим отрядам борьбу с частями Красной армии путем нападения на мелкие отряды, избегая стычек с крупными. Такую же директиву он дал и остальным курбашам Восточной Бухары.

Басмачи племени Исан-ходжи, руководимые Абдул-Рашид-бием, занялись уборкой хлеба, но люди все же остались под ружьем. Точно так же обстояло дело и в племени Бадра-оглы. Племя Карлюк открыто перейти на сторону советской власти не решалось, так как ему угрожали исанходжинцы и бадраоглинцы, а также свои басмачи, руководимые Сафар-токсоба.

Эта обстановка создавала большие трудности в работе Диктаторской комиссии и частей Красной армии. Необходим был строгий учет всех местных особенностей и обычаев. Требовалось также большое умение ориентироваться в исключительной сложности взаимоотношений между отдельными племенами.

Диктаторская комиссия и части Красной армии поставили в своей работе ставку на племена Бадра-оглы, Карлюк и Марка, представители которых тт. Абдул-Газис, Карши-аксакал и Даны-аксакал, как нам уже известно, примкнули с самого начала басмаческого движения к Красной армии. План работы был построен с таким расчетом, чтобы силой авторитета указанных товарищей во что бы то ни стало добиться сдачи оружия главарями этих племен и, прежде всего, возвращения населения в кишлаки.

Работа проводилась в неимоверно тяжелых условиях, тем не менее к середине июля удалось добиться сдачи

главаря племени Бадра-оглы — Али-токсобы, который не медленню был привлечен к работе по выкачке оружия у басмачей. Али-токсоба пользовался огромным авторитетом в своем племени. Благодаря этому население Бадра-оглы возвратилось в кишлаки и сдало почти все оружие. Не сдался только курбаша Ильбаша с 18 джигитами. Али-токсоба был очень стар (70 с лишним лет) и не мог понять сущности советской власти и ее построения. Поэтому на собрании племени (такова укоренившаяся традиция локайцев) он отказался от управления племенами и передал свои права т. Абдул-Газису. Заявление Али-токсобы создало Абдул-Газису, необходимому авторитет в глазах всех соплеменников.

Вслед за племенем Бадра-оглы начали сдавать оружие и возвращаться в кишлаки племена Карпук, Марка и таджики, среди которых усиленную работу, проводили тт. Карши-аксакал и Даны-аксакал.

Дольше всех упорствовало племя Исан-ходжа, главаря которого Абдул-Рашид-бий при эмире являлся правителем Локая. Исадходжинцы по ночам вылезали из горных трещин убирать хлеб, а на день опять уходили в горы. Сам Абдул-Рашид-бий, владевший большими землями, чем все, посевами, также занимался уборкой хлеба, активные действия не проявлял. Для того, чтобы добиться сдачи оружия племенем Исан-ходжа, решено было использовать разногласия между Абдул-Рашид-бием и Ибрагим-беком, добиться добровольной сдачи Абдул-Рашид-бия и затем использовать его авторитет. Все попытки понудить его к добровольной сдаче ни к чему не привели. Тогда была поставлена задача во что бы то ни стало поймать его, воспользовавшись тем, что большинство его шайки было занято уборкой хлеба, а сам он скрывался лишь с 5 джигитами. После долгих поисков в ночь с 19 на 20 июля Абдул-Рашид-бий был пойман в одном из оврагов в районе кишлака Арпабулак. Боясь за свою жизнь, он немедленно сдал все оружие своей шайки, в том числе и два пулемета и приступил к выкачке оружия у жителей своего племени.

Абдул-Рашид-бий проводил эту работу недобросовестно, и всего оружия выкачать у племени Исан-ходжа не удалось. Само племя продолжало прятаться в горах. Резких мер по отношению к Абдул-Рашид-бию применить было нельзя, так как это непоправимо осложнило бы борьбу с басмачеством. Пришлось довольствоваться тем, что есть.

По всему Локаю удалось изъять около 3 000 винтовок и пашек и два пулемета.

СОВЕТИЗАЦИЯ ЛОКАЯ.

Как только басмачество в своем массовом движении было разгромлено, перед Диктаторской комиссией встал вопрос о советизации Локая. Этот вопрос в своем разрешении являлся одним из самых трудных, так как партийных работников в Локае совершенно не было. Из беспартийных же работников с уверенностью можно было назначить членами ревкома лишь тт. Абдул-Газиса и Карши-аксакала. Даны-аксакал в июле был убит басмачами.

Тов. Абдул-Газис намечался для работы по политическому закреплению своего племени Бадра-оглы, так что в туменский (уездный) ревком оставался единственный кандидат т. Карши-аксакал. Надо указать, что оба они не имели ни малейшего понятия о советской работе и были к тому же совершенно неграмотны. Правда, грамотностью в дальнейшем пришлось пренебрегать, так как и грамотного и одновременно преданного человека советской власти в то время найти было нельзя.

Положение в смысле подбора работников затруднялось еще тем, что во главе ревкома необходимо было поставить партийца. Поэтому Диктаторская комиссия решила создать в Локае лишь туменский ревком и один кентский (волостной).

Центральный комитет Бухарской коммунистической партии перебросил в распоряжение Диктаторской комиссии несколько партийцев.

В июле был создан Революционный военный совет

Восточной Бухары, председателем которого назначен был председатель Совета Назиров т. Файзула Ходжаев и членами—т. Мулин и командир XIII корпуса покойный т. Павлов. С этого момента высшим органом власти в Восточной Бухаре являлся РВС, а Диктаторская комиссия стала выполнять функции исполнительные.

Одновременно с созданием РВС Восточной Бухары Всебухарский центральный исполнительный комитет разрешил в положительном смысле вопрос, поднятый Диктаторской комиссией о введении в ревкомы представителей Красной армии, причем эти представители, являясь членами ревкомов, одновременно были утверждены в качестве уполномоченных РВС (уполномоченными Реввоенсовета являлись только военные представители вилайетных, т. е. губернских ревкомов, а в туменных и кентских ревкомах они назывались просто воецпредами; но Локай, как центр басмаческого движения, находился на особом положении, и поэтому в локайский туменный ревком был введен уполномоченный РВС).

Институт уполномоченных РВС был учрежден с целью разрешения на месте недоразумений, могущих возникнуть во взаимоотношениях населения с частями Красной армии. На уполномоченных возлагалась и обязанность помогать ревкомам в проведении директив РВС и Диктаторской комиссии, словом во всей советской работе, причем уполномоченным было категорически указано, чтобы они никакого сношения с населением непосредственно от себя, минуя председателя ревкома, не имели.

Туменный (уездный) и кентский ревкомы в Локае окончательно оформились в июле 1923 года. Центром Локая остался попрежнему г. Яван. Чтобы политически закрепить племя Бадра-оглы, кентский ревком был создан в Дагана-киик. На должность председателя Дагана-киикского кентского ревкома был назначен т. Абдул-Газис, представитель племени Бадра-оглы.

В Даганакиикский кент вошли племя Бадра-оглы и таджики Газималекского района, причем заместителем председателя ревкома был назначен, по рекомендации

самого Абдул-Газиса, Кара-Мулла единственный таджик из Газималекских таджиков, который весной 1923 года открыто начал бороться с басмачеством (у яванских таджиков активной борьбы с басмачами никто не вел).

От Красной армии в Даганакиикский кентский ревком в качестве члена вошел политрук роты т. Архипов.

Так как других кентов организовать было невозможно, то племена Исан-ходжа, Карлюк и таджики Яванского района были подчинены непосредственно туменному ревкому, который оформился в составе: председателя члена БКП, таджика т. Мирза-Махмут, и членов: от племени Карлюк—т. Карши-аксакал, туменного казиза и от Красной армии—уполномоченного РВС т. Спиридонова.

Эти два ревкома были первыми органами советской власти в Локае. К моменту их организации в Локай был брошен стрелковый батальон. Таким образом в г. Яване и в Дагана-киик были созданы постоянные гарнизоны, которые вполне обеспечивали существование ревкомов (в Фергане ревкомы часто разваливались из-за необеспеченности постоянными гарнизонами).

Одновременно с организацией в Локае туменного и Даганакиикского кентского ревкомов были назначены туменный и кентский казии (судьи). Вначале в туменные казии попал старый эмировский казий, которого пришлось сместить за взяточничество и применение решений и методов, противоречащих духу советских судов.

Высшим судебным органом в пределах Бухарской республики являлся Бухарский революционный трибунал. В вилайетах были учреждены вилайетные, в туманах—туменные и в кентах—кентские суды. Руководство судебными органами осуществлял Назират (наркомат) юстиции. Судебными органами Восточной Бухары Назират юстиции руководил через своего уполномоченного, входившего в состав Диктаторской комиссии.

Политика советской власти в судебной области проводилась в высшей степени осторожно, с учетом всех местных особенностей и обычаев. Суд попрежнему выно-

сил свои решения на основании законов Шариата. Шариат для мусульманина—священная книга духовных, гражданских, уголовных законов и всех правил его обыденной жизни. При огромной фанатичности мусульманского населения Средней Азии, особенно Локая, немедленная замена законов Шариата советскими судебными законами была бы грубейшей и непоправимой политической ошибкой. Замена Шариата должна была происходить и происходит посредством огромной агитационной работы, разъясняющей населению все варварства приемов эмировского суда, вроде телесного наказания, кровной мести и т. д. Попутно советская власть постепенно вводит свои законы и всеми мерами стремится поднять общий культурный уровень трудовых масс.

Ведение судопроизводства по законам Шариата чрезвычайно затрудняло работу советских судов.

Трудной задачей являлся также подбор преданных советской власти казиев. Старых эмировских казиев Локая использовать было нельзя, так как взяточничество и палочные приемы судопроизводства впитались в их плоть и кровь. Надо было подобрать более молодых казиев, хорошо грамотных, вполне преданных и вместе с тем авторитетных среди населения. С этой трудной задачей руководящие органы справились успешно. В августе туменным казием был назначен вполне преданный, насквозь советский, хорошо грамотный и пользующийся колоссальным авторитетом 29-летний т. Мулла-Ишанкуль. Казиями Даганакинского и Султанрабатского кентов пришлось назначить бывших эмировских казиев, правда вполне осознавших значение советских судов. Под умелым руководством товарища Мула-Ишанкуля эти судьи проводили политику советской власти в судебной области добросовестно. Честность и бескорыстность самого товарища Мулла-Ишанкуля были доказаны им в бытность его судьей Даганакинского кента.

Кентский суд состоял из судьи и секретаря; туменский суд—из туменного судьи, его заместителя и секретаря. Кентский суд подчинялся туменному, тумен-

ный—вилайетному, вилайетный—уполномоченному Назирата юстиции.

В Бухаре немедленно после революции были проведены следующие судебные реформы, которые и суды Локая целиком провели в жизнь: 1) отмена телесных наказаний, 2) борьба с кровной местью, 3) борьба с издевательствами над женщинами и половой извращенностью, 4) упразднение всевозможных сборов за писание заявления в суд секретарями и за прием заявления казиями. Впоследствии введены были также народные заседатели. Таким образом суд перестал быть духовным органом.

Кентским казиям были подведомственны земельные дела между отдельными гражданами, дела о кражах, побоях, оскорблениях, насилиях над женой, половой извращенностью, о неуплате налогов и другие мелкие. Казию тумена—дела о кровной мести, спорные дела о земле и воде между кишлаками, об убийствах, разводные дела и рассмотрение и утверждение постановлений кентских судов и разбор апелляций. Кроме того туменный казий нес ответственность за деятельность кентских судов. Басмаческие дела были подведомственны революционным трибуналам.

Все казии получали определенное жалованье. За разбор дела был установлен гербовый сбор или, как его называют местные казии, «доход». Доход, состоявший фактически из гербового сбора и возврата тех расходов, которые понес суд при разборе дела, приходовался казием и по окончании каждого месяца сдавался в вилайетный суд. Введено было правильное производство следствия с вызовом на суд свидетелей, с ведением протоколов и вынесением письменных приговоров, чего при эмире совершенно не было.

ПЕРВЫЙ ВСЕПЛЕМЕННЫЙ ЛОКАЙСКИЙ КУРУЛТАЙ (СЪЕЗД).

Ревкомы и политические работники красноармейских частей развернули энергичную агитационную работу. Племена Карлюк и Бадра-оглы еще в конце первой по-

ловины июля вернулись в кишлаки полностью. Лишь племя Исан-ходжа продолжало упорствовать. Всю работу среди этого племени пришлось вести через некоторых лиц из племени Бадра-оглы и Карлюк, связанных с племенами Исан-ходжи родственными узами. В результате в конце июля исанходжинцы, жившие ранее в одних кишлаках с бадраоглинцами, начали постепенно возвращаться. Первыми из племени Исан-ходжа вернулись жители кишлаков Пакрабат и Ляур. Кроме них возвращались одиночки в кишлак Султан-рабат, где в это время находился штаб боевого участка. К этому же времени в кишлаки начали также собираться таджики Яванского и Газималекского районов.

Момент назрел, и ревком решил созвать всеплеменный Локайский курултай (съезд). Курултай был приурочен ко дню приезда в Локай председателя совета назиров Бухарской республики т. Файзулы Ходжаева и члена РВС т. Мулина. Открылся I Всеплеменный локайский курултай 4 августа в кишлаке Султан-рабат. Повестка дня была приблизительно следующая: 1) Сущность и значение советской власти. 2) Басмачество и борьба с ним населения. 3) Задачи Красной армии. 4) Мероприятия советской власти, направленные к проведению реформ, выдвинутых революцией. 5) Постройка телефонно-телеграфных линий и казарм для гарнизонов.

На курултай требовалось привлечь возможно больше жителей, поэтому нормы представительства установлено не было. Присутствовало примерно: от племени Бадра-оглы 300 человек, Карлюк—200 человек, Исан-ходжа—50 человек, от таджиков—70 человек и от остальных племен—30 человек. Число представителей племен позволяет судить о степени влияния басмачества в каждом отдельном племени. Так, самое многочисленное племя Исан-ходжа представлено здесь в совершенно ничтожном количестве. Однако надо признать, что общая цифра присутствовавших (650 человек) превзошла все наши ожидания.

На курултае выступил глава Советской бухарской

республики т. Файзула Ходжаев. Его выступление сводилось к разъяснению сущности и задач советской власти и к разоблачению басмачества как вреднейшего контрреволюционного эмировского движения, которое мешает проведению важнейших мероприятий в области земельной и налоговой реформы, направленных к удовлетворению нужд широких масс трудового декханства.

Тов. Файзула Ходжаев обратился к курултаю с призывом привлечь само население к решительной борьбе с басмачеством. Этот призыв нашел горячий отклик среди участников курултая, слушавших т. Файзулу Ходжаева с напряженным вниманием.

Вместе с тем на курултае необычайно ярко выявилась психология угнетенного человека Востока, привыкшего подчиняться сильному. Так, один старик, с которым согласились остальные, задал такой вопрос: «Вы говорите, что советская власть сильна, но почему же она до сих пор не берет налогов?» Тов. Файзула Ходжаев дал по этому вопросу исчерпывающий ответ. Указав, что сбору налогов мешала ударная кампания по ликвидации басмачества, он разъяснил курултаю сущность советской налоговой политики и подтвердил, что вместо многочисленных и разорительных эмировских налогов в Локае введен единый налог в размере одной десятой с урожая, причем налог будет идти главным образом на организованную государственную помощь декханскому хозяйству.

Вопрос, заданный т. Файзуле Ходжаеву, имел для Бухары и Локая огромное политическое значение. Поэтому правительство Бухары распорядилось собрать полностью налог за 1923 г., а также и за 1922 год в тех районах, в которых он не был собран.

Результаты курултая надо признать для первого раза безусловно удачными. После него начали постепенно собираться в кишлаки жители самого злостного басмаческого племени Исан-ходжи, что открывало широкие возможности для успешной работы в дальнейшем.

После курултая, в связи с тем, что уборка хлеба подходила к концу, ревкомы Локая немедленно при-

ступили к подготовительной работе по проведению сбора налога.

Заново создать налоговый аппарат, отвечающий всем требованиям местных особенностей и обычаев, было чрезвычайно трудно. Поэтому решено было временно оставить институт амлякдаров (сборщиков налогов), существовавший при эмире. Подбор амлякдаров требовал большой осмотрительности. С одной стороны, нужен был такой амлякдар, который бы преданно работал для советской власти, с другой стороны, амлякдар должен был быть настолько влиятельным лицом, чтобы он мог работать без всякой военной охраны. Короче говоря, надо было добиться, чтобы амлякдара охраняло само население. Посылка военных отрядов с амлякдарами для учета и сбора налога дала бы лишний козырь для контрреволюционной агитации, внесла бы осложнение в ход ликвидации басмачества и затруднила бы проведение самой налоговой кампании. Вот почему локайский ревком и командование локайским боевым участком решили напрямь все силы, но налог собрать без всякой посылки отрядов.

С большими трудностями амлякдарский состав в конце августа был подобран.

Амлякдарские участки создавались исключительно по племенному признаку. К такому нарезанию налоговых участков население привыкло с испокон веков. Кроме того это давало возможность предотвратить племенную вражду на почве сбора налога. Созданы были следующие амлякдарские участки: 1) исанходжинский, 2) бадраоглинский, 3) дурменский—и четыре таджикских участка, а именно: 1) яванский, 2) газималекский, 3) шурианский и 4) каршитавский. Кроме того в племена назначались закетчи (сборщики налога с овец). Для таджиков было создано четыре участка, потому что таджики расселены в Локае очень разбросанно.

Для племен Карлюк и Кунгра, занимавшихся исключительно скотоводством, амлякдарские участки не учреждались; у них назначались только закетчи.

Амлякдары были подобраны более или менее удачно,

за одним исключением амлякдара племени Исан-ходжа, по имени Абдурахим, который в сентябре бежал к басмачам, передав Ибрагим-беку 65 тонн пшеницы, собранной для советской власти. Налог собирался натурой.

Ревкомы поручили амлякдарам немедленно произвести учет налога, подлежащего сбору, т. е. составить налоговые списки и представить их на утверждение ревкома.

При эмире локаец знал, что он не имеет права убрать урожай с гумна до тех пор, пока к нему не придет на гумно амлякдар и не разделит пшеницу, ячмень, лен и хлопок на десять равных частей. Вся механика учета налога сводилась на основании шариата к тому, что амлякдар являлся на гумно и делил весь урожай на десять равных частей. Одну из этих частей он взвешивал и количество записывал себе в книгу, т. е. в список налогоплательщиков. Такой способ учета и сбора налога был применен и советской властью в 1923 году. При таком учете объектов обложения трудно было конечно установить правильность налоговых сведений и честность работы амлякдара. Однако проверка возможными способами показала полнейшую добросовестность налогоплательщиков.

С 3 сентября амлякдары приступили к учету налога, а ревком—к оборудованию ссыпных пунктов. Ссыпные пункты были назначены в местах расположения постоянных гарнизонов, именно: в г. Яван, в Даганакии и Султан-рабате. В г. Яван должны были свозить налог таджики Яванского района и исанходжинцы, проживающие в районах кишлаков Нарын и Кайнар. В Султан-рабат—остальное население племени Исан-ходжа. В Дагана-кии—племена Бадра-оглы, Дурмен и таджики—Газималекского, Шурианского и Каршитавского районов. Амлякдары провели учет налога очень быстро, за исключением амлякдара племени Исан-ходжа. С 15 сентября декхане начали уже свозить налог на ссыпные пункты. Следует отметить, что с большим трудом удалось заставить амлякдаров выдавать квитанции

в приеме налога. Это объясняется тем, что при эмире амлякдары никаких расписок и квитанций не выдавали, население же их и не требовало.

СЕНТЯБРЬСКИЕ БОИ С БАСМАЧАМИ.

Объезд восточно-бухарских вилайетов т. Файзуллою Ходжаевым чрезвычайно беспокоил Ибрагим-бека. Он понимал, что этот объезд пагубно отразится на басмаческом движении. После приезда т. Файзуллы Ходжаева в Локай даже самое надежное для Ибрагим-бека его родное племя Исан-ходжи начало собираться в кишлаки. Из Локая т. Файзулла Ходжаев направился на левобережье Вахш в Кулябский вилайет. Ибрагим-бек устроил ему засаду в районе Кулисафрона, но потерпел неудачу.

Чтобы не потерять окончательно своего влияния в населении, Ибрагим-бек приказал своим курбашам начать активные действия против Красной армии. Локайский курбаша Ассадулла 29 августа собрал все локайские шайки и джигитов, закончивших уборку хлеба, и начал караулить наши мелкие части. 30 августа ему удалось окружить наш взвод в северной части гор Каршитау, разбить его и отнять пулемет (этот пулемет в сентябре нашими частями был взят обратно).

Ибрагим-бек, получивший донесение об успехе Ассадуллы, приказал ему и в дальнейшем подстерегать и уничтожать лишь небольшие отряды, избегая боев с крупными частями. Но вслед за этой победой Ассадулла в бою с эскадроном 1 кавалерийского полка т. Куц потерял 50 человек убитыми и 35 коней. Вместе с тем усилился нажим красных частей на левобережье Вахш и в Бабатагском районе.

Обеспокоенный Ибрагим-бек решил перейти с левобережья Вахш обратно в Локай с целью добиться вновь поголовного участия Локая в басмаческом движении. Ему важно было одержать хотя бы один крупный успех над красными частями, чтобы тем самым поднять свой авторитет, сильно пошатнувшийся.

В первых числах сентября были демобилизованы остатки 1900 года, и кавалерийские части пополнились совершенно необученными людьми. Ибрагим-бек учел это обстоятельство и принял все меры к тому, чтобы прибыть в Локай внезапно.

В этих целях он еще в первых числах сентября начал каждый день распространять через свою агентуру ложные слухи о своем прибытии в Локай, причем эти сведения, намеренно противоречивые и путанные, попадали не в штаб локайского боевого участка, а непосредственно в полевой штаб корпуса.

Командование локайским боевым участком вынуждено было поразбросать свои части. Около недели штаб боевого участка и полевой штаб корпуса никаких сведений об Ибрагим-беке не имели. В ночь с 20 на 21 сентября Ибрагим-бек неожиданно переправился в районе Санг-туда через Вахш в Локай; к нему присоединились все локайские шайки, а также Рахман-Датхо со своими отрядами.

Ибрагим-бек разослал своих гонцов, призывая всех жителей к вооруженной борьбе с русскими джадидами. На его зов откликнулись только жители кишлаков: Нарын, Биш-булак, Шурчи и района Кайнар. Остальные жители попрятались в горы и заняли выжидательную позицию.

В кишлаке Средний Кайнар (см. схему 1)¹ Ибрагим-бек с 5 000 басмачей окружил дивизион т. Гегера и приказал отвести от кишлака воду, чтобы взять дивизион измором. Продовольствия в кишлаке совершенно не было. Дивизиону, успешно непрерывно отражавшему атаки басмачей, обороняться без хлеба, фуража и воды было чрезвычайно трудно. С нетерпением ожидаемая помощь не приходила.

Штаб боевого участка сведений об Ибрагиме в течение всего 21 числа не имел. Не было также сведений и от дивизиона, что очень беспокоило командование

¹ Все схемы в книге даны очень упрощенно, ввиду отсутствия точных местных карт крупного масштаба.

Лишь 22 сентября к вечеру из Явана прибыл султан-рабатский аксакал Даны и сообщил, что в Кайнара

Лишь 22 сентября к вечеру из Явана прибыл султан-рабатский аксакал Даны и сообщил, что в Кайнара

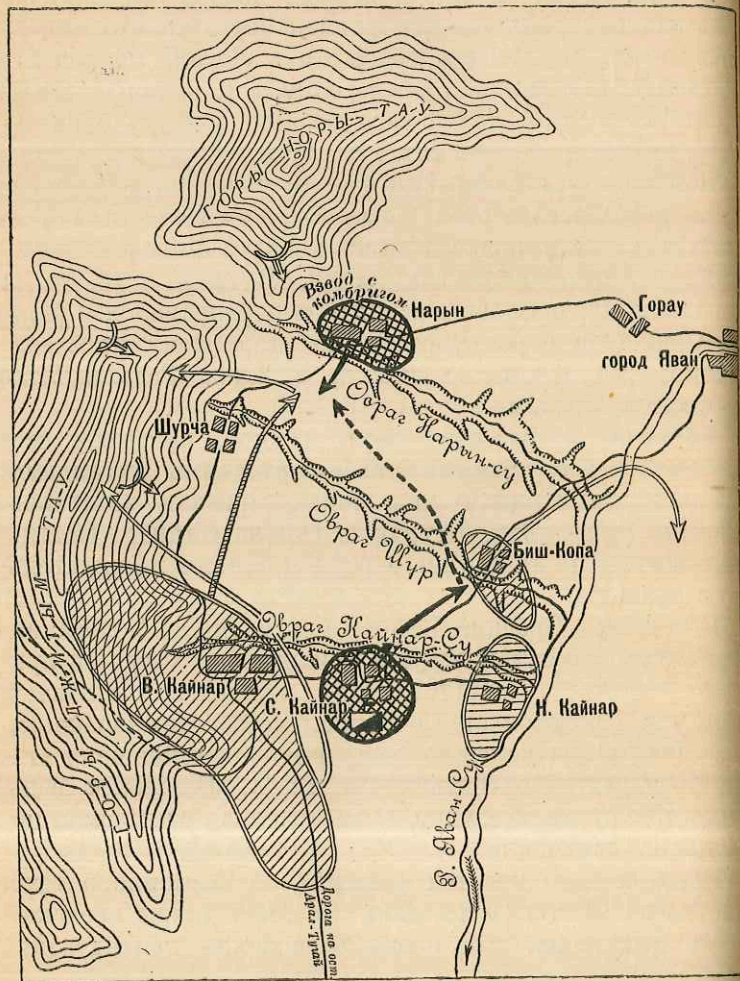

Схема 1. Окружение Ибрагим-беком сводного дивизиона 1-ой отд. Турк кавалерийской бригады.

басмачи вырезали всех кизил-аскеро́в (красноармейцев), что там идет бой и горит вся Яванская долина. Командир бригады с комиссаром решили немедленно выехать в район Кайнар. В распоряжении штаба сил не было, и удалось набрать лишь 13 сабель, недавно прибывших из одного пехотного полка. К маленькому отряду присоединились заместитель начальника особого отдела бригады и начальник организационной части политического отдела бригады. Всего в отряде насчитывалось с конноводами 19 человек.

Отряд, подъехав к Яванской долине, убедился, что там никакого пожара не было, не было его и в районе Кайнар. Создалось впечатление, что Даны-аксакал намеренно «залил пушку». Решили заехать в г. Яван, чтобы получить сведения от уполномоченного по борьбе с басмачеством и через его агентуру связаться с дивизионом. Прибыли в Яван в 23 часу. Уполномоченный никаких сведений об Ибрагим-беке, ни о дивизионе не имел. По предположениям штаба дивизион должен был находиться в районе кишлаков Нарын. Через старшего минг-баши удалось найти одного из аксакалов. Ему поручили проехать в Нарын и затем в Кайнар с задачей выяснить местонахождение дивизиона и к 2 часам ночи вернуться. В 24 часа 21 сентября был послан второй нарочный с такой же задачей. Оба посланные к указанному сроку не явились. Участь дивизиона чрезвычайно беспокоила, но выступать ночью с малочисленным отрядом, не имея никаких сведений, было крайне рискованно. Поэтому решено было задержаться до утра 23 сентября. С рассветом 23 сентября наш отряд в 22 человека, среди них уполномоченный РВС и член туменного ревкома т. Карши-аксакал, во главе с командиром и комиссаром бригады выступил из Явана в Нарын.

Не доходя около трех километров до Нарына, отряд услышал со стороны кишлаков Кайнар отдельные ружейные выстрелы. Приближаясь к Нарыну, мы напоролись на отряд басмачей численностью до 300 человек, идущий с направления Кайнар в Нарын. Нам пришлось атаковать басмачей, потому что иного выхода не было. Утро

было туманное, и противник, не разглядев и приняв наш отряд за крупную боевую часть, бросился наутек в горы Джитым-тау, цепляясь за каждую сопку. Наш отряд вынужден был прекратить преследование и спешиться. Решено было сковывать басмачей в спешном строю, чтобы тем временем успеть связаться с дивизионом. Когда туман рассеялся, басмачи поняли свою ошибку и стали нас окружать. Стрельба в районе Кайнар начала затихать. Из-за недостатка патронов командир бригады решил отступить в направлении на Средний Кайнар. Для связи с дивизионом был послан уполномоченный РВС с одним красноармейцем. Едва они отъехали, километрах в десяти от нас влево показалась громадная колонна басмачей. В голове колонны несли большое красное знамя. Это двигался сам Ибрагим-бек со своими главными силами (он всегда возил красное знамя).

Командир бригады решил отступить по Яванской долине, чтобы иметь возможность отбиваться от противника конными атаками. Наседавшие на нас басмачи прекратили свое преследование лишь тогда, когда мы вышли в долину. Тем временем удалось связаться с дивизионом и немедленно бросить его на Ибрагим-бека.

Выяснилось, что дивизиону удалось уйти из Кайнара следующим образом (см. схему 1). Просидев двое суток без воды, дивизион решил в ночь с 22 на 23 сентября во что бы то ни стало пробиться. Выйти решено было по оврагу, идущему из Биш-капе на кишлак Нарын. К рассвету дивизион сосредоточился в овраге и начал с боем отходить. Ибрагим-бек бросил 300 человек под командой самого боевого курбаши Иган-берды с задачей перерезать дивизиону путь отхода. Но у кишлака Нарын Иган-берды налетел на наш отряд в 22 человека и, атакованный нами, ушел в горы Джитым-тау. Ибрагим-бек, услышав бой под кишлаком Нарын, устремился туда и встретился с нами, но под нажимом дивизиона вынужден был отойти в горы Джитым-тау.

Изнуренный и умиравший от жажды, дивизион не в силах был преследовать басмачей. Поэтому, выставив

заставы на подступах к кишлаку Нарын, командир бригады приказал дивизиону расположиться в Нарыне. Басмачи остались в горах Джитым-тау.

За эти два с лишним дня, т. е. за 21, 22 и 23 сентября, басмачи потеряли 228 человек убитыми. Наши потери: в дивизионе—7 человек убитыми и 8 ранеными, в отряде командира бригады—1 убитый.

В ночь с 23 на 24 сентября необходимо было подтянуть из гор Кара-тау эскадрон т. Хабазова в Нарын. Командиру 2 кавалерийского полка т. Панкееву было приказано стянуть к вечеру 24 сентября из Шурианского района дивизион т. Шенделя. Так как перегруппировка наших сил не могла закончиться ранее вечера 24 сентября, то днем 24 решено было демонстрировать только из Нарына, а к вечеру, оставив в Нарыне дивизион т. Гегера, с эскадром т. Хабазова, выступить на Султанрабат, а оттуда в Пакрабат. Там соединиться с дивизионом 2 кавалерийского полка и в 24 часа 24 сентября выступить в район гор Джитым-тау, чтобы с рассветом 25 сентября атаковать Ибрагим-бека. Дивизиону т. Гегера приказано было усилить наблюдение за условным знаком с тем, чтобы после пуска двух красных ракет немедленно повести наступление на Ибрагим-бека со стороны Нарына.

В 19 часов 24 сентября командир бригады с эскадром т. Хабазова выступил из кишлака Нарын на Султанрабат (см. схему 2). Как только эскадрон втянулся в Султанрабатскую щель, Ибрагим-бек повел атаку против дивизиона, оставшегося в Нарыне. Пулеметным огнем атака была отбита, и Ибрагим-бек, понеся потери убитыми и ранеными, отошел в горы Джитым-тау. В этой атаке был ранен курбаша Иган-берды. В 21 час командир бригады прибыл в Султанрабат, а оттуда в 22 часа выступил для присоединения к дивизиону т. Шенделя. В Пакрабат он прибыл в 24 часа и дожидался дивизиона до 2 часов 25 сентября.

В 2 часа 25 сентября дивизион т. Шенделя прибыл в Пакрабат, откуда вместе со всеми тремя эскадронами выступил в горы Джитым-тау. К рассвету голова ко-

лонны достигла подножья гор. По дороге никаких охраняющих частей противника не оказалось; даже кишлак Паталик, и тот не был занят басмачами. Противник видимо не ожидал нашего появления с тыла и поэтому не принял меры для его обеспечения. Необеспеченность тыла позволяла предполагать, что противник ушел. Однако, поднимаясь на хребет гор Джитым-тау, мы неожиданно наткнулись на самый штаб Ибрагим-бека. Атако-

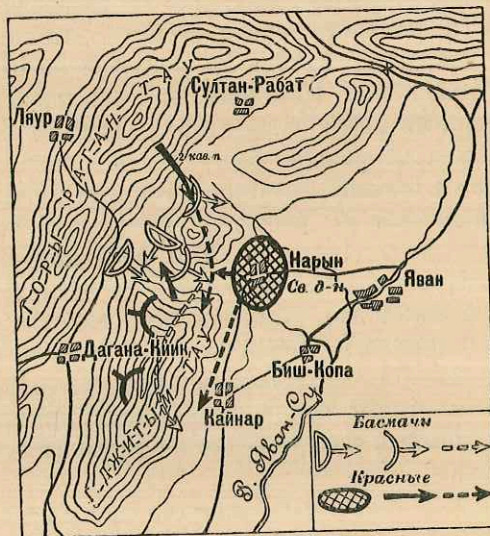

Схема 2. Вой 25 сентября 1923 г.

ванный Ибрагим-бек начал отходить в южном направлении в сторону кишлака Кайнар.

Дивизион т. Гегера, проворонивший наши сигналы, запоздал с выступлением из Нарына и не смог перерезать Ибрагим-беку путь отхода. Это дало ему возможность уйти.

Ввиду сильного приступа малярии у командира бригады преследование пришлось приостановить и расположиться на горах Джитым-тау. Ибрагим-бек воспользовался нашей остановкой и к полудню вновь сгруппировал свои отряды; к 16 часам он начал нас окружать,

наседая особенно сильно на наш правый фланг, имея с фронта и с левого нашего фланга небольшие заслоны и прикрываясь с фронта Бишбулакским ущельем (на карте Шар-шар). Мы отвлекали внимание басмачей демонстративными действиями наших мелких частей. Ибрагим-бек, увлекшись, не заметил, что по восточному склону гор Джитым-тау готовятся к атаке четыре наших эскадрона. В 20 часов он повел атаку против наших пулеметов, но в это время три эскадрона ударили ему во фланг, а четвертый эскадрон под командой т. Куц перерезал ему путь отступления. Однако большинству басмачей удалось проскочить через самое крутое место обрыва Нарынской щели, но около 300 человек, прижатые тремя эскадронами, были опрокинуты в обрыв, где все они со своими лошадьми разбились на смерть.

За весь этот день Ибрагим-бек потерял до 500 человек убитыми, в том числе и своего помощника Мурзу-Мурат-бия. Дальнейшее преследование пришлось приостановить, так как войска Ибрагим-бека рассыпались на мелкие группы. Было решено задержаться в кишлаке Паталик, пока силы Ибрагим-бека вновь не сгруппируются.

27 сентября, как только группировка Ибрагим-бека была обнаружена, наши части были брошены в атаку, но Ибрагим-бек, не приняв боя, ушел за Кафирниган в Гиссарский район. 29 и 30 сентября он понес еще одно поражение и вынужден был на время уйти из Локая в Бабатагский район.

Сентябрьские бои имели огромное значение. Они вбили осиновый кол в могилу массового басмаческого движения Локая. Примкнувшие к Ибрагим-беку жители районов Нарын, Биш-булак и Кайнар после этих боев вернулись в кишлаки и навсегда отказались от активного участия в басмаческом движении. За 27 и 28 сентября они без всякого распоряжения ревкома свезли весь налог и приступили к восстановлению своих разрушенных селений.

Наши успехи были ценным подарком Всебухарскому съезду советов от красноармейских частей Локая.

Ибрагим-бек после сентябрьского поражения ушел на правобережье Кафирнигана в Бабатагский район, но и там части Бабатагского участка не дали ему покоя. В первой половине октября он возвратился в Локай. Наши части произвели два ночных налета в овраге Арпа-булак, в результате которых Ибрагим потерял убитыми 15 человек своей личной гвардии, разбойничавшей с ним еще до революции, и сам был легко ранен.

Раньше суеверные джигиты считали Ибрагим-бека святым и были уверены, что его не берут пули. Ранение подорвало эту веру джигитов.

Потерпев поражение, Ибрагим-бек ушел обратно в Бабатагский район и затем в 20-х числах октября под напором частей Бабатагского участка распылил свои шайки по одному и переправился на левый берег реки Вахш.

23 октября 10 влиятельных лиц племени Исан-ходжи послали на левобережье Вахш Ибрагим-беку письмо с требованием немедленного прекращения борьбы и сдачи оружия. Ибрагим-бек, как и следовало ожидать, ответил отказом, обозвав авторов письма изменниками веры ислама.

Мы заранее знали, что письмо обречено на неудачу, тем не менее оно показательно как первая попытка населения противопоставить себя басмачеству. Письмо особенно ценно тем, что его послали представители самого злостного басмаческого племени.

После ликвидации сентябрьской попытки Ибрагим-бека возродить массовое басмаческое движение в Локае Диктаторская комиссия отдала приказ о более энергичном проведении кампании по сбору налога, дав срок окончания сбора к 1 ноября. В целях более успешного проведения кампании, при вилайетных и туменных ревкомах были созданы ушуркомиссии (налоговые комиссии) под председательством — председателя ревкома и в составе членов: туменного амлякдара, начальника боевого участка и уполномоченного РВС. Кроме того через командование корпусом был отдан приказ выде-

лить во всех участках отряды по сбору налога. Мы в Локае в силу указанных ранее причин от назначения и посылки отрядов отказались.

Попытки Ибрагим-бека сорвать налоговую кампанию были своевременно парализованы, и к 1 ноября весь налог за 1923 г. в размере около 700 тонн был собран полностью; причем налог настолько охотно и дружно сдавался населением, что ссыпные пункты иногда не успевали его принимать.

Полностью был собран также и закят-налог (налог с овец). Помимо налога, в пользу государства было собрано около 160 тонн курбашеского хлеба.

В отношении взимания налога за 1922 год Локайский туменный ревком принял во внимание значительное сокращение посевной площади в 1923 году, а также и то обстоятельство, что части Красной армии все время довольствовались за счет населения. Поэтому ревком совместно с командованием боевого участка поднял перед Диктаторской комиссией и РВС вопрос о том, чтобы в счет налога за 1922 г. были засчитаны все расписки, выданные частями участка за продовольственный фураж, забранный у населения до 1 ноября включительно.

Диктаторская комиссия и РВС разрешили этот вопрос в положительном смысле.

По мере того как в Восточной Бухаре начало исчезать массовое басмаческое движение, устройство постоянной связи штаба корпуса со штабами боевых участков с каждым днем становилось все более и более необходимым. Создание постоянной связи имело большое значение и для советских органов.

Связь столицы Бухарской республики с центром Восточной Бухары — г. Дюшамбе — была установлена еще в весне 1923 г. посредством прокладки постоянной телефонно-телеграфной линии. Из Дюшамбе необходимо было в первую очередь связать самые отдаленные участки, как Каратегин, Дарвал и Куляб. Локай попал в последнюю очередь, как участок, находящийся в 18 км по прямой дороге до Дюшамбе. Все же Реввоенсовет

и Диктаторская комиссия решили к 1 ноября связать Дюшамбе с Локаем, а к 1 декабря—Яван с Курган-тюбе, имея телеграфную и телефонную станции в туменном городе Яван.

В Локае, как известно, леса почти нет. Заготовка телеграфных столбов производилась за счет курбашеского лесного материала, на выявление которого было затрачено много сил. Местные жители, опасаясь террора со стороны курбашей, боялись указывать курбашеский лес. Приходилось выделять специальные отряды прикрытия на случай нападений басмачей на жителей, заготавливающих столбы.

Несмотря на все трудности, к 1 ноября Дюшамбе—Яван удалось связать постоянной телефонно-телеграфной линией, и затем была начата прокладка линии Яван—Курган-тюбе.

Попутно с проводкой постоянной телефонно-телеграфной линии шла постройка казарм и конюшен в Сутан-рабате, Даган-киике и г. Яван. В этих пунктах назначались постоянные гарнизоны на зимнюю кампанию 1923/24 г. Строительные работы производились в крайне тяжелых условиях. Приходилось пользоваться рабочей силой от населения, которое само переживало острый жилищный кризис. Кирпич выделялся самими частями из глины и мелкой соломы (самана). Постройка сильно тормозилась из-за отсутствия денежных средств. Лишь в конце первой половины октября удалось получить деньги и расплатиться с плотниками. Строительные работы пошли более энергичным темпом, и к 1 ноября постройки казарм и конюшен были закончены.

С постройкой казарм значительно улучшились бытовые условия частей Красной армии.

Бесперывная боевая работа, а также полнейшее отсутствие средств не позволили должным образом обеспечить празднование 6-й годовщины Октябрьской революции.

Пришлось ограничиться торжественными заседаниями в гарнизонах, военных партийных организаций совместно с ревкомом и вечером воспоминаний. 7 но-

ября были организованы митинги в гарнизонах совместно с населением и после митинга восточные конно-спортивные состязания с призами (улак) и скачки на резвость. Затем был устроен торжественный обед населения совместно с красноармейцами. 8 ноября в г. Яване состоялся общелокайский митинг, посвященный годовщине Октябрьской революции, и после митинга—состязание.

В 6-ю годовщину части Красной армии установили с трудовым населением Локая несокрушимую связь. Скромное празднование Октябрьской годовщины знаменательно тем, что за шесть лет существования советской власти в России и за три года ее существования в Бухаре Локай впервые праздновал Великий октябрь.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ РЕВКОМОВ.

Туменный ревком, судя по его личному составу, должен был вполне отвечать всем требованиям, предъявляемым к его работе. Председатель ревкома т. Мирза-Махмут был вполне опытный советский работник, остальные члены ревкома пользовались среди своих племен достаточным авторитетом. Однако в действительности туменный ревком работоспособным не был. Главная причина его малой работоспособности заключалась в том, что при назначении председателя не была учтена национально-племенная вражда в Локае. Как известно, председателем ревкома был назначен присланный из Западной Бухары т. Мирза-Махмут—по национальности таджик. Локайцы, привыкшие господствовать над таджиками, никак не могли помириться с этим назначением. Кроме того, они вообще не хотели подчиняться представителям власти, присланным извне. Поэтому т. Мирза-Махмут все время встречал скрытое противодействие не только со стороны населения Локая, но и со стороны самих членов ревкома. Уполномоченный РВС, являвшийся одновременно вторым заместителем председателя ревкома, все силы напрягал к изживанию этих вредных взглядов среди членов ревкома, но без-

успешно. Члены ревкома обращались не к председателю, а к уполномоченному РВС. Это привело в конце концов к тому, что недостаточно тактичный т. Спиридонов заклонил собой председателя. Впрочем это было совершенно неизбежным. Создалось ненормальное положение, которое чрезвычайно неблагоприятно отзывалось на работе ревкома.

Первоначально думали, что причины, тормозящие работу ревкома, кроются в самом т. Мирза-Махмуте, из-за чего Диктаторской комиссией он был отозван. Но когда вместо Мирза-Махмута на пост председателя ревкома был прислан т. Мирза-Якуб, то положение еще более ухудшилось, так как Мирза-Якуб, мало опытный в советской работе, иногда проявлял шовинизм и не учитывал местных особенностей. В последних числах октября РВС через Диктаторскую комиссию отозвал т. Мирза-Якуба из Локая, а председателем Локайского туменного ревкома назначил т. Абдул-Газиса, имевшего среди всего населения Локая большой авторитет, вполне заслуженный им отличной работой на посту председателя Даганакийского кентского ревкома.

Работу туменного ревкома тормозило еще одно существенное обстоятельство. Туменному ревкому непосредственно подчинялась большая часть Локая, вследствие чего ревком вынужден был выполнять функции Яванского кентского (волостного) ревкома и обслуживать главным образом только таджиков Яванского района и племя Карлюк. По этой причине племя Исан-ходжа ускользало из-под влияния ревкома. Представитель этого племени Абдул-Рашид-бий тормозил проведение распоряжений ревкома в жизнь и, как впоследствии выяснилось, все время поддерживал басмачество.

На основании этого туменный ревком в первых числах ноября поставил перед Диктаторской комиссией вопрос о пересмотре административного деления Локая, а также об организации Султанрабатского ревкома. Новое административное деление необходимо было провести с таким расчетом, чтобы оно дало возможность постепенно изживать племенную рознь. Следовательно прихо-

дилось объединять в кент племена, имеющие более тесные родственные связи. Кроме того надо было привлечь к участию в советском строительстве таджиков Шурианского района и племя Дурмен, которые в Даганакийском ревкоме представлены не были. Создание лишних административных единиц в Локае наталкивалось на недостаток работников, преданных советской власти. По строгому учете указанных данных создан был только один новый кент с центром в кишлаке Султан-рабат. В кенте были объединены племена Исан-ходжа и Бадра-оглы, как связанные наиболее тесными родственными узами.

Султанрабатский кентский ревком оформился в составе: председателя—Абдул-Рашид-бия из племени Исан-ходжа, заместителя—Абдул-Каим-биз племени Бадра-оглы и членов: казия (кентский судья) из племени Исан-ходжа, одного представителя от племени Бадра-оглы и представителя от Красной армии, комиссара 65 кавалерийского полка т. Зуботыкина. Абдул-Рашид-бий был назначен председателем ревкома из следующих соображений. Руководящие органы Восточной Бухары считали, что это назначение удовлетворит самолюбие Абдул-Рашид-бия, издавна враждовавшего с Ибрагимом, и заставит его со всей энергией и ответственностью вести борьбу с басмачеством. Однако наши надежды не оправдались. Абдул-Рашид-бий и в дальнейшем оказывал активную поддержку басмачеству.

Даганакийский кент после отхода племени Бадра-оглы в Султанрабатский кент объединил таджиков Газималекского, Шурианского и Каршитагского районов и племя Дурмен. Даганакийский ревком был составлен также из 5 человек: председатель—представитель таджиков Газималекского района; заместитель председателя—представитель таджиков Шурианского района и члены ревкома: представитель племени Дурмен, представитель таджиков района гор Карши-тау и комиссар гарнизона—политрук роты т. Архипов. Таджик Шурианского района и племени Дурмен были присоединены временно до постановки в Шуриан-баше постоянного

гарнизона, после чего намечалось создание самостоятельного Шурианского кента.

На ряду с проведением нового административного деления и реорганизацией кентских ревкомов была закончена реорганизация и туменного ревкома. Он оформился в следующем составе: председатель ревкома — т. Абдул-Газис — представитель племени Бафра-оглы, 1-й заместитель председателя — т. Карши-аксакал, представитель племени Карлюк и соратник Абдул-Газиса; 2-м заместителем председателя, согласно положению РВС Восточной Бухары, был назначен уполномоченный РВС, причем для большей увязки работы ревкомов и частей Красной армии в вопросах борьбы с басмачеством уполномоченным РВС был назначен комиссар локайского боевого участка; члены ревкома: Юзбай-аксакал, от племени Исан-ходжа; Абдул-Рахман, от таджиков Яванского района; туменный казий (судья) Мулла-Ишанкуль, представитель племени Бафра-оглы и начальник туменной милиции.

Как видим, состав туменного ревкома подобран исключительно из работников Локая, причем в нем были представлены все локайские племена и национальности. Непосредственное подчинение таджиков Яванского района и племени Карлюк туменному ревкому сохранилось и на этот раз. Таким образом, к 20 ноября в Локае существовали 3 ревкома: туменный и 2 кентских.

Условия борьбы с басмачеством, а также отсутствие работников не позволяли организовать хотя бы даже объединенные кишлачные ревкомы. Поэтому для повседневной связи и проведения решений ревкомов в широкие трудовые массы пришлось сохранить старый эмировский институт аксакалов и минг-башей. При эмире правитель Локая с согласия правителя племени назначал в каждый кишлак одного из авторитетных стариков аксакалом, т. е. старостой, так что аксакал в кишлаке являлся непосредственным представителем власти. Минг-баша являлся начальником над аксакалами родов в каждом племени. При эмире назначение минг-башей происходило не по территориальному признаку,

а по родовому, причем минг-баша механически становился начальником рода. Все минг-баши родов подчинялись старшему минг-баше, так называемому катта-минг-баше, который в свою очередь подчинялся непосредственному начальнику племени, а последний — правителю Локая. При советизации Локая катта-минг-баши были упразднены.

Невозможность заменить советами институт аксакалов и минг-башей обуславливалась тем, что мы не могли обеспечить гарнизонами местопребывание кишлачных советов. Без гарнизонов же советы беспощадно уничтожались бы басмачами, как уничтожались они ферганским басмачеством.

Естественно, что нельзя было рассчитывать на стопроцентную преданность аксакалов и минг-башей. Однако, учитывая обстоятельства, следует признать, что аксакалы и минг-баши как временный институт себя оправдали вполне. После реорганизации ревкомов состав аксакалов и минг-башей был значительно обновлен более или менее надежным элементом, вполне авторитетным среди населения.

Работа аксакалов и минг-башей протекала в чрезвычайно тяжелой обстановке. Во время остановок наших частей в кишлаках на аксакалах лежала забота о снабжении части продовольствием и фуражом. Кроме того они обязаны были вести непрерывное наблюдение за басмаческими шайками и своевременно доносить нашим частям и ревкому. Это ставило аксакалов под прямую угрозу расправы со стороны басмачей. В свою очередь басмачи, прибывая в кишлак, требовали от аксакала снабжения продовольствием и фуражом и сведений о местонахождении красноармейских отрядов.

Таким образом аксакалы и минг-баши находились, как говорится, между двух огней, поэтому некоторая часть их работала на два фронта — и советской власти и басмачам, но большинство аксакалов и минг-башей работали честно. Тем не менее постоянное пребывание в опасности резко отзывалось на их работоспособности, а следовательно и на работе ревкомов. Следует также

отметить, что аксакалы и минг-баши по традиции занимались взяточничеством, процветавшим под видом «силяв», с чем приходилось вести беспощадную борьбу. Но в общем, на наш взгляд, сохранение института аксакалов и минг-башей на время борьбы с басмачеством было жизненно необходимо.

ЗИМНЯЯ КАМПАНИЯ 1923/24 г.

К началу зимней кампании 1923/24 г. обстановка в Локае сложилась следующим образом. Жители поголовно возвратились в кишлаки и энергично принялись за восстановление своих разоренных жилищ. Ибрагим-бек находился на левобережье реки Вахш. В самом Локае продолжали оперировать шайки: Иль-баши—85 человек, Бабаджана—47 человек, Курбана—25 человек. Изредка в Локай заглядывал Рахман-Датко со своей шайкой до 300 джигитов, уходившей от наших преследований.

К 1 декабря произошла смена частей Локайского боевого участка. На смену полкам 1 Туркестанской кавалерийской бригады в Локай прибыл 65 кавалерийский полк 11 кавалерийской дивизии, имевший всего лишь 115 лошадей, из которых способных для операций было не больше 60. Остальные выбыли из строя месяца на три. Полк таким образом был настолько обескровлен, что рассчитывать на него командование участком совершенно не могло.

На основе сложившейся обстановки перед ревкома Локая встали следующие основные задачи на период зимней кампании 1923/24 года:

1. Политическая обработка населения по вовлечению его в активную борьбу с басмачеством.
2. Изъятие совместно с карательными органами пособников басмачества и членов курбашеских семейств.
3. Перенесение довольствия гарнизонов исключительно за счет басмачей, чтобы тем самым облегчить положение населения.
4. Проведение земельной реформы и посевной кампа-

нии и выявление продовольственных ресурсов Локая до нового урожая.

5. Организация базаров и отделения Госторга.

6. Популяризация работы ревкома среди населения и привлечение трудовых масс к активному участию в советском строительстве.

7. Подготовка к летней кампании 1924 года.

Командование локайским боевым участком постановило на зимний период соответственно следующие задачи:

1. Не допустить возвращения Ибрагим-бека в Локай и в то же время вести решительную борьбу с оставшимися шайками.

2. Усилить политработу среди населения, проводя ее политическими и партийными работниками летучих отрядов, а также усилить политработу в частях участка, в особенности по изжитию упадочных настроений среди командного состава.

3. Привести в порядок части участка с тем, чтобы с наступлением весны все силы бросить на басмачей.

4. Упорядочить финансовое положение и добиться средств для расчета с населением за продфураж, забираемый летучими отрядами.

К 1 декабря силы локайского боевого участка состояли из двух рот и 65 кавалерийского полка 11 дивизии. О состоянии 65 кавалерийского полка уже достаточно сказано. Обе стрелковые роты также были в значительной степени неполнокровны. Их не хватало даже для того, чтобы закрыть переправы на реке Вахш. По распоряжению командующего войсками Восточной Бухары командир 11 кавалерийской дивизии для усиления боевого участка бросил в Локай дивизион 64 кавалерийского полка. Однако и с прибытием дивизиона в Локай сил было далеко недостаточно.

Для закрытия переправ на реке Вахш были выделены одна стрелковая рота и эскадрон 64 кавалерийского полка. 2-я стрелковая рота была брошена в Даганак-кик в качестве гарнизона. Гарнизон в центре Локая г. Яван составляли: штаб стрелкового батальона,

его команда связи, пулеметная команда и небоеспособный взвод конных разведчиков. Второй эскадрон 64 кавалерийского полка был направлен в районы Даганакинк и Шуриан-баш для операций против шаек Ильбаши и Бабаджана. Для операций в остальных районах Локая и в качестве резерва в распоряжении командования участком осталось всего лишь 60 сабель 65 кавалерийского полка. Конечно с такими силами выполнить в полной мере предстоявшие задачи было невозможно. Однако, командование войсками Восточной Бухары дать Локаю больше, чем оно дало, было не в состоянии, так как вывод из пределов Восточной Бухары всех частей 1 Туркестанской бригады, а также бригады Блиновской дивизии, не компенсировался вводом Алтайской бригады. Поэтому перед командованием локайского боевого участка встала задача увеличить свои силы за собственный счет, т. е. во что бы то ни стало разбить шайки, оставшиеся в Локае, и посадить 65 кавалерийский полк на трофейных лошадей. Выполнить эту задачу было чрезвычайно трудно, так как шайки упорно уклонялись от столкновений с нашими частями. В течение двадцати дней все наши поиски были впустую. Лишь в ночь с 23 на 24 декабря удалось разгромить находившуюся в кишлаке Найза-булак шайку Ильбаши и отбить у нее восемьдесят коней. Благодаря этому в 65 кавалерийском полку число боеспособных сабель увеличилось до 140.

Локайское население, привыкшее к частям 1 Туркестанской кавалерийской бригады как к частям в высшей степени боевым, встретило прибытие в Локай новых частей, заменивших 1 бригаду, в высшей степени недоверчиво. Это недоверие было сломлено удачным налетом на шайку Ильбаши. К весне полк имел уже до 200 лошадей, отбитых у басмачей.

Ликвидация шаек в силу целого ряда причин продолжалась еще около двух лет, но, как мы увидим ниже, зимний период 1923/24 года положил начало разложению шаек.

Для снабжения частей продфуражом довольствующие

органы Красной армии закупили у правительства Бухарской республики весь продовольственный налог, собранный в 1923 году. Но закупленного продфуража до нового урожая было недостаточно, поэтому РВС ВБ бросил в Локай мануфактуру и другие предметы первой необходимости для заготовки на них продфуража. Эта партия товаров была первой ласточкой в деле снабжения Локая товарами.

Однако заготовленного продфуража было все же недостаточно, поэтому в силу необходимости летучим отрядам приходилось довольствоваться от населения. Политически это было крайне невыгодно, так как довольствоваться в счет налога не было возможности, потому что налог был внесен населением полностью. Следовательно, надо было во что бы то ни стало наладить денежный расчет с населением за продфураж, получаемый на месте непосредственно летучими отрядами.

Надо сказать, что в тот период финансовый вопрос стоял чрезвычайно остро. Советский Союз лишь к концу 1923 года закончил денежную реформу, и червонцы еще не успели проникнуть в пределы Восточной Бухары. Денежных знаков население совершенно не принимало. Расчеты с ним производились бухарскими серебряными монетами эмировской чеканки — «теньга» (15 копеек кажда). Но запас тенег у правительства Бухары истощился, а выпуск новых монет был бы нецелесообразен в связи с тем, что уже шла подготовка к национальному размежеванию Средней Азии и вступлению среднеазиатских республик в Советский Союз. Серебряные монеты Советского Союза также не могли еще попасть в Восточную Бухару. Ко всему этому необходимо добавить трудности в доставке денег.

По этим причинам командование боевым участком получило теньги для расплаты с населением лишь к концу зимы 1923—1924 года. Первая партия денег пошла в уплату за уже забранный у населения продфураж, а затем снова наступило безденежье. Однако после первой уплаты население уже твердо верило нам и давало с охотой все необходимое. Части, в свою очередь,

как только прибывали деньги, немедленно, расплачивались с населением. Правда, перебои в снабжении деньгами продолжались до лета 1924 года, но несмотря на это наша уплата, хоть и с опозданиями, делала необходимое для нас политическое дело, в корне подрывая авторитет басмачества.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ, КУРУЛТАЙ И СОВЕЩАНИЯ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ЛИЦ И ДУХОВЕНСТВА.

Одна из первостепенных задач, которую туменный ревком поставил себе на зимний период 1923/24 года и которая остается важнейшей задачей сегодняшнего и ближайших будущих дней советской власти, это — приближение работы советских органов к массам. Среди некоторой самой отсталой части населения был чрезвычайно распространен взгляд на председателя ревкома как на бека. В целях изжития этого вреднейшего взгляда туменный ревком приглашал на свои заседания представителей населения. Заседания ревкома устраивались иногда в базарные дни на базарных площадях под открытым небом с участием представителей от кишлаков. Население, вначале мало активное, постепенно втягивалось в советскую работу ревкома и нередко вносило довольно ценные предложения, которые ревком проводил в жизнь.

Кентские ревкомы привлекали население к активному участию в советской работе такими же способами, причем как уполномоченный РВС, так и военные представители выступали на заседаниях лишь в исключительных случаях, где нужна была их помощь как советников в разрешении того или иного вопроса. Все это помогло совершенно изжить царившее ранее недоверчивое отношение местного населения к русским работникам.

Вся политическая работа ревкомов и частей Красной армии среди населения велась по трем основным моментам: широкое разъяснение трудовым массам дек-

ханства задач и сущности советской власти; разоблачение контрреволюционной роли басмачества и привлечение самих жителей к энергичной борьбе с басмачеством. Естественно, что вся эта работа закреплялась экономическими мероприятиями, о которых будет говориться ниже. Для проведения политработы непосредственно в населении практиковались выезды в кишлаки членов туменского ревкома совместно с летучими отрядами.

В работе ревкома в зимний период видное место заняло проведение совещаний аксакалов, минг-башей, влиятельных лиц и мулл, а также проведение курултаев (съездов) в общелокайском масштабе. Мы уже указывали, что в среднеазиатских республиках духовенство до сих пор пользуется колоссальным влиянием среди фанатического населения. Не менее значительную роль играет также личный авторитет. Этот авторитет и влияние надо было использовать для вовлечения населения в борьбу с басмачеством. Насколько нам удалось это, покажет дальнейшее изложение.

Первое совещание ревкома, аксакалов, минг-башей и влиятельных лиц Локая было созвано 15 декабря. Туменный ревком провел к совещанию большую подготовительную работу. Заблаговременно были назначены докладчики, а также выработаны резолюции по докладам. Ревком решил эти резолюции внести лишь тогда, когда от самих участников совещания поступят аналогичные предложения. Это давало возможность участникам совещания свободно высказать свое отношение к советской власти и к басмачам. На повестке дня стояли два доклада:

1. Сущность советской власти и значение земельной и налоговой реформ. Докладчик — председатель туменного ревкома т. Абдул-Газис.

2. Басмачество и борьба с ним населения. Докладчик — туменный казий т. Мулла-Ишан-куль.

На совещании присутствовало 250 человек, из них около 200 влиятельных лиц, не считая аксакалов, минг-башей и членов ревкомов. По докладом выступило до 100

человек, которые единодушно заявили, что советская власть есть единственная справедливая власть. Все выступавшие приветствовали реформы в земельном вопросе и подтвердили правильность проведения советской властью налоговой политики. Каждый из выступавших говорил о необходимости привлечь население к скорейшей ликвидации басмачества оказанием энергичной помощи Красной армии. Участники совещания вносили также предложения о том, чтобы население своевременно давало частям Красной армии сведения о местонахождении шаек и отказывало басмачам в продовольствии и фураже. Совещание предлагало вменить в обязанность аксакалам и минг-башам строго следить за выполнением этого.

Конечно искренности баев, приветствовавших советскую власть и земельную реформу, доверять особенно не приходилось. Тем не менее все их заявления показательны в том смысле, что баи осознали свое полное бессилие.

Предложения по вопросам борьбы с басмачеством совпали с резолюцией, выработанной туменным ревкомом, и были приняты. Совещание обратилось также к джигитам и курбашам с письмом-призывом к сдаче оружия, причем в письме заявлялось, что всякий сдавший оружие будет помилован и все мероприятия, проводимые советской властью среди трудового населения, будут одинаково касаться и сдавших басмачей.

Ибрагим-бек, своевременно извещенный своей агентурой о созыве совещания, 15 декабря срочно перебросил в Локай шайку Ассадулы с левобережья Вахш. По приказу Ибрагима Ассадула по прибытии в Локай должен был немедленно сосредоточить шайки Рахман-Датхо, Алим-буры и Курбан-токсобы и принять все меры к срыву совещания. Так как на переправах реки Вахш находились наши части, переправа Ассадулы затянулась до вечера 15 декабря. Шайки сумели сосредоточиться лишь к вечеру 16 декабря. Наша агентурная разведка настолько еще плохо работала, что мы о переправе Ассадулы узнали только утром 16 декабря.

Курултай кончился поздно вечером 15 декабря. По его окончании туменный казий Мулла-Ишан-куль отправился в кишлак Горау, что в трех километрах западнее г. Яван, к отцу своей невесты. Басмаческий агент выследил казия и донес Ассадуле. Ассадула произвел налет на кишлак Горау и захватил казия.

Жители кишлака Горау подняли тревогу. Старики забрали с собой всех детей мужского пола и отправились к курбаше Ассадуле. В свою очередь население сообщило о налете в туменный ревком, который тотчас же передал эти сведения командованию боевым участком. К жителям кишлака Горау присоединилось население Исанходжинского кишлака Курлюксай и таджики кишлаков Яванского района. Все они хлынули к Ассадуле с решительным требованием освободить казия. Командование боевым участком от посылки отряда отказалось, так как это наверняка погубило бы не только казия, но и жителей, отправившихся к Ассадуле. Однако на всякий случай оно держало под руками отряд, готовый к выступлению, и ждало результата от требования, предъявленного Ассадуле жителями.

Ассадула посадил казия в амбар и заявил, что в полуденный намаз он будет расстрелян. Жителей Ассадула встретил площадной бранью и пытался силой оружия разогнать их. Однако угрозы не подействовали, и жители решительно заявили, что они не допустят расстрела казия. На их настойчивые требования Ассадула объявил, что он окончательно решит вопрос об освобождении казия по прибытии Рахман-Датхо.

Рахман-Датхо 16 декабря прибыл к Ассадуле со своей шайкой и потребовал расстрела казия. В этом требовании Ассадула усмотрел проявление национальной вражды таджиков к локайцу и приказал т. Мулле-Ишанкулю освободить. Жители в 24 часа 16 декабря представили казия под своей охраной в Яван. Впоследствии выяснилось, что из-за освобождения казия Рахман-Датхо рассорился с Ассадулой и в ту же ночь демонстративно покинул Локай. Уже на рассвете 17 декабря красные части локайского участка изрядно по-

трепали Ассадулу. В тот же день и Рахман-Дахто получил хороший удар от частей Дюшамбинского участка.

Таким образом, запоздавшая попытка Ибрагим-бека сорвать работу совещания закончилась полнейшей неудачей.

Воззвание совещания было отправлено в шайки в ночь с 15 на 16 декабря. Ибрагим-бек в ответ прислал письмо на имя председателя ревкома, в котором объявил всех подписавших воззвание предателями и изменниками веры ислама.

Рядовые джигиты, залуганные террором со стороны курбашей, встретили воззвание молча. Надо также признать, что среди них было еще сильно убеждение в том, что они защищают ислам.

Ибрагим-бек всякий раз свои разбойничьи цели прикрывал религиозными лозунгами. Туменный ревком поставил первоочередной задачей выбить и этот козырь из рук Ибрагим-бека. С этой целью туменный ревком созвал 25 декабря первое совещание до-мулл и мулл всех локайских племен и локайских таджиков. На совещание прибыли все представители за исключением до-муллы исанходжинского племени, который по болезни не мог принять участие в совещании. Руководство совещанием было возложено на туменного казия т. Муллу-Ишан-куля. К совещанию была проведена в достаточной степени подготовительная работа, которая заключалась главным образом в том, чтобы объединить мнения мулл, уже проявивших свое лояльное отношение к советской власти.

На повестке дня совещания стоял один вопрос—подвергается ли магометанская религия гонению со стороны советской власти и является ли басмаческое движение защитником ислама. Все участники совещания прибыли в Яван с Коранами и Шариадом. Совещание было настолько оживленным, что затянулось с 8 часов утра до 6 часов вечера без всякого перерыва даже на обед. Муллы, горячо споря, рылись в Коране и наконец нашли место, в котором говорилось, что если созданная Аллахом власть управляет несправедливо и

этим нарушает Аллаховы законы, то под конец долготерпеливый Аллах изгоняет эту власть и создает другую.

В результате совещание обратилось к населению Локая и к басмачам с воззванием, в котором басмачество объявлялось врагом не только советской власти, но и ислама. Воззвание призывало население оказывать всевозможную помощь Красной армии в борьбе с басмачеством, не давать басмачам продовольствия и фуража и не впускать басмачей в кишлаки. Басмачей совещание призывало к прекращению противной Аллаху борьбы и к сдаче оружия. Помимо воззвания совещание приняло постановление, обязывающее всех мулл вести в кишлаках среди населения агитацию против басмачей.

В ответ на воззвание Ибрагим-бек обвинил локайских мулл в предательстве и откровенно заявил, что он кончит войну только тогда, когда будет восстановлена власть эмира.

Таким образом совещание принесло несомненную пользу, сорвав маску с Ибрагим-бека, прикрывавшегося религиозными лозунгами.

Результаты воззвания не замедлили сказаться на моральном состоянии шаяк; так, через несколько дней после совещания сдались казначей Ибрагим-бека—Алим-хан, один курбаша и 9 карлюкских басмачей. Кроме того племя Карлюк само убило одного из курбашей своего племени.

Ответ Ибрагим-бека был немедленно разъяснен широким массам дехханства.

Ибрагим-бек, встревоженный тем, что даже духовенство откололось от басмаческого движения, пытался исправить создавшееся положение своим личным присутствием в Локае. 28 декабря он приказал курбашам Ассадуле, Иган-берды и Рахман-Датхо сосредоточиться в Локае и присоединился к нему в районе острова Арал-Тугай. Сам он решил переправиться с левобережья Вахш в Локай в ночь с 29 на 30 декабря. Но, так как переправы были закрыты, ему удалось переправиться,

распылив шайку на мелкие группы, лишь в ночь с 1 на 2 января 1924 года. О намерениях Ибрагим-бека командование локайским боевым участком было своевременно извещено. По распоряжению командующего войсками в Локай для усиления участка был брошен 47 кавалерийский полк. Решено было одним отрядом обрушиться на Ибрагим-бека, другим—на Ассадулу и Иган-берды, а третьим отрядом на Рахман-Датхо, с тем, чтобы не дать им сгруппироваться. Ассадула и Иган-берды предполагали сгруппироваться в горах Карши-тау, Рахман-Датхо—в районе Ханака. Он должен был пройти через Баба-таг в Шурианский район и подчинить себе шайку Бабаджана и Ильбаши. По окончании группировки Ассадула и Иган-берды рассчитывали прибыть в район Шуриана и уж оттуда вместе с Рахман-Датхо отправиться в Арал-Тугай для присоединения к Ибрагим-беку. Все шайки трех курбашей закончили группировку лишь с 1 на 2 января 1924 г.

О басмаческой группировке жители тотчас же сообщили нашим частям, и с рассветом 2 января дивизион 65 кавалерийского полка численностью в 60 сабель под командой командира полка т. Никифорова обрушился на Ассадулу и Иган-берды. Под натиском дивизиона они бежали в Гиссарский район, потеряв 25 человек убитыми и 10 тяжело ранеными. С утра 3 января дивизиону удалось настигнуть эти шайки в северо-восточной части гор Бабатаг и нанести им новое поражение, в результате которого противник потерял 32 человека и 22 лошади. После боя шайки Ассадулы и Иган-берды ушли в район Ханака. В тот же день 47 кавалерийский полк под командой комполка т. Гноевых обрушился на Рахман-Датхо и, нанеся ему значительные потери, вынудил его бежать из Локая. Таким образом, Ассадуле, Иган-берды и Рахман-Датхо не удалось не только присоединиться к Ибрагим-беку, но даже соединиться между собой.

Сам Ибрагим-бек уходил всю ночь со 2 на 3 января от преследования первого дивизиона 65 кавалерийского полка под командой комбрига т. Краснова. После всех

этих неудач Ибрагим-бек бежал из Локая в Гиссарский район. Оттуда он приказал всем шайкам Восточной Бухары сгруппироваться в Сурханском районе с тем, чтобы прорваться в Среднюю Бухару, соединиться там с местными шайками и затем двинуться в Западную Бухару для присоединения к главарю западно-бухарского басмачества—Муллы-Кагару.

Приблизительно к десятым числам января Ибрагим-бек сгруппировал до 2 500 сабель. Однако наши красные части Каратагского, Присурханского и Бабатагского участков, произведя свою перегруппировку, настолько сильно потрепали Ибрагим-бека, что он до весны потерял всякую активность и все время уклонялся от боя.

После того как Ибрагим-бек был разбит нашими частями на реке Сурхан-дарья, Диктаторская комиссия созвала в г. Дюшамбе совещание влиятельных лиц и духовенства, на этот раз от всей Восточной Бухары. На совещании был поставлен вопрос о борьбе с басмачеством и обсуждение постановлений локайского духовенства. К концу дюшамбинского совещания было получено аналогичное воззвание локайских мулл воззвание из Западной Бухары, подписанное самым влиятельным духовенством. Это воззвание явилось для духовенства Локая колоссальной моральной поддержкой.

Дюшамбинское совещание присоединилось к решениям локайских мулл и к возванию западно-бухарского духовенства и постановило принять меры к самому широкому распространению этих возваний среди населения Восточной Бухары и басмаческих шаек. Вместе с тем дюшамбинское совещание обратилось с самостоятельным возванием к населению с призывом к борьбе с басмачеством, а к джигитам—с призывом к сдаче. Кроме того совещание решило послать к Ибрагим-беку делегации от жителей всех районов Восточной Бухары с требованием немедленного прекращения борьбы против советской власти и сдачи всего оружия. Для выбора делегаций решено было провести во всех тумаках курултай представителей от населения. Это поста-

новление было выполнено одним Локаем. Остальные тумены Восточной Бухары делегатов не послали и тем самым поддержали фактически Ибрагим-бека.

Локайский туменный ревком созвал курултай на 20/1 1924 г. из расчета 10 человек от каждого кишлака с участием влиятельных лиц, духовенства, аксакалов и минг-башей.

На курултай прибыло 1 528 делегатов. Повестка дня курултая была следующая:

1. Доклад о восточно-бухарском совещании аксакалов, влиятельных лиц и духовенства.
2. Обсуждение воззвания духовенства Западной Бухары.
3. Выборы и посылка делегации к Ибрагим-беку с требованием о сдаче.

Локайский курултай принял с огромным энтузиазмом постановление джамбинского совещания о посылке к Ибрагим-беку делегации.

Особенно горячо делегаты заслушали воззвание духовенства Западной Бухары, объявлявшее басмачество врагом ислама и народа и призывавшее все население Бухары к борьбе с басмачеством.

Курултай избрал делегацию в составе десяти человек. В нее вошли представители всех племен из наиболее влиятельных лиц. Делегация была снабжена письмом от курултая к Ибрагим-беку: «Народ устал, народ разорен басмачеством,—говорится в письме,—и требует немедленно сдать оружие, за что советской властью будут помилованы все джигиты и курбаши». Письмо было подписано всеми участниками курултая и заверено подписью и печатью председателя ревкома. Представитель Красной армии по вполне понятным причинам письма не подписывал. Делегация была снабжена также воззваниями джамбинского совещания и духовенства Западной Бухары, для распространения среди джигитов.

Наше командование отлично понимало, что Ибрагим-бек примет все меры к тому, чтобы затянуть переговоры и тем самым выиграть время, необходимое ему для приведения в порядок басмаческих шаяк, основательно

потрепанных в боях на Сурхане. Поэтому в военном отношении переговоры с Ибрагим-беком были для нас крайне невыгодны. Но запретить переговоры командование не могло, так как этим была бы допущена колоссальная политическая ошибка. Ошибка такая, которую может быть не удалось бы исправить в течение целого ряда лет. Разоренное население, уставшее от гражданской войны, к этому времени уже вполне осознало всю плодотворность советской власти и порвало всякую идеологическую связь с басмачеством. Но родственная и племенная связь с басмачеством была еще чрезвычайно сильна. Вот почему население искало наиболее мирных путей к ликвидации басмачества. Этим же объясняется и горячий отклик жителей Локая на постановление джамбинского совещания о посылке делегации к Ибрагим-беку. Несомненно также, что запрещение переговоров полностью было бы использовано Ибрагим-беком для агитации против советской власти и Красной армии. Это могло бы снова толкнуть жителей по меньшей мере на путь помощи басмачеству. Надо было дать населению возможность убедиться на горьком опыте в том, что оно не мирными средствами победит басмачество, а вооруженной борьбой совместно с Красной армией. По всем этим соображениям переговоры пришлось допустить вопреки имевшейся ранее директиве Революционного военного совета Туркестанского фронта.

Делегация локайского курултая отправилась к Ибрагим-беку 21 января. Все население нетерпеливо ожидало ее возвращения с ответом. Делегация проискала Ибрагим-бека целых пять суток. Он, как затравленный зверь, прятался в горных трущобах, оврагах и разрушенных кишлаках; лишь к вечеру на шестые сутки делегация нашла его в овраге в районе Гиссара и вручила ему письмо.

Прочитав письмо, Ибрагим-бек написал ответ на имя председателя локайского туменного ревкома т. Абдул-Газиса и на имя комиссара участка. В ответе он указал, что готов прекратить войну и сдать оружие, но ему необходимо договориться о полном помиловании его со-

ветской властью. Поэтому он просил временно установить перемирие и выслать для переговоров председателя ревкома и комиссара участка в назначенное ими место и время. Вместе с тем он потребовал, чтобы председатель ревкома и комиссар явились на переговоры без конвоя.

Этим письмом Ибрагим-бек явно хотел спровоцировать председателя ревкома и комиссара участка, надеясь, что они откажутся от переговоров. Обстановка создавалась чрезвычайно щепетильная. Ревкому пришлось все время держать в курсе переговоров жителей Локая, чтобы тем самым не допустить провокационной работы Ибрагим-бека среди населения.

Указанный ответ был получен ревкомом 27 января; к вечеру того же дня комиссар участка доложил ответ командующему войсками и получил санкцию на переговоры. Вечером 27 января 1924 года ревком разослал в кенты извещение о созыве на 12 часов 28 января третьего локайского курултая. Ровно к 12 часам в Яван прибыло 200 делегатов населения. Участники курултая заслушали ответ Ибрагим-бека и решение ревкома о согласии на переговоры. Решение это было встречено с энтузиазмом. Курултай тотчас же назначил нарочных для доставки Ибрагим-беку письма ревкома.

Переговоры нами были назначены на 30—31 января. Место переговоров было определено между кишлаками Нарын и Горау. На время переговоров боевые действия с 30 января прекращались. Нарочные выехали к Ибрагим-беку 28/1, проискали его трое суток и вернулись с ответом лишь 1 февраля.

Ибрагим-бек и на этот раз вел линию срыва переговоров. Он уже требовал, чтобы к нему прислали делегацию по семи человек самых влиятельных лиц от каждого племени, причем некоторых он указал персонально, например заместителя председателя дюшамбинского вилайетного ревкома Ходжи-Рахматулла и других работников вилайетного и восточно-бухарского масштаба. Послать этих работников было конечно нельзя, так как Ибрагим-бек мог их или убить, или взять в качестве заложников.

Локайский ревком экстренно созвал на 4 февраля четвертый курултай с самым широким представительством и с участием наиболее влиятельных жителей, а также и тех лиц, которых Ибрагим-бек предлагал персонально в состав делегации. На курултай прибыл из Дюшамбе представитель Диктаторской комиссии—заведующий отделом юстиции, он же заместитель председателя дюшамбинского вилайетного ревкома Ходжи-Рахматулла и вилайетный казий. Был приглашен также самый главный локайский митрополит и «святой»—Ишан-ходжи-до-мулла-дона-хан, занимавший раньше непримиримую позицию по отношению к советской власти. Он пользовался колоссальным авторитетом среди населения не только Локая, но и всей Восточной Бухары. На курултае присутствовало около десяти сдавшихся басмачей, среди них казначей Ибрагим-бека—Алим-хан. Несмотря на отвратительную погоду, собралось более трех тысяч человек. Босая беднота пришла пешком километров за 80. Заседание многочисленного курултая пришлось назначить под открытым небом в яванском саду; лишь президиум помещался в летней главной мечети.

На курултае были сделаны доклады о борьбе с басмачеством и о ходе переговоров с зачитанием всех писем Ибрагим-бека. Участники курултая с нетерпением ждали веского слова Ишан-ходжи-до-мулла-дона-хана. Ходжи-Рахматулла своим толкованием Корана дипломатично вызывал его на выступление, но фанатичный ибрагимовский казначей не вытерпел и прямо задал ишану вопрос: «Басмачи воюют за шариат или против шариата?» Ишан-ходжи-до-мулла-дона-хан, молча сидевший и не знавший, зачем его пригласили, поднялся, подумал с минуту и заявил: «Так как Аллах изгнал эмира за нарушение Аллаховых законов и дал народу советскую власть, то басмачи, воюющие против советской власти, воюют против шариата. Я первый пойду и скажу об этом прямо в глаза Ибрагим-беку и потребую от него, чтобы он сдал оружие». Заявление Ишан-ходжи-до-мулла-дона-хана произвело огромное впечатление.

ние на фанатичных участников совещания. Курултай немедленно выбрал просимую Ибрагим-беком делегацию в составе 50 человек и послал ее в тот же день. Во главе делегации выехал сам «святой» Ишпан-ходжи-домулла-дона-хан.

Для наблюдения за деятельностью делегации мы ввели в ее состав лиц, действительно преданных советской власти. Ибрагим-бек через свою агентуру был информирован своевременно о времени выезда к нему делегации. Чтобы оттянуть время, он по несколько раз менял стоянки. Делегация лишь 11 февраля с большим трудом нашла Ибрагим-бека в районе кишлака Ингички.

Ибрагим-бек, прочитав письмо курултая, заявил, что он отказывается сдаться и предлагает заключить перемирие сроком на один год, для чего советская власть должна указать ему район, в котором он может пребывать со своими шайками. Сдаться он обещал лишь в том случае, если в течение года между Красной армией и басмачами не произойдет никаких недоразумений. Не договорившись в конечном счете с Ибрагим-беком, делегация получила от него письмо на имя локайского туменного ревкома. Ибрагим-бек писал, что в случае согласия советской власти на указанные выше условия он требует присылки другой делегации для подписания договора.

В ответ на его наглые требования части кавалерии локайского боевого участка в день возвращения делегации с ответом Ибрагим-бека нанесли ему сильный удар. Ибрагим-бек был ранен в руку и потерял убитыми 5 курбашей и 75 джигитов, часть оружия и 25 лошадей. После этого он вплоть до 20 марта всячески избегал столкновения с нашими частями.

По возвращении от Ибрагим-бека делегация выпустила к населению и к джигитам воззвание, в котором указывалось, что Ибрагим-бек отказался сдаться и предъявил бесстыдные требования к советской власти. Воззвание призывало население не давать басмачам продовольствия, фуража, не пускать басмачей в кишлаки,

своевременно извещать части Красной армии о местонахождении басмаческих шаяк, призывать родственников к сдаче и вообще ополчиться всеми средствами против басмачей. В свою очередь локайский туменный ревком повел вокруг ответа Ибрагима огромную разъяснительную работу.

15 февраля был созван пятый локайский курултай, на котором присутствовало свыше пяти тысяч человек. На курултае был сделан доклад о прекращении переговоров с зачитанием и разъяснением условий, предъявленных Ибрагим-беком. Курултай, возмущенный действиями Ибрагим-бека, одобрил решение ревкома о прекращении переговоров и призвал население к беспощадной борьбе с басмачеством и его пособниками. После курултая члены ревкома 16 февраля выехали с летучими отрядами для разъяснения этого вопроса непосредственно в кишлаках.

Результаты переговоров не замедлили отразиться на моральном состоянии басмаческих шаяк и на отношении жителей к басмачеству. В течение месяца сдалось тридцать джигитов и четыре курбаши. Чтобы предотвратить разложение шаяк, Ибрагим-бек, усилил репрессивные меры. За попытку к сдаче он расстрелял курбашу Абдул-Назара.

Население, разуверившееся в мирных способах борьбы с басмачеством, вступило на путь активной помощи Красной армии. Так, двести человек из племени Бадра-оглы, вооружившись, двинулись против шайки Ильбаши, который вынужден был на время бежать из Локая. Жители начали отказывать басмачам в снабжении продовольствием и фуражом.

В ответ на это Ибрагим-бек объявил террор по отношению к советским работникам и населению (убийство заместителя председателя Даганакиикского ревкома т. Кара-Муллы, аксакалов кишлаков Пакрабат и Тюбек, тяжелое ранение аксакала Султанрабата, обрезание ушей некоторым жителям). Все это привело к тому, что Ибрагим-бек окончательно потерял в глазах населения всякий политический авторитет.

По басмаческому движению сильно ударила и наша энергичная работа по выявлению пособников. Революционный военный совет Туркестанского фронта еще в декабре 1923 года издал инструкцию о борьбе с пособниками. В развитие этой инструкции высшие органы советской власти Бухарской республики, совместно с Революционным военным советом XIII корпуса, издали инструкцию, в которой были приняты во внимание бухарские особенности. Согласно инструкции активными пособниками считались лишь те лица, которые: 1) непосредственно снабжают басмачей оружием и патронами или покупают таковое для них через посредников; 2) добровольно снабжают банды фуражом и продовольствием; 3) занимаются шпионажем в пользу басмачества; 4) по собственному почину, без принуждения со стороны басмачей, распределяют налоговое обложение среди населения и собирают налог в пользу басмачества; 5) добровольно укрывают как одиночных басмачей, так и целые шайки за исключением тех случаев, когда родственники укрывают ближайших членов семьи; 6) сообщают соответствующим органам советской власти и частям Красной армии заведомо ложные сведения; 7) злонамеренно разрушают средства технической связи (телефонные и телеграфные линии и пр.). Взятие заложников как меру борьбы с басмачеством эта инструкция запрещала; изъятие из этого правила допускалось лишь в особо исключительных случаях с санкции Революционного военного совета фронта. Инструкция внесла полную ясность в работу органов Особого отдела по борьбе с басмачеством.

К концу февраля удалось выявить и изъять значительную часть пособников. Суды над пособниками производились в показательном порядке, для чего в самом Локае была создана выездная сессия Бухарского революционного совета в составе: председателя ревкома т. Абдул-Газиса и членов—члена ревкома т. Карши-аксакала и уполномоченного Революционного военного трибунала Восточной Бухары. Впоследствии вместо т. Карши-аксакала членом сессии был назначен туменный ка-

зий т. Мулла-Ишан-куль. Сессия судила также и захваченных в плен басмачей.

Показательные суды сыграли большую роль в деле пропаганды идей советского суда и явились отличным агитационным средством в борьбе с басмачеством. Выездная сессия проводила также конфискацию имущества курбашей и злостных рядовых басмачей, грабивших население. Конфискованное продовольствие шло на довольствие частей Красной армии, и тем самым с населения снималось значительное бремя. Конфискованные лошади передавались на укомплектование кавалерийских частей, а негодные в строй лошади передавались жителям, наиболее пострадавшим от басмачества. Остальное имущество шло в доход государства. Кроме того была проведена конфискация хлеба баев, бежавших в Афганистан. Весь этот хлеб пошел на оказание помощи бедноте в посевную кампанию.

Труднейшая работа по выявлению пособников не прекращалась на протяжении всего хода борьбы с басмачеством.

ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА В ЛОКАЕ. ПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ.

Мы уже указывали, что до революции в Бухаре большая часть земли принадлежала эмиру. Остальной землей владело главным образом духовенство и затем беки. Крупнейшими арендаторами эмировской и бековской земли были баи, причем арендное право являлось как бы наследственным. В самом Локае в дореволюционное время не существовало строгого закрепления земельных участков за жителями. Каждое локайское племя считало своей собственностью ту землю, на которой оно было расположено. Скот же мог пастись по всему Локаю.

Беднота, не имевшая средств для самостоятельной обработки земли, находилась в сильнейшей экономической зависимости от байства. Она получала от баев ссуду на кабальных условиях и поэтому за-

севала лишь небольшие участки. Большая и лучшая часть пахотной земли фактически находилась в руках баев.

Однако отсутствие строгого закрепления земельных участков позволило нам сравнительно легко разрешить земельный вопрос в Локае. Проведение земельной реформы облегчалось еще тем обстоятельством, что Локай не ощущал недостатка в земельной площади. Технически реформа была проведена в жизнь чрезвычайно примитивно. Ревкомы взяли на учет все безземельное и бедняцкое население и оказали ему, помощь безвозвратной семенной ссудой с обязательством произвести посев. Под безземельным населением мы имеем в виду тех жителей, которые в дореволюционное время за отсутствием средств не имели фактической возможности засеять и обрабатывать землю.

Конец января, февраль и первая половина марта (самое дождливое время) являются в Средней Азии периодом посева главным образом пшеницы, ячменя, а первая половина марта—зегира (льна). К этому времени и надо было обеспечить локайскую бедноту семенным материалом.

В январе 1924 года туменный ревком возбудил ходатайство перед Диктаторской комиссией об отпуске безвозвратной семенной ссуды. Для учета безземельных и нуждающихся в ссуде при ревкомах были созданы посевные комиссии. В состав туменной посевной комиссии входили: председатель—председатель туменного ревкома т. Абдул-Газис и члены—туменный амлякдар, уполномоченный РВС и представители бедноты по одному от каждого племени. Состав кентской комиссии: председатель—председатель кентского ревкома и члены—военный представитель, амлякдар каждого племени, входившего в кент, и по 3 представителя бедноты от каждого племени.

Между членами комиссии функции распределялись следующим образом: амлякдары совместно с представителями бедноты обязаны были выявить по кишлакам нуждающихся в семенном материале и безземель-

ных, составить на них списки и представить их в комиссию. После проверки правильности сведений председателем комиссии совместно с военным представителем, списки принимались на заседании комиссии и посылались на окончательное утверждение в туменную комиссию. Туменная комиссия еще раз проверяла правильность списков, утверждала их и представляла на санкцию туменного ревкома для производства выдачи ссуды.

Подобное распределение функций и громоздкость контроля могут показаться излишне бюрократическими. Однако избежать этого было совершенно невозможно, так как беднота не освободилась еще от влияния баев. Представитель бедноты в комиссии все еще чувствовал себя на положении подчиненного. Амлякдары злоупотребляли своим влиянием и составляли списки далеко не точно. Так, при проверке оказалось, что в списки попал значительный процент баев. Даже некоторые кентские посевные комиссии утвердили списки с наличием в них байского элемента.

Поэтому туменная комиссия предложила кентам вторично представить сведения на бедноту и безземельных. Новые списки после тщательного контроля были туменной комиссией к 15 февраля утверждены.

К этому времени Диктаторская комиссия разрешила выдать в качестве безвозвратной семенной ссуды 160 тонн зерна из продовольственного налога и конфискованного басмаческого хлеба, имевшегося в Локае. Диктаторская комиссия вынесла также постановление о проведении посевной кампании и в остальных районах Восточной Бухары, для чего был выделен специальный фонд, образованный из полученного продовольственного налога.

Попутно с проведением технической подготовительной работы туменный ревком развернул широкую агитационную кампанию вокруг предоставления безвозвратной семенной ссуды как заботливости советской власти об удовлетворении нужд трудового декханства. Обеспечение бедноты безвозвратной ссудой должно было сильно ударить по баям, лишив их возможности ссужать

бедняков на кабальных условиях. Естественно, что Ибрагим-бек и баи повели бешеную контрагитацию, стараясь убедить население в том, что советская власть выдачей ссуды обманывает бедноту, с тем чтобы после урожая отобрать у ней весь хлеб. Беднота поддавалась ложной басмаческой агитации и нашептываниям баев и отказалась от получения ссуды.

В силу сложившихся обстоятельств ревком вынужден был применить чисто административный нажим: он распределил всю семенную ссуду в обязательном порядке. Решительность такой меры оправдалась всем ходом последующих событий, вопреки опасениям некоторых работников. Административное давление не распространялось лишь на племена Карлюк и Кунграт, занимавшиеся исключительно скотоводством, но некоторые передовые жители-карлюковцы добровольно явились за получением ссуды и произвели посев, заложив таким образом начало земледелия в своем племени.

Конечно отпущенные средства не позволяли полностью обеспечить всю бедноту. Тем не менее семенной ссудой было удовлетворено около 2000 наиболее нуждающихся семейств. Размер ссуды в каждом отдельном случае определялся с таким расчетом, чтобы при урожае в сам-десять каждое семейство могло иметь около 16 килограмм хлеба в месяц на члена семьи. (Урожай 1924 года оказался чрезвычайно благоприятным и дал примерно около сам-двадцать.)

Помимо пшеницы и ячменя среди бедноты были распределены семена льна и кроме того в качестве возвратной беспроцентной ссуды—семена хлопка.

Надо отметить, что посев был сильно затруднен отсутствием рабочего скота у значительной части бедноты. Имевшие по одному быку договаривались друг с другом и сводили быков на пару; некоторые пахали на коровах, иные брали быков у баев за отработку; многие безземельные сами впрягались в омач (соха).

Так или иначе, но все получившие семенную безвозвратную ссуду посев произвели. Не было ни одного случая израсходования ссуды не по прямому назначению.

Кроме выдачи ссуды бедноте и безземельным посевные комиссии провели среди остального населения большую работу по расширению посевной площади, благодаря чему эта площадь в 1924 году по сравнению с 1923 годом увеличилась на 100%.

Успешное проведение кампании имело огромное значение. Трудовое декханство твердо убедилось в своем праве пользоваться землей без всякой арендной платы. Безземельная батрацкая масса, работавшая раньше на баев и зависимая от них, начала создавать самостоятельное хозяйство и таким образом перестала служить элементом, пополнявшим шайки.

Отмечая успехи посевной кампании, следует сказать, что серьезные опасения вызывала необеспеченность населения продовольствием до нового урожая. Посевная площадь в Локае в 1923 году была незначительна. Басмаческие шайки, довольствуясь исключительно за счет населения, обычно обирали жителей самым беспощадным образом. По этой причине население теряло всякую охоту приобретать хлеб на стороне. Довольствие частей Красной армии производилось хотя и за наличный расчет, но также из местных продовольственных ресурсов. Хлебные излишки, имевшиеся у зажиточной части населения, усиленно выкачивались скупщиками хлеба из голодающих районов левобережья Вахш. Административная борьба с этим явлением была бы политически ошибочной, потому что некоторые районы левобережья, как например Курган-Тибинский, поголовно голодали.

Чтобы выяснить обеспеченность населения продовольствием и своевременно принять меры к предотвращению голода, туменный ревком выехал в конце февраля и в первой половине марта в кишлаки. Многие жители обращались к членам ревкома и представителям Красной армии с просьбой поставить в их кишлаки гарнизоны для спасения хлеба от басмачей. Некоторые просили разрешения переехать в кишлаки, в которых находятся гарнизоны. Из объезда кишлаков выяснилось, что в середине мая Локаю грозит поголовный голод. Не-

обходимо было принять срочные меры к оказанию помощи голодающим и предотвращению массового голода.

К весенней кампании 1924 года борьба с голодом в Локае стояла одной из важнейших задач ревкома, о выполнении которой мы будем говорить ниже.

ОБСТАНОВКА К ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ 1924 г.

Под летним периодом следует понимать весну, лето и осень. Прежде чем дать освещение обстановки, сложившейся к весне, мы отметим один крупнейший фактор, сыгравший в дальнейшем большую роль в деле ликвидации басмачества.

Мы имеем здесь в виду создание в областных центрах и вилайетах бывших Туркестанской, Хорезмской и Бухарской республик постоянных совещаний по борьбе с басмачеством.

Состав «Постоянного совещания» Бухарской народной советской республики был следующий: председатель—председатель Совета народных назиров, члены—командир XIII корпуса, член РВС XIII корпуса, ответственный секретарь ЦК БКП, полномочный представитель СССР, начальник государственной охраны БНСР, заместитель военного назира—командующий бухарской Красной армией, начальник Особого отдела, военный прокурор и председатель военного трибунала XIII корпуса. «Постоянному совещанию» БНСР было предоставлено право организации совещаний по борьбе с басмачеством в тех пунктах, где это было необходимо, причем в состав этих совещаний обязательно должны были входить: старший войсковой начальник района в качестве председателя и затем старший военный комиссар, руководители партийной и советской работой района и представители карательных органов.

Совещания по борьбе с басмачеством были организованы во всех вилайетах (областях) Восточной Бухары и в Локае, который хотя и являлся туменом, но находился на особом положении как центр басмаческого движения.

В состав созданного в мае 1924 года совещания по борьбе с басмачеством в Локае входили: председатель—начальник боевого участка и члены—комиссар боевого участка, уполномоченный Особого отдела по борьбе с басмачеством, председатель локайского туменного ревкома и председатель выездной сессии бухарского революционного трибунала во время ее пребывания в Локае. Задачи совещаний определялись следующим образом: 1) обеспечение полной осведомленности всех органов, борющихся с басмачеством, путей налаживания взаимной информации; 2) достижение полной согласованности в их действиях; 3) оказание взаимной поддержки органов друг другу; 4) проведение в жизнь директив Реввоенсовета Туркестанского фронта по борьбе с басмачеством.

«Совещания по борьбе с басмачеством» не имели права вмешиваться в оперативную работу командования. Они должны были обеспечивать рядом экономических и политических мероприятий операции, проводимые командованием. Работа совещаний слагалась: 1) из информационных докладов каждого члена совещания по работе его отрасли, 2) из оценки работы каждого органа, 3) из направления дел и постановлений совещания в органы, ведущие борьбу с басмачеством, и 4) из постановлений по проведению в жизнь директив Реввоенсовета фронта. Проведение в жизнь постановлений совещаний возлагалось на органы, ведущие борьбу с басмачеством.

Благодаря созданию в Локае «Совещания» ликвидация басмачества пошла более успешно, так как была достигнута полнейшая увязка в работе всех органов, втянутых в борьбу с басмачеством. Со всеми шероховатостями, несогласованностью и имевшими ранее место, правда незначительными, трениями было покончено навсегда.

Познакомив читателя с основными моментами положения о работе «Совещания», перейдем к освещению обстановки, сложившейся в Локае к весне.

Басмачество из движения, имевшего политические

корни, выродилось в откровенный бандитизм. В шайках усилился процесс разложения, о чем свидетельствовало наличие фактов сдачи рядовых басмачей, а также отдельных мелких курбашей. В целях оживления басмаческого движения эмир направлял своих резидентов в пределы как Западной, так и Восточной Бухары и пополнял курбашеский состав эмигрантами-чиновниками.

Одним из сильнейших средств, разлагавших шайки, являлось хозяйственное устройство сдавшихся басмачей. Надо сказать, что часть из них совсем не имела хлеба. Особенно остро нуждались сдавшиеся басмачи скотоводческого племени Карлюк. В связи с этим ревком исходатайствовал у Диктаторской комиссии разрешение на бронирование из имевшегося в Локае продовольственного налога около 300 центнеров пшеницы и 12 000 центнеров ячменя. Из этого фонда ревком отпускал сдавшимся нуждающимся басмачам семянную ссуду, а также и хлеб до нового урожая. Насколько это мероприятие оправдало себя, говорит тот факт, что за весь 1924 год из сдавшихся локайских басмачей обратно в шайки ушли только два человека. Совсем иную картину мы видим на левобережье Вахш. Там за зимний период 1923/24 года басмачество было почти ликвидировано: часть шаек ушла в Афганистан, а большинство басмачей сдалось. Но вследствие того, что сдавшиеся не были хозяйственно устроены, подавляющее большинство из них служило Ибрагим-беку в 1924 и 1925 гг. резервом для пополнения.

Плодотворная работа туменного локайского ревкома по хозяйственному устройству сдавшихся басмачей продолжалась до окончательной ликвидации басмачества в Локае.

В настроении самого населения в результате огромной политической работы был достигнут решительный перелом в сторону советской власти; в Локай начали возвращаться жители, ушедшие ранее в Афганистан. Между населением и Красной армией установились правильные взаимоотношения, и началась стабилизация частей локайского боевого участка.

Басмаческое движение чрезвычайно сильно разорило Локай. Были разрушены целые районы кишлаков, особенно сильно пострадали районы Кокташ и Арал-тугай. Жители разоренных кишлаков вынуждены были жить в других населенных пунктах, что создавало большую скученность населения. Кроме того пропадали плодородные и хорошо орошаемые земли.

Средств для восстановления разрушенных кишлаков не имелось, поэтому весной 1924 г. локайский ревком возбудил перед Всебухарским центральным исполнительным комитетом ходатайство об отпуске через сельскохозяйственный банк долгосрочной ссуды в размере пятидесяти тысяч рублей. Однако нужда Бухары в целом была настолько велика, что Сельскохозяйственный банк смог отпустить для Локая в качестве беспроцентной ссуды только пятнадцать тысяч, с рассрочкой для бедноты на 5 лет и для остальных до 2 лет. Наиболее нуждающиеся жители получили ссуду в июле месяце и приступили к восстановлению своего хозяйства и разрушенных кишлаков.

В укреплении авторитета советской власти немало важную роль сыграла наша политика государственной торговли. До революции торговля в Локае происходила на базарах. Главный базар находился в г. Яване. По мере того как население в своей массе отходило от басмаческого движения, все сильнее чувствовалась нужда в базарах, к организации которых ревком сумел в силу обстановки приступить лишь к весне 1924 года.

На первое время базары были созданы только в двух пунктах: в г. Яван и в кишлаке Дагана-киик. Базарным днем в Яване был оставлен вторник, а в Дагана-киик, как в новом базаре, был установлен четверг.

Население испытывало наиболее острую нужду в предметах первой необходимости: чае, сахаре, посуде, серпах, кунганах, котлах, калошах и мануфактуре. Контрабандисты, пользуясь слабым прикрытием афганской границы, ввозили некоторые из указанных предметов и спекулировали ими. Мануфактура и посуда, привозимые торговцами из Дюшамбе и зачастую закупаемые в бу-

харском Госторге, продавались также по невероятно высокой цене. Население, не имея денег, вынуждено было платить за товары хлебом, что приводило к росту числа голодных и к бессовестному обогащению торгашей. Поэтому локайский туменный ревком еще в конце 1923 года поднял перед Диктаторской комиссией вопрос об организации в Локае отделения Госторга. Но так как зимой транспортирование товаров в Восточную Бухару из-за плохого состояния путей сообщения чрезвычайно затруднительно, то организовать отделение до весны не представлялось возможным. С наступлением весны бухарский Госторг усилил завоз товаров в восточно-бухарское отделение, и в конце марта 1924 года удалось наконец организовать в г. Яване локайское отделение бухарского Госторга. На должность заведующего отделением был назначен старший минг-баша Яванского района т. Пирминг-баша, оказавшийся инициативным и толковым работником.

В отделение были завезены самые необходимые товары: чай, чайники, домашняя посуда, серпы, сошники, калюши и мануфактура восточных сортов окраски. Цены на все товары были вполне доступными, причем ревком отдал распоряжение о том, чтобы отделение не отпускало товаров частным торговцам во избежание спекуляции.

Первая партия товаров была распродана в первый же базарный день. Население, не имея денег, платило хлебом и другими продуктами сельского хозяйства, причем бедноте было предоставлено право вносить плату после сбора урожая. Нужно отметить, что вся беднота, получившая товары в кредит, после урожая немедленно погасила свою задолженность без всякого напоминания о том со стороны Госторга. В г. Яване на базарной площади были открыты несколько магазинов и две чай-хане (чайная-столовая). Госторг играл также главную роль и на базаре в Дагана-киик. Его успешная деятельность сильно подрывала частную торговлю и укрепляла авторитет советской власти среди трудового дехканства.

Несмотря на достигнутые политические и хозяйствен-

ные успехи в жизни Локая, работа ревкома была по-прежнему заострена на вопросах борьбы с басмачеством. Вся политическая работа среди населения велась теми же способами, что и в зимний период (массовые курултай, митинги на базарах и в кишлаках и т. д.). Использование авторитета влиятельных лиц и духовенства также оставалось испытанным и верным методом. Детально политическая работа будет освещаться во всех разделах последующего изложения.

БОРЬБА С ГОЛОДОМ.

При освещении работы ревкома по выяснению продовольственных ресурсов Локая мы уже указывали, что к марту месяцу значительная часть населения голодала. Необходимы были решительные меры для спасения имевшегося продовольствия от уничтожения его басмачами, иначе Локаю грозил поголовный голод.

При ревкоммах были созданы комиссии помощи голодающим в составе наиболее влиятельных лиц и кроме того представителей самих голодающих. Комиссиям была поставлена задача предоставить в ревкомы к 20 марта списки голодающих, а также тех жителей, которым не хватало хлеба до нового урожая. Наличие басмаческих шаяк сильно тормозило работу, проводимую комиссиями непосредственно в кишлаках, тем не менее списки были представлены своевременно. По данным комиссий число голодающих семейств дошло к 20 марта до трех тысяч. На основании этого туменный ревком срочно возбудил ходатайство об отпуске для оказания помощи голодающим около 150 тонн хлеба из имевшихся в Локае остатков собранного в 1923 году продовольственного налога и из заготовок хлеба, произведенных Госторгом.

Диктаторская комиссия смогла отпустить локайскому ревкому только 120 тонн хлеба ввиду того, что все хлебные запасы, образовавшиеся из заготовок Госторга, предназначались для оказания помощи голодающим района левобережья Вахш. Следовательно надо было

мобилизовать общественное мнение Локая и во что бы то ни стало добиться получения от населения около 30 тонн путем добровольных пожертвований.

Задача эта была чрезвычайно трудна, так как даже имущая часть населения за исключением небольшой кучки баев была обеспечена хлебом лишь до нового урожая. Ревкомы, комиссии помощи голодающим, партийные организации и политаппарат частей Красной армии энергично повели агитацию среди населения и личного состава частей боевого участка. Результаты агитации превзошли все наши ожидания. За все время кампании по борьбе с голодом население и части Красной армии пожертвовали около 35 тонн хлеба, что дало нам возможность удовлетворить всех голодающих жителей. Однако кампания по борьбе с голодом была далеко еще не закончена. Необходимо было прежде всего предупредить возможность возникновения нового голода и спасти хлеб от басмачей, снабжавшихся исключительно за счет жителей. Здесь туменному ревкому помогло следующее обстоятельство. До революции локайские жители (кроме таджиков) ежегодно после посева переезжали с гор со скотом в долины на апрель и половину мая. Эти переезды предпринимались с целью использования подножного корма.

Туменный ревком решил использовать этот обычай для спасения хлеба от басмачей. Он наметил переезд жителей со скотом и хлебом в следующие долинные пункты, обеспеченные своевременно гарнизонами: город Яван и кишлаки: Нарын, Султан-рабат, Ляур, Тюбек, Аул-киик и Шуриан-Баш. К этому времени гарнизоны имелись в г. Яван, Султан-рабате и Дагана-киик. Для постановки гарнизонов в пункты, намеченные для переезда жителей, командование локайским боевым участком выделило в Нарын художонницу 65 кавалерийского полка, в Ляур—художонницу 10 кавалерийского полка; в Аул-киик был переведен гарнизон из кишлака Дагана-киик.

Вопрос о переезде жителей в гарнизоны был предварительно проработан на совещании влиятельных лиц,

которые поддерживали решение ревкома. Затем повелась успешная работа уже среди всех остальных жителей, в том числе и таджиков, в свою очередь также одобрявших это мероприятие. Диктаторская комиссия утвердила решение ревкома, но фактически переезд населения произошел до утверждения. Случилось это потому, что басмачи начали терроризировать жителей племени Карлюк.

Приказ о переезде населения был отдан 19 марта. Зная, что Ибрагим-бек примет все меры к срыву мероприятий ревкома, командование локайским боевым участком своевременно перебросило отряды в районы расположения гарнизонов. Ниже мы расскажем о всех попытках Ибрагим-бека помешать переезду жителей.

Население переезжало следующим образом: 1) племя Карлюк и таджики Яванского района—в яванский гарнизон; 2) кишлаки районов Кайнар, Нарын и Бишбулак—в Нарынский гарнизон; 3) племя Исан-ходжа—в Султан-рабатский гарнизон; 4) жители западного склона гор Ранган-тау и гор Карши-тау в Ляурский гарнизон и кишлак Тюбек, расположенный в одной версте от Ляура, и наконец 5) жители Шурианского кента—в гарнизон Шуриан-баш.

Для того чтобы сбор жителей в гарнизонах не отразился на довольствии частей, оперировавших против басмаческих шаек, во все гарнизоны был подвезен в достаточном количестве зерно-фураж из Даганакиикского ссыпного пункта. Довольствие лошадей облегчалось изобилием подножного корма.

Некоторые военные работники Восточной Бухары отнеслись к мероприятиям ревкома, связанным с переездом жителей, резко отрицательно. Они считали, что сбор населения в гарнизоны положительных результатов не даст и лишь осложнит ход ликвидации басмачества. Отдельные товарищи опасались даже, что этот сбор вызовет восстание. Все эти опасения не имели под собой никакой почвы и объясняются необоснованным паническим представлением о Локае работников, мало знакомых с его подлинной жизнью.

Двухмесячное пребывание жителей в гарнизонах дало отличные результаты. Прежде всего была выполнена основная задача спасения от басмачей хлеба, имевшегося у населения. Снабжение басмаческих шаек было в сильнейшей степени подорвано. Кроме того туменный ревком сумел сэкономить средства для оказания хозяйственной помощи сдающим басмачам. Не плохие результаты дала также и политическая обработка населения. К моменту возвращения жителей в кишлаки мы сумели создать два крепких и вполне надежных отряда добровольной милиции общей численностью в 55 человек.

В дальнейшем энергичная помощь населения нашим частям путем своевременного извещения о местонахождении шаек обычно заставляла Ибрагим-бека избегать населенных пунктов. Пополнение басмаческих шаек конским составом прекратилось, и Ибрагим-бек должен был созвать собственные базы для поправки худоконицы.

С конца 1924 года он вынужден был действовать вне пределов Локая. Неоднократные попытки Ибрагима произвести мобилизацию среди локайских жителей терпели полнейшую неудачу. Пополнение басмаческих шаек происходило теперь исключительно за счет эмиграции и населения левобережья Вахш, где для вербовки был выделен курбаша Иль-баши.

Подводя итоги, мы можем смело сказать, что пребывание населения в гарнизонах закрепило политические успехи, достигнутые нами в зимнюю кампанию 1923/24 года. Для иллюстрации работы ревкомов считаем не безынтересным рассказать о проведении первомайского праздника в Локае в 1924 году.

План первомайского празднования строго отвечал силам и средствам ревкомов и воинских частей локайского боевого участка. Для проведения празднования при туменном и кентских ревкомах были созданы первомайские комиссии с участием представителей от населения и Красной армии.

Первомайский праздник был проведен под следующи-

ми лозунгами: «В международный день пролетарской солидарности трудящиеся Востока производят подсчет своих сил со всем пролетариатом мира», «1 Мая—праздник угнетенных мира», «1 Мая каждый дехханин должен еще раз заявить, что он все свои силы отдаст борьбе с басмачеством».

Для более удобного проведения митингов Локай был разбит на пять районов. В Яванский район входили гарнизоны г. Явана и кишлака Нарын и население: таджики Яванского района, жители районов кишлаков—Кайнар, Нарын и Бишбулак и племя Карлюк; в Султанрабатский район—гарнизон кишлака Султан-рабат и жители гор Ранган-тау; в Аулкинский район гарнизон кишлака Аул-киик, жители племени Бадра-оглы и таджики района гор Гази-малек; в Шурианбашский район—гарнизон кишлака Шуриан-баш, таджики Шурианского района и гор Карши-тау, племени Дурмен и Кунграт, и наконец в Ляурский район входили гарнизон кишлака Ляур, жители западного склона гор Ранган-тау и северной части гор Карши-тау и жители кишлаков Ляурской долины.

Туменная комиссия через ревком и партийные красноармейские организации выделила докладчиков, снабженных тезисами. С докладчиками из местных работников, в большинстве неграмотных, в течение недели была проведена работа по подготовке их к докладам, благодаря чему они справились со своей задачей вполне удовлетворительно.

В первомайском праздновании приняло участие все население Локая за исключением конечно женщин. Кроме митингов состоялись туземные конноспортивные состязания. Вечером силами красноармейцев были поставлены революционные спектакли, которые пользовались большим успехом среди населения. Каждое действие сопровождалось объяснениями на узбекском языке.

1 мая 1924 года трудящиеся массы Локая впервые приняли участие в праздновании дня международной солидарности.

НОВОЕ В СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЛЕТОМ 1924 г.

Создавшийся в населении коренной перелом в пользу советской власти, рост политической активности населения и успехи в деле ликвидации басмачества—все это дало возможность перейти к созданию постоянных органов советской власти—советов—и упразднению ревкомов не только в Локае, но и во всей Восточной Бухаре.

Диктаторская комиссия по делам Восточной Бухары в июле месяце была ликвидирована, и вместо нее временно был создан в порядке назначения Центральный исполнительный комитет Восточной Бухары. На него были возложены следующие основные задачи: руководство местной текущей работой, подготовка выборной кампании, проведение самих выборов по всей Восточной Бухаре и созыв Восточнобухарского съезда советов для избрания постоянного высшего органа советской власти в Восточной Бухаре—Восточнобухарского центрального исполнительного комитета, впредь до разрешения вопроса о национальном размежевании. Вилайетные, туменные и кентские ревкомы до выборов советов сохранились.

В первой половине августа Восточнобухарский ЦИК разослал на места директивы и инструкции о выборах в советы. Локайский туменный ревком на заседании 7 августа выработал план выборной кампании и создал туменную и кентские избирательные комиссии. Туменная комиссия строго следила за правильным ходом выборов в кентах и утверждала их.

Вместо сельских или, вернее, кишпачных советов создавались непосредственно кентские исполнительные комитеты. Для технического проведения выборов делегатов на кентский (волостной) съезд каждый кент был разбит на несколько избирательных участков, число которых зависело от величины кента.

Для производства выборов назначались по очереди участковые избирательные собрания. Избирательная комиссия собирала возможно точные сведения о числен-

ности взрослого населения каждого кишлака, входящего в данный участок, и при надлежащем кворуме присутствующих приступала к выборам. Выборы делегатов на кентский съезд производились после отчетов кентских ревкомов о своей работе.

Надо отметить, что явка на избирательные собрания превзошла все наши ожидания. Она достигала в среднем девяноста процентов. Избиратели проявили огромную активность и особенно интересовались вопросами сущности и строения советской власти. Задавались например такие вопросы: Почему власть не назначается, а выбирается самими жителями? Почему ревком и будущий исполком обязаны отчитываться перед своими избирателями? По всем этим вопросам была проведена разъяснительная работа, имевшая большое агитационное значение.

Попутно с этой работой с 10 по 15 августа по всему Локаю происходили выборы делегатов (1 делегат на 100 жителей) на кентские съезды, которые открылись 15 августа. На повестке дня кентских съездов стояли следующие вопросы: 1) отчет о работе туменного ревкома; 2) отчет о работе кентского ревкома; 3) доклад представителей командования боевым участком об итогах борьбы с басмачеством; 4) выборы кентского исполнительного комитета и делегатов на туменный съезд советов. Несмотря на то, что съезды происходили впервые, делегаты горячо обсуждали доклады и вносили вполне конкретные предложения.

Кентские исполкомы были созданы из 7 человек с президиумом в составе: председателя, его заместителя и секретаря. В исполком входил представитель Красной армии, так называемый военпред, который являлся вторым заместителем председателя. Введение членов в исполком было основано на строгом учете племенных и родовых особенностей каждого кента.

Создав кентские исполкомы, удалось покончить с институтом минг-башей. Был сохранен лишь институт аксакалов, которые выполняли роль кишпачных

исполнителей, причем их деятельностью руководили члены исполкома, каждый в своем районе.

В 20-х числах августа в г. Янове состоялся 1-й локайский туменный съезд советов (норма представительства—1 делегат от 200 жителей). В повестке дня первого локайского курултая советов стояли: 1) отчет о деятельности туменного ревкома; 2) доклад командования локайским боевым участком об итогах борьбы с басмачеством; 3) доклад туменного казия о судебной работе; 4) доклад об экономических и политических мероприятиях бухарского правительства; 5) доклад о сборе налога в 1924 году и 6) выборы туменного исполкома и делегатов на Восточнобухарский съезд советов.

Несмотря на неудачное разрешение налогового вопроса, о чем будет говориться в следующей главе, в выступлениях делегатов не было ни одной жалобы, все говорилось с трезвым взвешиванием трудностей обстановки.

Съезд признал работу ревкома вполне удовлетворительной и приветствовал все мероприятия бухарского советского правительства, направленные к восстановлению Бухары. По докладу командования боевым участком были констатированы большие достижения в борьбе с басмачеством. Вместе с тем съезд признал, что в этой области ревкому следует принять все меры к усилению активности населения. По докладу казия было вынесено предложение о большем вовлечении декханских масс в работу земельных комиссий.

Согласно указаниям Бухарского ЦИК'а в туменный исполнительный комитет было выбрано 9 человек: от племени Бадра-оглы—т. Абдул-газис и Мулла-Ишан-куль; от племени Исан-ходжа—Юзбай и Маматкул минг-баши; от племени Карлюк—Карши-аксакал; от таджиков—Пирминг-баши и Мулла-Зариф; от племени Кунграт и Дурмен—один представитель (фамилию его не помню) и представитель от Красной армии. Таким образом в туменном исполнительном комитете были представлены все племена. Показательно, что при выборах в члены исполкома совершенно отсутствовало всякое националь-

ное и племенное пристрастие. Как мы видим, в исполком в большинстве выбраны члены туменного и кентских ревкомов, что говорит за их высокий авторитет среди населения. Курултай закончился выбором делегатов на Восточнобухарский съезд, куда также попали представители всех племен.

Выборы в советы, происходившие как в Локае, так и во всей Восточной Бухаре, имели ту отличительную особенность, что в них не применялось лишение избирательных прав. Это объясняется тем, что в то время в Локае классовое расслоение проявлялось в зачаточной форме; кроме того не следует забывать об огромном влиянии зажиточной части населения на бедноту, и о сохранившейся до сих пор большой роли личного авторитета.

УБОРКА ХЛЕБА И НАЛОГОВАЯ КАМПАНИЯ.

Если в 1923 году население свозило сжатый хлеб на самые высокие сопки, для того чтобы лучше прятаться от красных, то в 1924 году положение резко изменилось. Жители, спасая хлеб от басмаческих шаек, старались свозить его поближе к гарнизонам. Вся уборка урожая происходила под охраной Красной армии, которая установила с населением крепкую товарищескую спайку. Благодаря этому хлеб был убран своевременно. Всего было собрано около 20 000 тонн, вместо 6 500 тонн в 1923 году.

В связи с хорошим урожаем и своевременной его уборкой туменный ревком к июлю месяцу успешно закончил всю работу по обеспечению нормального хода налоговой кампании. Сеть сыпных пунктов была значительно расширена, причем ревком учел то обстоятельство, что части боевого участка довольствовались из местных средств. Поэтому в каждом гарнизоне был создан сыпной пункт, обеспечивавший своей вместимостью бесперебойное довольствие постоянного состава гарнизонов и заходивших летучих отрядов. Такая организация сети сыпных пунктов избавляла от скопления излиш-

него запаса продфуража в одном пункте и от бесцельной переброски. Соответственно сети ссыпных пунктов Локай был разбит на районы.

Кроме организации ссыпных пунктов туменный ревком сумел во-время подобрать надежный амлякдарский состав для учета урожая и провести разъяснительную работу среди населения о порядке сбора налога.

Вся эта большая работа оказалась проделанной впустую, так как Восточнобухарский ЦИК по примеру Западной Бухары постановил произвести сбор налога в 1924 г. не в натуральной, а в денежной форме. Это постановление грозило сорвать всю налоговую кампанию, потому что население Локая совершенно не имело денег. Денежные средства, получаемые жителями от воинских частей за продфураж, были настолько незначительны, что их нехватало бы даже для покрытия одной десятой части налога. Все это внушало локайским работникам серьезное опасение, что сбор налога деньгами может обесценить хлеб и привести к упадку декханское хозяйство, которое начало уже понемногу восстанавливаться.

Исходя из этих соображений, ревком и военный представитель обратились в Восточнобухарский ЦИК с просьбой о пересмотре постановления, но безрезультатно. После долгих и настойчивых просьб налоговый вопрос был поставлен на обсуждение I Вселокайского съезда советов, происходившего в августе. Съезд категорически высказался против денежного взимания налога, как меры преждевременной, и обратился в Восточнобухарский съезд советов с просьбой отменить постановление о сборе налога деньгами.

Восточнобухарский съезд передал этот вопрос на решение Всебухарского съезда советов, который постановил собрать налог в денежной форме. Точная мотивировка данного решения мне неизвестна, но повидимому съезд исходил из учета и оценки экономического состояния Западной и Средней Бухары. На мой взгляд, чрезвычайно ошибочно было равнять положение этих областей с Восточной Бухарой. Наличие железных до-

рог как в Западной, так и в Средней Бухаре, а также непосредственное соседство с Туркестанской республикой,—все это создавало необходимые предпосылки для более быстрого восстановления их хозяйственной жизни. В Восточной Бухаре этих данных нет. Торговля там происходила исключительно посредством товарообмена. Этого обстоятельства съезд не учел и допустил большую ошибку.

Так или иначе, постановление о сборе налога в 1924 г. в денежной форме было проведено в жизнь.

Опасения локайских работников подтвердились. Хлеб быстро начал падать в цене; в октябре цена за 1 пуд (16 килограмм) понизилась до 60 коп. Скупщики со всех сторон бросились в Локай за дешевым хлебом. Жители малопродуктивных районов левобережья Вахш, кочующее племя Кунграт энергично закупали локайский хлеб. Контрабандисты, пользуясь слабым прикрытием советско-афганской границы, усиленно переправляли локайский хлеб в Афганистан. Даже Ибрагим-бек не упустил момента и через своих агентов занялся скупкой хлеба и переправкой его в Афганистан в распоряжение эмира для реализации на боевые припасы. Для руководства «хлебными операциями» Ибрагим-бек специально выделил курбашу Надыр-али. Помимо отправки хлеба в Афганистан он сколачивал себе кое-какие запасы на черный день, пряча их в горных трещинах.

Локайский хлеб особенно усиленно выкачивался в октябре и ноябре. С декабря выкачка хлеба пошла на убыль, и хлеб начал в цене подниматься.

Обесценению хлеба способствовало одно существенное обстоятельство. До революции локайский хлеб вывозился водными и сухопутными путями в Афганистан, в Самаркандскую область и Западную Бухару. Вывоз хлеба по воде происходил каучным транспортом по реке Вахш от Арала до Аму-дарьи. По Аму-дарье хлеб направлялся в Афганистан, а также вниз в пределы Чарджуйского района. Оттуда он следовал по железной дороге в Западную Бухару. В Самаркандскую область

локайский хлеб ввозился вьючным транспортом через Гиссарский хребет.

Басмачество совершенно уничтожило каючный транспорт. Вывозу хлеба сухопутным путем в наши хлопководческие районы мешали действия шаек. Ревком за отсутствием средств не имел возможности приступить к восстановлению водного транспорта и к постройке моста через реку Вахш в районе Санг-туда. В результате—необеспеченность вывоза хлеба и катастрофическое падение хлебных цен.

Для наглядности приведу цены за пуд (16 килограмм) хлеба по трем районам Восточной Бухары, точнее—Дюшамбинского (в то время) вилайета.

	По Локаю	По Янги-базару	По Дюшамбе
Октябрь 1924 г.	— р. 60 к.	— р. 60 к.	1 р. — к.
Декабрь » »	1 » 10 »	1 » — »	1 » 20 »
Январь 1925 г.	1 » 50 »	1 » 30 »	1 » 80 »
Февраль » »	2 » — »	1 » 80 »	2 » 20 »
Апрель » »	2 » 50 »	2 » 80 »	2 » 80 »
В течение всех летних месяцев	5 » — »	3 » 50 »	4 » — »

По этим ценам производились закупки войсковыми частями, в частности 63 кавалерийским полком, которому приходилось оперировать во всех трех районах.

Из приведенных цифр видно, что цены на хлеб в Локае в течение всего лета стояли выше дюшамбинских цен, несмотря на то, что Дюшамбе живет исключительно привозным хлебом. Цены в Янгибазарском районе все время стояли ниже цен и локайских и дюшамбинских. Это объясняется тем, что жители Янгибазарского тумена занимаются главным образом рисоводством. Цены же на рис стояли довольно высоко, что дало жителям возможность «выехать» на рисе.

Налоговая кампания в Локае дала печальные результаты. Несмотря на то, что жители распродали хлеб за бесценок, была погашена только $\frac{1}{3}$ налога.

При сборе налога в натуральной форме Локай внес

бы около 2 000 тонн хлеба, что в переводе на деньги дало бы правительству 120 000 рублей.

В результате сильной утечки хлеба Локай испытывал острую нужду в семенном материале, которого требовалось примерно 500—550 тонн. Правительство Таджикистана не имело возможности оказать помощь Локаю за отсутствием средств. Все это привело к тому, что посевная площадь в 1925 г. сократилась наполовину по сравнению с 1924 г. Недород хлеба в 1925 г. еще более обострил продовольственное положение Локая.

ДЕЙСТВИЯ СТОРОН ЗА ЛЕТНИЙ ПЕРИОД И ДО КОНЦА 1924 г.

К 1 марта численный состав басмаческих шаек Локая был примерно таков:

1. Личная охрана Ибрагим-бека под командой курбаши Сакиз-батыра	70 человек.
2. Шайка курбаши Ассадзулы	50 »
3. Шайка курбаши Иган-берды	40 »
4. Шайка курбаши Ильбаши	60 »
5. Шайка курбаши Исхака	50 »
6. Шайка курбаши Сулхангула	40 »
7. Шайка курбаши Бабаджана	45 »
8. Шайка курбаши Курбан-токсобы	30 »
9. Объединенные шайки племени Карлюк под командованием курбаши Алим-буры	30 »
10. Мулла Даута	25 »
11. Балта-Кавказа	65 »
12. Баба-Мурата	45 »
13. Абдул-Назара	40 »
14. Ишмата	38 »
15. Кара-курбаши	20 »

В общем басмаческие силы в Локае насчитывали к 1 марта примерно 650 человек.

Ибрагим-бек держался старой испытанной тактики уклонения от серьезных боев с нашими крупными частями.

В первых числах марта начали прибывать в Локай части 66 кавалерийского полка, не знакомые с обста-

новкой и условиями борьбы. Над ними Ибрагим-бек и решил добиться успеха. Зная, что в кишлаке Дагана-киик гарнизон состоит только из пехоты и что туда с командиром 11 кавалерийской дивизии и комиссаром боевого участка прибыл лишь один взвод конницы, Ибрагим-бек сосредоточил в районе кишлака Аул-киик около 600 сабель.

Выступивший против Ибрагим-бека взвод конницы присоединился по дороге к эскадрону 10 кавалерийского полка, подошедшему в это время к Аул-киик. Командир эскадрона атаковал противника и прижал его к горам Гази-малек. В результате боя Ибрагим-бек потерял 30 человек убитыми, около 50 человек ранеными.

По получении сведений о том, что Ибрагим-бек сосредоточился в районе Арал-тугай, туда немедленно был брошен сводный дивизион из одного эскадрона 66 полка и одного эскадрона 65 кавалерийского полка. Зная, что в этом отряде имеются новые части 66 кавалерийского полка, Ибрагим-бек, рассчитывая добиться успеха над «новичком», первым бросился в атаку, но потерпел неудачу. Он потерял 50 человек убитыми, в том числе начальника своей личной охраны Сакиз-батыра, и 50 лошадей. С нашей стороны были убиты командир взвода и ранено 3 красноармейца; кроме того убиты 2 лошади. После этого Ибрагим-бек вынужден был вновь уклоняться от боя, но жизнь заставила его вскоре драться вопреки его желанию. К вечеру 19 марта шайка Рахман-Датхо в 250—300 сабель, преследуемая отрядом 63 кавалерийского полка под командой т. Руднева, прибыла в Локай в район Явана. Конский состав отряда т. Руднева настолько пристал, что дальнейшее преследование шайки пришлось прекратить. Поэтому т. Руднев остановился в кишлаке Шарбулак на ночлег и донес штабу Локайского боевого участка о прибытии в Локай шайки Рахман-Датхо. Командование локайского боевого участка, не имевшее свободного отряда, приказало т. Рудневу продолжать преследование на следующий день и одновременно установило за шайкой агентурное наблюдение.

Как уже известно читателю, локайский туменный ревком отдал 19 марта распоряжение о переезде населения в гарнизоны для предотвращения поголовного голода. Это мероприятие сильно подрывало влияние басмачества на население и кроме того лишало басмачей возможности снабжения за счет жителей.

Естественно, что Ибрагим-бек решил всеми мерами сорвать переезд населения. С этой целью в ночь с 19 на 20 марта он сосредоточил в Яванской долине все шайки Локая и подтянул шайки Хурам-бека. Рахман-Датхо, намеревавшийся на рассвете 20 марта покинуть пределы Локая, по приказу Ибрагим-бека вынужден был остаться.

В свою очередь не дремало и командование локайским боевым участком. В ночь с 19 на 20 марта была произведена перегруппировка наших сил с подтягиванием их в Яванскую долину. Общее командование над отрядами принял временно исполняющий должность командира 65 кавалерийского полка т. Галиев, он же — временно исполняющий должность начальника боевого участка.

С рассветом 20 марта отряд 63 кавалерийского полка под командой т. Руднева выступил в направлении гор Норы-тау, а отряд 65 кавалерийского полка под командой т. Галиева выступил из г. Яван в направлении кишлака Нарын (на карте Норы). Около 8 часов утра того же дня отряд т. Руднева у кладбища, что северо-западнее кишлака Горау, атаковал шайку Рахман-Датхо (см. схему 3). Рахман-Датхо начал отходить в горы Норы-тау. В то время, как своими большими силами он достиг уже вершины гор Норы-тау, Ибрагим-бек на карьере выступил из кишлака Нарын с намерением ударить т. Рудневу во фланг и тем самым оказать поддержку Рахман-Датхо.

Тов. Галиев, услышав стрельбу и крики «ура!» в направлении Горау, повернул на выстрелы с целью оказать содействие т. Рудневу. В это время дозорные донесли, что на карьере скачет большая шайка басмачей в северном направлении. Тов. Галиев спрятал свой от-

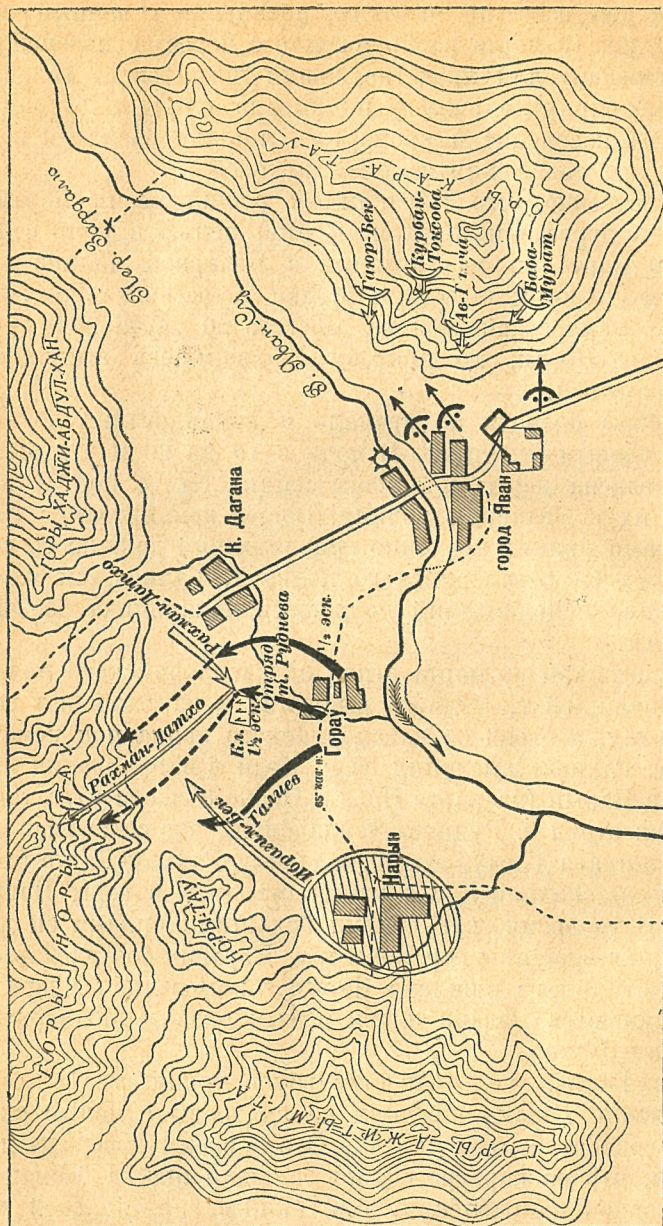

Схема 3. Бой 20 марта 1924 г. с Рахман-Датхо и Ибрагим-Бек.

ряд в овраге, с тем чтобы пропустить мимо себя шайку и затем атаковать ее. Этот маневр удался. Как только Ибрагим-бек проскочил овраг, т. Галиев ударил ему в тыл. Таким образом Ибрагим-бек вместо поддержки Рахман-Датхо сам попал в чрезвычайно тяжелое положение. Рахман-Датхо, чтобы спасти положение, бросился в контратаку на т. Руднева, но атака оказалась безуспешной, и Рахман-Датхо, чтобы соединиться с Ибрагим-беком, вынужден был подставить свой фланг.

Ибрагим-бек пошел на хитрость. Он послал курбашей Гаур-бека, Курбан-токсобу и Баба-Мурата под общим командованием Гаур-бека с задачей обстрелять г. Яван. Шайкам племени Карлюк под командой Алим-буры он поручил воспрепятствовать переезду племени Карлюк в Яван. Этими мерами Ибрагим-бек надеялся отвлечь часть наших сил для защиты Явана и прикрытия переезда племени Карлюк.

Производившие обстрел Явана шайки под командой Гаур-бека выдали себя еще при движении и попали под ружейный и пулеметный огонь нашей засады, выставленной яванским гарнизоном. Понеся большие потери, они скрылись в горах Кара-тау. Для прикрытия переезда племени Карлюк был выделен взвод конных разведчиков 8 стрелкового полка, который и рассеял шайку Алим-буры.

Таким образом демонстрация, затеянная Ибрагим-беком, потерпела полнейшую неудачу. Сам он сумел вырваться, лишь рассеявшись мелкими шайками, убегающими от преследования наших частей.

Наше преследование было приостановлено только тогда, когда конский состав начал приставать. Во все стороны была выслана агентурная разведка с задачей обнаружить к рассвету 21 марта новое сосредоточение шаяк.

В результате боя 20 марта Ибрагим-бек потерял 95 человек убитыми, 150 ранеными (по агентурным данным). С нашей стороны было ранено 2 красноармейца.

20 марта во исполнение приказа Ибрагим-бека в До-

кай переправился со 150 джигитами из Бабатагского района курбаша Хурам-бек. Об его прибытии жители тотчас же сообщили командиру 10 кавалерийского полка т. Карачунову, который и обрушился на Хурам-бека, преследуя его до гор Джитым-тау. Там отряд Хурам-бека расплылся, и преследование пришлось прекратить. Командир 10 полка в целях более быстрого получения сведений прибыл на ночлег в г. Яван.

Отряды т. Галиева и т. Руднева остановились на ночлег в кишлаке Кашкара. Штаб боевого участка, несмотря на все принятые им меры, не смог получить к утру 21 марта сведений о месте сосредоточения шаек. Поэтому отряды т. Галиева и т. Руднева до получения сведений о противнике были оставлены на месте. Командиру 10 кавалерийского полка было приказано выделить не менее 36 сабель при двух пулеметах на более слабых лошадях (худоконница) для занятия гарнизона в кишлаке Ляур, а остальными частями полка выступить в район Биш-булак для обеспечения переезда в гарнизон Нарын жителей указанного района.

Командиру 65 кавалерийского полка дана была задача не позже 8 часов 21 марта выставить из художонницы полка гарнизон в кишлаке Нарын при двух тяжелых пулеметах.

30 сабель 10 кавалерийского полка, выделенные для занятия гарнизона в кишлаке Ляур, в 10 часов 21 марта были окружены Ибрагим-беком в горах Джитым-тау (см. схему 4). Командир 10 кавалерийского полка, услышав пулеметную стрельбу, направился на выручку и атаковал Ибрагим-бека. Тот, не выдержав атаки, начал отходить на кишлак Кайнар, приказав курбаше Ильбаша отступать в западном направлении. Комполка 10, не заметив направления отхода главных сил противника, увлекся преследованием Ильбаша. Но около половины десятого т. Галиев получил сведения о том, что Ибрагим-бек сосредоточился в горах Джитым-тау и намерен перейти в район кишлаков Кайнар. Тов. Галиев форсированным маршем выступил с отрядами 63 и 65 кавалерийских полков на Кайнар. Подойдя к кишлаку

Средний Кайнар, т. Галиев, заметив движение басмачей, приказал командиру эскадрона т. Гнидину с дивизионом 65 полка на галопе войти в Верхний Кайнар и оттуда

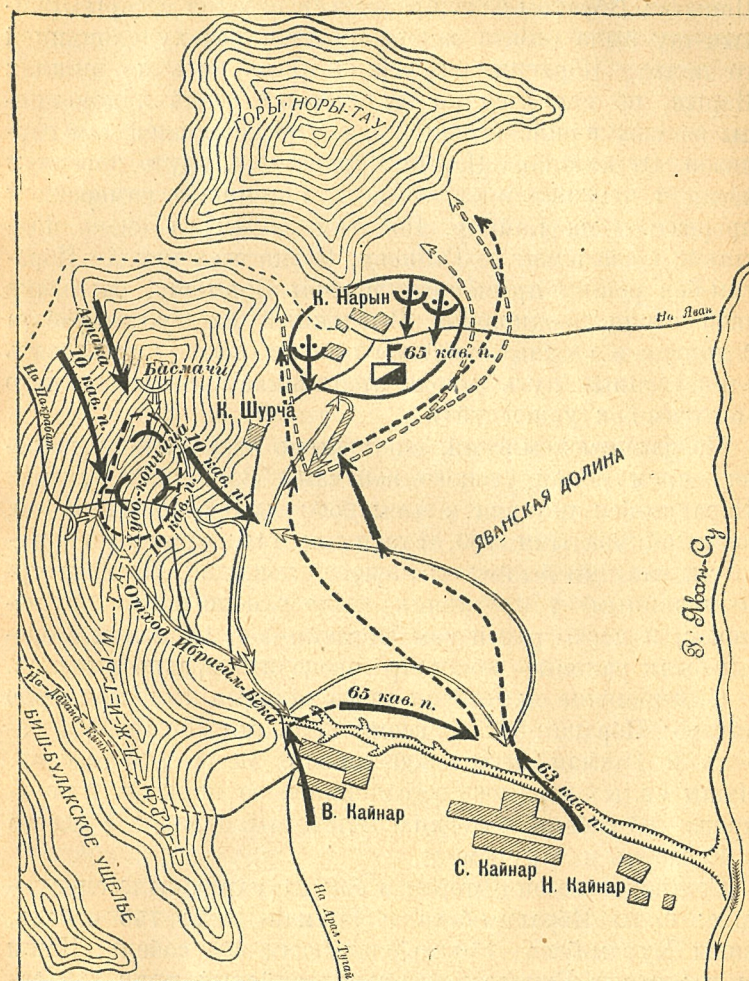

Схема 4. Бой с Ибрагим-беком 21 марта 1924 г.

атаковать Ибрагим-бека в лоб. Сам т. Галиев с отрядом 63 кавалерийского полка решил атаковать противника во фланг.

Атакованный т. Гнидиным Ибрагим-бек, предполагая, что весь наш отряд остался в Джитым-тау, бросился на Средний Кайнар, но был встречен атакой т. Галиева. Попытка Ибрагим-бека прорваться обратно в горы Джитым-тау, была отбита задержавшейся там художонницей 10 полка. Ибрагим-бек решил проскочить на кишлак Нарын, но нарвался на пулеметный огонь художонницы 65 кавалерийского полка, с утра занявшей там гарнизон. От кишлака Нарын Ибрагим-бек круто повернул назад и перешел в атаку на т. Гнидина с намерением прорваться на Кайнар. Но этим самым он вновь подставил свой фланг т. Галиеву. После всех неудач Ибрагим-бек решил проскочить в горы Норы-тау, рассылив свой отряд поодиночке. Высланный из Султан-рабата 2 дивизион 65 кавалерийского полка опоздал перерезать единственный путь отхода противника, вследствие чего Ибрагим-бек успел уйти.

По данным комиссии, специально назначенной распоряжением командующего войсками Восточной Бухары, Ибрагим-бек потерял в этом бою: людей убитыми 190, лошадей убитыми 100, ранеными 143. Кроме того нашими частями было захвачено 50 лошадей. По агентурным данным—у противника было ранено около 200 человек, и легко ранен сам Ибрагим-бек. С нашей стороны были ранены—командир взвода и 9 красноармейцев.

Соотношение сил сторон в бою 20 марта было примерно таково: Ибрагим-бек со всеми шайками Локая—570 сабель и Рахман-Датхо—300 сабель. Всего 870 сабель. Наши силы: отряд 65 кавалерийского полка в 2 эскадрона—65 сабель, 4 легких пулемета и отряд т. Руднева в 60 сабель и 4 пулемета.

Соотношение сил сторон в бою 21 марта было следующее: силы Ибрагим-бека и Рахман-Датхо 755 сабель, силы Хурам-бека—150 сабель; всего 905 сабель. Наши силы: отряд Галиева—65 кавалерийский полк—65 сабель, 4 легких пулемета; отряд т. Руднева—58 сабель, 4 легких пулемета; художонница 10 кавалерийского полка—30 сабель, 2 легких пулемета; всего 153 сабли и 10 легких пулеметов.

За оба боя, т. е. 20 и 21 марта, Ибрагим-бек потерял одними убитыми 285 человек. С нашей стороны убитых не было; ранены один командир взвода и 11 красноармейцев. После этих боев Ибрагим-бек до мая месяца уклонялся от столкновения с нашими частями, однако наши летучие отряды наносили частые поражения отдельным басмаческим шайкам.

Все население локайских племен, за исключением таджиков Газималекского района и части Яванского, переехало в места расположения гарнизонов к 24 марта. Не сумев помешать переезду в гарнизоны локайцев, Ибрагим-бек поставил задачей во что бы то ни стало не допустить переезда таджиков. На этот раз он отказался от вооруженной борьбы за население и прибег к «мирным» способам. Для этой цели он приказал таджикским курбашам Рахман-Датхо и Бабаджану собрать всех пособников и направить их в Диктаторскую комиссию с заявлением, что таджики, мол, не желают переезжать в гарнизоны и просят отменить распоряжение туменного ревкома. Ибрагим-бек приказал приложить к заявлению как можно больше пальцев (в Средней Азии неграмотный вместо подписи прикладывает свой палец).

Диктаторская комиссия, не доверяя этим заявлениям, назначила расследование. Оказалось, что трудовая декханская масса ничего об этих заявлениях не знала. Их имена в списки были включены пособниками, которые сами сознались в том, что заявления поданы ими по приказам Рахман-Датхо и Бабаджана. Все таджики в первых числах апреля съехались в расположения гарнизонов. Таким образом Ибрагим-бек и здесь потерпел неудачу.

После мартовских боев симптомы окончательного разложения басмачества еще более усилились, что подтверждается следующими фактами. Таджикский курбаша Яванского района Курбан-токсоба еще во время боя 20 марта самовольно снялся с позиций. Рахман-Датхо получил приказ от Ибрагим-бека арестовать Курбан-токсобу, но тот скрылся от наказания, а в первых числах апреля явился в г. Яван и сдался туменному рев-

кому. Надо отметить также крупную ссору Иган-берды с Ибрагим-беком. Ибрагим-бек назначил своим помощником Ассадулу и при этом отдал ему заводную лошадь, принадлежавшую Иган-берды. Самол сбивый Иган-берды, обойденный назначением, ушел от Ибрагим-бека и до мая скрывался со своей шайкой на левобережьи Вахш. В июне он ушел в Афганистан. Точно так же пытался поступить и курбаша племени Бадра-оглы Халходжа, подравшийся со своим начальником Ильбаши. Но, переправляясь через Аму-дарью, Халходжа был замечен нашим пограничным постом и убит. С деморализацией басмаческих шаек усилилась сдача в плен рядовых джигитов и выдача жителями отдельных басмачей, а также и их пособников.

С переездом жителей в гарнизоны снабжение шаек продфуражом чрезвычайно затруднилось. После неоднократных и неудачных попыток отбить у нас зернофураж во время перебросок его из Аул-киик в другие гарнизоны, Ибрагим-бек бросил шайку Мулла-Даута в район переправы Кызыл-кала на реке Вахш с задачей забирать зерно, провозимое жителями левобережья Вахш с локайских базаров. После трехдневной деятельности шайка вместе с Муллой-Даутом была уничтожена ночным налетом отряда т. Галиева.

Зная малочисленность красных гарнизонов, Ибрагим-бек, уклоняясь от боев с нашими летучими отрядами, решил делать налеты на гарнизоны. Но все эти налеты никакого успеха не имели, и вскоре он вынужден был отказаться от них. Тем не менее Ибрагим-бек продолжал действовать активно в надежде где-нибудь добиться успеха.

В июне месяце в Локай прибыли остатки 66 кавалерийского полка, во главе с командиром полка т. Хрюниным и со всем штабом. По дороге в Ляур Ибрагим-бек устроил полку засаду. Командир полка атаковал Ибрагима имевшимся при штабе прикрытием в 150 сабель. Ибрагим начал отходить. В это время командир полка, заметив, что штабная повозка осталась без прикрытия, отдал атакующим приказание вернуться назад. Как

только отряд повернул назад, Ибрагим-бек напал на него. Отряд в панике усекал в Ляур. Противнику досталась штабная повозка со всем имуществом и делами штаба. Штабную повозку и дела Ибрагим-бек сжег, имевшиеся на повозке пять телефонных аппаратов переломал, а с собой захватил лишь одну кобуру из-под аппарата. В этом бою полк потерял: убитым—заведующего разведкой полка и несколько красноармейцев ранеными.

Вслед за этой удачей Ибрагим-беку удалось изрубить пять телефонистов 65 кавалерийского полка, исправлявших телефонную линию Султан-рабат—Ляур.

После этих успехов моральное состояние шаек несколько повысилось. Ибрагим-бек снова перешел к тактике уклонения от боев, но в результате действий наших частей опять понес значительные потери, после чего вновь начались сдачи отдельных джигитов.

Ибрагим-бек с целью подорвать авторитет наших частей в глазах населения пошел на провокацию: устроил два поджога хлеба в тех районах, где были наши части, однако эта провокация была разоблачена самим населением; пострадавшим ревком оказал помощь.

Во второй половине мая жители разъехались из мест расположения гарнизонов в свои кишлаки для уборки хлеба. Ибрагим-бек стремился взять население под свое влияние террором, но жители настолько хорошо давали нашим частям сведения о местонахождении шаек, что Ибрагим-бек стал получать от нас удар за ударом. По возвращении населения из гарнизонов в кишлаки Ибрагим-бек неоднократно пытался провести мобилизацию, но безуспешно. Потеряв надежду на пополнение шаек жителями Локая, он поставил ставку на левобережье Вахш, командировав туда с этой целью курбашу Ильбаши. Его расчет оказался верным, так как хозяйственная неустроенность сдавшихся басмачей левобережья и местные продовольственные затруднения заставляли сдавшихся басмачей возвращаться в шайки.

Эмир бухарский усиленно пополнял басмаческие ряды бухарской знатью и буржуазией, эмигрировавшей в Афганистан. Кроме того он перебрасывал в Бухару шайки,

ушедшие в свое время в Афганистан от преследований наших частей. В переправке эмигрантицы и шаяк эмиру помогли разыгравшиеся в то время афганские события, направленные реакционной частью афганского духовенства против эмира афганского, Амануллы-хана, который вынужден был все свои силы бросить на подавление восстания, чем и была ослаблена охрана границ.

В июне, в период особенно решительного нажима наших частей, эмир бухарский перебросил в Бухару шайку левобережья Вахш под командованием Абдуллы-бия и направил непосредственно к Ибрагим-беку восемь курбашей. С прибытием этих курбашей Ибрагим-бек сгруппировал в районе кишлака Кара-ягач все локайские шайки и созвал курбашеское совещание. Жители об этом совещании немедленно сообщили нашим частям, и отряд 65 кавалерийского полка произвел налет, в результате которого Ибрагим-бек потерял убитыми: своего родного брата Исхака, всех прибывших курбашей и тяжело раненым курбашу Судхан-кула, который впоследствии умер от ран.

После этой неудачи Ибрагим-бек приказал Абдуллы-бю взять в подчинение левобережную шайку Байтура, прибыть в Локай и, соединившись с шайкой Балта-Кавказа, действовать под командой последнего. 4 июня Абдуллы-бий переправился в районе Чартут через реку Вахш в Локай и соединился с Балта-Кавказом, в результате чего численность этих басмаческих группировок достигла 120 сабель. Жители немедленно сообщили в штаб участка о басмаческой группировке, и в тот же день шайка нашим отрядом была разбита, причем сам Абдуллы-бий был убит. Остатки шайки вынуждены были вернуться на левобережье Вахш.

8 июня сам Ибрагим-бек, настигнутый нашим отрядом в районе Нарын, потерял убитыми 8 джигитов и двух мелких курбашей.

12 июня он сошел в районе южной части гор. Карши-тау совещание всех басмаческих главарей по вопросам дальнейших действий и в тот же день получил све-

дения о том, что наш стрелковый взвод сопровождает из Дагана-киик в Шуриан 15 000 тенег. Ибрагим-бек прервал совещание и объединенными отрядами—своим, Рахман-Датхо и Хурам-бека, общей численностью до 300 сабель—окружил и уничтожил взвод, захватив 30 винтовок, пулемет Шоша и деньги.

Этот успех поднял моральное состояние шаяк, и сдачи прекратились. Но 20 июня отряд 48 полка Алтайской бригады совместно с Карлюжским отрядом добровольной милиции под командой т. Белошниченко произвел на Ибрагим-бека в районе гор Арык-тау налет, в результате которого противник потерял 85 человек убитыми, 30 лошадей, несколько винтовок. Ибрагим-бек вынужден был 23 июня уйти из Локая в Бабатагский район.

26 июня Ибрагим-бек, возвратившийся снова в Локай, рассыпал своих басмачей на мелкие шайки и всячески уклонялся от боев с нашими частями. В июле месяце активность Ибрагим-бека до некоторой степени ослабла, но все же продолжала оставаться высокой. Шайки занимались в это время главным образом порчей телефонных линий с целью создания перебоев в работе нашей связи.

В первой половине июля красные части разгромили шайку Балта-Кавказа, причем Балта-Кавказа был убит, а его помощник сдался с оружием. Целиком сдалась также шайка племени Марка во главе с Баба-Муратом.

На совещании военно-политических работников Восточной Бухары с участием командующего Туркестанским фронтом т. Левандовского и председателя комиссии РВС СССР т. Рафеса, происходившем в первой половине июля в г. Дюшамбе, признано было, что, несмотря на достигнутые в последнее время результаты в борьбе с басмачеством Локая, все же последний и впредь остается одним из серьезнейших участков как центр басмаческого движения и поэтому на Локай должно быть обращено главное внимание. После этого совещания локайский боевой участок был усилен 63 кавалерийским полком. В результате Ибрагим-бек потерял в двух боях до 70 человек убитыми и ушел из Локая в район Бабатаг. Здесь под натиском частей Бабатагско-

го района он пытался вновь вернуться в Локай, но, встреченный локайскими частями, вынужден был отойти в Кабадианский район.

Преследуемый нашими частями до Кабадиана, Ибрагим-бек, пользуясь темнотой ночи, сумел прорваться назад, рассыпав своих басмачей по одному. На утро, лишь только Ибрагим-бек сгруппировался, на него напала наша авиация, наводившая невероятную панику на басмачей. Ибрагим-бек, вынужденный сделать 130-километровый переход, рассыпался в горах Гази-малек на мелкие шайки, переправился 20 июля вплавь через Кафирниган в районе Ак-мечеть и до середины августа уклонялся от боев. Возобновились сдачи отдельных джигитов.

Во второй половине августа, с возвращением из Афганистана в Локай курбаши Ассадудулы с шайкой и Мулланияза, деятельность локайских басмачей вновь оживилась. Оживлению этому способствовали также успешные мобилизации пополнений из населения левобережья, производимые Ильбашой. Кроме того в это время увольнялись в бессрочный отпуск красноармейцы рождения 1901 года, и в части вливался необстрелянный молодежь рождения 1902 года.

Ибрагим-бек, объединив мелкие шайки и увеличив свой отряд до 260 сабель, перешел в район Гиссара с целью добиться успеха в боях с необстрелянными красноармейцами. Но, настигнутый и атакованный 27 августа нашим отрядом, он потерял убитыми 15 джигитов и своего личного секретаря и главного советника Мирза-Кутана.

После нескольких неудачных попыток добиться успеха Ибрагим-бек отказался на время от активных действий и занялся приведением в порядок своих сил. В этих целях он созвал 6 сентября в районе Арал-Тугай, под прикрытием объединенного отряда в 150 сабель, совещание басмаческих главарей с участием представителя эмира.

Отряд 63 кавалерийского полка под командой т. Болотникова в тот же день атаковал Ибрагим-бека, и тот

потерял убитыми 40 рядовых джигитов, одного курбашу, представителя эмира, своего нового секретаря, 27 лошадей. В качестве трофеев нам достались 6 винтовок, 280 патронов и вся его канцелярия. В дальнейшем под давлением наших частей Ибрагим-бек покинул Локай и вернулся в него лишь 27 сентября.

В октябре Ибрагим-бек вновь приступил к активным, но безуспешным действиям. В течение месяца он потерял убитыми 48 джигитов и двух курбашей. После всех неудач Ибрагим-бек в конце октября с 55 всадниками ушел на левобережье Вахш, оставив в Локае Ассадудулу с директивой уклоняться от боев и беречь силы. Шайки левобережья, пополнившиеся за счет прибывших из Афганистана и местных мобилизаций, насчитывали к этому времени до 640 сабель и действовали особенно интенсивно.

На левобережье Вахш Ибрагим-бек, нападая на наши гарнизоны, отряды и посты, добился частичных успехов, захватив даже некоторые трофеи, в том числе один пулемет Шоша и один — Льюиса. Вместе с тем он усилил организационную работу по сколачиванию шаяк, занялся выработкой единого плана действий и главным образом стремился взять под свое влияние население. С этой целью он развил бешеную агитацию, направленную к срыву налоговой кампании и работ комиссии по национальному размежеванию и районированию Таджикистана.

Шайки, оставшиеся в Локае, в течение ноября и декабря продолжали уклоняться от столкновений с нашими частями. Лишь в ноябре нам удалось единственный раз настигнуть шайку Ассадудулы, которая потеряла убитыми 2 джигитов и курбашу Каранкуля, прибывшего в Локай с письмом от бухарского эмира. В конце ноября Ибрагим направил в Локай вернувшегося из Афганистана курбашу Иган-берды с шайкой в 60 сабель. Сам Ибрагим вернулся в Локай только 29 декабря.

В течение всего 1924 года локайские шайки потеряли убитыми 706 рядовых джигитов. В это число включены потери шаяк Рахман-Датхо, Хурам-бека и Абдул-

ла-бия за весь летний период (примерно 300 человек). Таким образом локайские шайки, если их брать отдельно, потеряли приблизительно 400 человек. Из курбашей, командовавших родовыми шайками, убиты: Мулла-даут, Саказ-батыр, Юлдаш, Мирза-Куган, Исхак, Балта-Кавказ, Хал-Ходжи, Супхан-кул, Каранкуль и Абдулла-бий. За исключением Абдулла-бия все курбаши—локайцы. Кроме того убито 19 курбашей не установленных фамилий. Часть из них—курбаши, прибывшие из Афганистана, и представители эмира бухарского. В течение летнего периода сдалось 63 джигита и 3 курбаши. Сюда не входит сдавшаяся целиком шайка в 46 человек во главе с Баба-Муратом. На 1 января 1925 г. локайские шайки вместе с шайками Ассадулы и Иганберды, вернувшимися из Афганистана, насчитывали примерно 250 человек.

РАЗГРОМ БАСМАЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

В начале 1925 г. закончилось национальное размежевание, в результате которого вместо Восточной Бухары была образована Таджикская АССР.

Эмир бухарский вместе с Ибрагим-беком рассчитывали, что локайское население не помирится с образованием Таджикской АССР и поднимет восстание, благодаря чему удастся возродить массовое басмаческое движение. Они надеялись также, что в этом отношении им помогут продовольственные затруднения, возникшие в Локае из-за неудачного разрешения в 1924 году налогового вопроса и недорода в 1925 году. Кроме того надо отметить, что в конце 1924 года значительно обновился командный состав наших частей прибывшими из внутренних округов командиров, не успевшими еще изучить обстановку и методы борьбы с басмачеством.

Учтя эти обстоятельства, эмир поставил все свои силы на карту в надежде добиться успехов. 31 декабря Ибрагим провел в районе Гиссара совещание всех курбашей Локая и Присурханья, на котором были разобраны вопросы организации и тактики басмаческих отрядов и взаимоотношений с населением и бухарской эмигрантщиной. Басмаческое совещание признало необходимым принять меры к привлечению на свою сторону широких масс населения, не останавливаясь даже в нужных случаях перед репрессиями по отношению к несочувствующему элементу. Одновременно было решено повести решительную борьбу с мародерством отдельных басмачей и организовать строевую подготовку курбашей путем как добровольного, так и принудительного привлечения курсантов из узбеков. В целях демонстрации перед населением мощи басмаческих сил совещание по-

становило объединить все шайки правобережья и организовать рейд на запад—в долину реки Сурхана, в Шарбадский и Байсунский районы.

1 января 1925 года Ибрагим-бек, сгруппировав шайки общей численностью до 650 сабель, двинулся в рейд и закончил его 9 января. Ему удалось достигнуть всех намеченных им пунктов. Что касается активности, проявленной Ибрагим-беком во время рейда, она выразилась лишь в некотором сопротивлении нашим частям в бою 2 января в районе Денай, в нападении 4 января на нашу почту в том же районе и в прорыве 7 января телефонной линии на участке Ходжа-Мильк-Маршаде.

Успешность рейда лишней раз показала нам, что Ибрагим-бек пользуется еще огромным влиянием и авторитетом среди большинства басмаческих главарей Восточной Бухары. Впрочем и здесь у него было далеко не все благополучно. Так, Хурам-бек откололся от Ибрагим-бека и решил действовать самостоятельно; он не принял участия ни в работе курбашеского совещания, ни в самом рейде.

В области привлечения населения на сторону басмачества рейд Ибрагим-бека потерпел полнейшую неудачу. В ответ на рейд локайское население сформировало в течение пяти дней 4 отряда добровольной милиции общей численностью в 400 сабель: из них 2 отряда по 125 человек из таджиков, один отряд в 50 человек из жителей племени Дурмен и один отряд в 100 человек—из племени Исан-ходжа.

Ибрагим-бек добился частичных успехов лишь у населения Сурханского района, недостаточно советизированного. Но и здесь благодаря нашей энергичной политической работе басмаческое влияние быстро сошло на-нет.

По окончании рейда басмаческие шайки Локая и всей Восточной Бухары в течение января и февраля всячески уклонялись от боев с нашими частями. В эти обыкновенно дождливые и неблагоприятные для военных действий месяца в 1925 году стояли к тому же сильные морозы. Кроме того Ибрагим-бек стремился сбросить свои силы к летней кампании. Он наметил ряд

организационных мероприятий для сплочения басмаческих шайк, о моральном состоянии которых дают красноречивое представление следующие факты.

Давняя вражда между курбашами левобережья Вахш Ишматом и Баратом-токсоба, игравшими ранее видную роль на левобережье, вылилась в январе в открытое столкновение, вызванное тем, что Ибрагим-бек подчинил Барата Ишмату. В результате боя Барат был разоружен Ишматом и затем отпущен при условии беспрекословного выполнения приказов Ибрагим-бека, передаваемых через Ишмата, уменьшения налога с некоторых кишлаков и обязательства передавать Ишмату часть патронов, получаемых из Афганистана. Вражда между указанными курбашами приняла настолько острый характер, что Ибрагим-бек вынужден был сам отправиться на левобережье Вахш для улаживания конфликта. Барат, не желавший подчиняться Ишмату, ушел 19 марта в Афганистан и больше оттуда не возвращался.

По сведениям агентуры, на совещании, проведенном Ибрагим-беком 28 января в районе Тода, курбаша Бабаджан и Ганджа-Гали заявили о своем намерении прекратить бесцельную борьбу с советской властью. Ибрагим-бек, учтя создавшееся настроение и неблагоприятное время года, разрешил курбашам временно распустить шайки с условием обязательного возвращения в них джигитов по первому приказу.

9 февраля курбаша племени Исан-ходжа Иган-берды убил в ссоре курбашу племени Карлюк Алим-буры.

Все эти факты являлись несомненными признаками сильнейшей деморализации и разложения в среде басмаческих шайк.

В период зимнего затишья Ибрагим-бек уладил до некоторой степени конфликты между курбашами, закупил в Афганистане значительный запас патронов, договорился с эмиром о присылке пополнений из эмигрантов и остатков шайк, ушедших в Афганистан, и выработал общий план действий на летний период. В целях привлечения населения на свою сторону Ибрагим-бек решил применить наши методы. Как мы увидим

дальше, он организовал выдачу семенной ссуды в помощь голодающим, убили агитацию и повел борьбу с мародерством. Курбашам дана была на этот счет соответствующая директива, предлагавшая держать курс главным образом на Локай.

В первых числах марта Ибрагим-бек приказал всем шайкам Таджикистана приступить к весенним операциям. К этому времени эмир бухарский прислал в распоряжение Ибрагим-бека несколько пулеметчиков, обученных в афганской школе, что дало возможность Ибрагим-беку использовать часть имевшихся у него пулеметов.

7 марта все шайки приступили к активным и довольно успешным действиям. Так, объединенные шайки Рахман-Датхо, Баба-Мурата (Баба-Мурат в конце 1924 г. ушел к басмачам), Иган-берды, Афганча и Хаджа-Тайра, общей численностью в 350 сабель, атаковали наш эскадрон в районе Локай-беги и захватили пулемет Льюиса при 4 дисках, 6 винтовок, наган, 7 шашек и 120 патронов. Эта удача обошлась противнику дорого: он потерял убитыми 50 джигитов и курбашу Хаджа-Тайра.

8 марта Ибрагим-бек, переправившись через Вахш в районе Кызыл-Кала, возвратился в Локай, где наряду с боевыми операциями он начал проводить усиленную работу среди населения по выдаче семенной ссуды и оказанию помощи голодавшим. Кроме того жителям возвращались вещи, отнятые в свое время джигитами.

Все эти мероприятия и успех, одержанный басмачами 7 марта над нашим эскадроном, а также продовольственные затруднения Локая пошатнули было настроение жителей в худшую для нас сторону. Однако энергичная политическая работа и своевременная материальная помощь населению позволили нам быстро ликвидировать колебания в настроении локайского населения. Последующие успешные действия наших частей, в результате которых был убит ближайший помощник Ибрагим-бека—Ассадула, окончательно подорвали в глазах населения веру в боеспособность басмачей.

Однако Ибрагим-бек не терял надежды на привлечение локайских жителей на свою сторону. С этой целью он стремился всю тяжесть по снабжению шаяк продовольствием возложить на жителей более отдаленных районов, как например Сурханского. Кроме фуража Ибрагим-бек вывозил из этих районов хлеб для оказания помощи некоторым жителям. Тем не менее все его попытки привлечь симпатии жителей к басмачеству потерпели полнейшую неудачу. Население Локая, окончательно перешедшее на сторону советской власти, решительно встало на путь активной вооруженной борьбы с басмачеством посредством отрядов добровольной милиции. Резкая враждебность населения и энергичный нажим наших частей заставили Ибрагим-бека на весь 1925 год отказаться от всяких действий в Локае и перенести их главным образом на левобережье Вахш и частично на правобережье Кафирнигана.

В настроении населения как левобережья Вахш, так и правобережья Кафирнигана и Сурхана также намечался резкий перелом в пользу советской власти. Разложение шаяк, несмотря на все меры, принимаемые Ибрагим-беком, росло с каждым днем. Это вынуждало Ибрагим-бека в течение всего лета 1925 года действовать активно, вследствие чего он нес значительные потери. Эмир бухарский расходовал последние эмигрантские силы для пополнения басмаческих рядов.

К августу из локайских шаяк осталось только три, часть остальных была уничтожена, часть сдалась. В августе была окончательно разгромлена личная шайка таджикского главнокомандующего Рахман-Датхо, причем сам Рахман-Датхо был убит. Разложение таджикских шаяк пошло усиленным темпом. К концу 1925 г. локайские курбаши Иган-берды, Мулла-танака, Остана-кул, Абдул-Раим I, Абдул-Раим II, Назыр-гали, Ильбаша—были перебиты; часть их джигитов также была перебита; остальные сдались.

К 1 января 1926 года в распоряжении Ибрагим-бека осталось всего только 15 наиболее верных джигитов.

С разгромом басмачества в Локае, являвшемся вдохно-

водителем движения, быстрым темпом пошла ликвидация басмачества как на левобережье Вахш, так и в остальных районах Таджикистана. Упорствовавший главком Забатагского и Присурханского района Хурам-бек был убит в начале 1926 года своими же джигитами, которые ушли в плен, принеся вместе с оружием и голову своего начальника. Остальные пайки также быстро были разгромлены. Большинство курбашей было перебито, часть сдалась, и лишь одиночки бежали в Афганистан.

Ибрагим-бек, переправившись в начале января 1926 г. на левобережье Вахш, надеялся к весне создать новые пайки, но его расчеты не оправдались. Весной, преследуемый нашими частями и выдаваемый населением, он бежал в Афганистан, где и находится по настоящее время. С его бегством можно считать окончательно ликвидированным басмачество Таджикистана. 1925 год был годом предсмертных судорог басмачества, а 1926 год — его моральной и физической смертью.

Боевая работа наших частей по ликвидации басмачества в Локае должна по праву занять почетное место в истории Красной армии.

Борьба с басмачами протекала в исключительно трудной и сложной обстановке. Наши части прибыли в Локай в начале 1923 года, когда все локайское население, за исключением дряхлых стариков, женщин и детей, находилось в рядах басмачества. Незнакомство с горной, непривычной для нас местностью и языком, отсутствие опоры среди населения, труднейшие климатические условия, горько-соленая вода, вызывающая желудочно-кишечные заболевания, полное отсутствие связи с родными — все это в первый период борьбы с басмачами создавало чрезвычайно тяжелую обстановку. Газеты в то время мы получали с опозданием на 6 месяцев.

С отходом населения от басмаческого движения положение значительно улучшилось. В 1924 году командиры уже изучили местность, условия борьбы, кое-кто — язык. Между населением и нашими частями установились нормальные отношения. Газеты приходили уже

значительно чаще, хотя и с опозданием на 3—4 месяца. Вполне нормальные условия были созданы лишь в последний период борьбы (1925 и начало 1926 года).

До 1925 года, ввиду оторванности от культурных центров, среди командного состава имели место упадочные настроения. С установлением твердых сроков службы и улучшением материального положения и культурного обслуживания его эти настроения были быстро изжиты. В красноармейской среде упадочные настроения наблюдались лишь в единичных случаях, главным образом перед увольнением в бессрочный отпуск. Эти настроения также быстро изживались успешной работой политорганов и парторганизаций.

Основным стержнем политработы среди наших частей являлось воспитание в каждом красноармейце бойца-интернационалиста, благодаря чему Красная армия и сумела завоевать огромный авторитет среди трудового декханства. В интернационализме Красной армии — освободительницы трудящихся всего мира, — в ее героической, полной лишений боевой работе, в чутком и вдумчивом разрешении советской властью национального вопроса — вот в чем ключ к пониманию наших успехов в борьбе с басмачеством.

